

18+

Николай Близнец

ВОЙНА С БРАКОНЬЕРАМИ

Николай Близнец

Война с браконьерами

«Издательские решения»

Близнец Н.

Война с браконьерами / Н. Близнец — «Издательские решения»,

Третья книга из серии об охотоведе Алексее Фомине. Продолжая борьбу с браконьерами, он сталкивается с всё более опасными и организованными нарушителями, для которых природа — лишь источник наживы. Это не только история противостояния. Это честный и суровый взгляд на мир, где человек ежедневно делает выбор между жадностью и ответственностью, между разрушением и сохранением. Это книга о цене этой борьбы, о людях, которые ведут её до конца, и о природе, которая уже не может защитить себя сама.

© Близнец Н.

© Издательские решения

Содержание

ОТ АВТОРА	6
ГЛАВА 1	9
Конец ознакомительного фрагмента.	84

Война с браконьерами

Николай Близнец

© Николай Близнец, 2026

ISBN 978-5-0071-4547-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ОТ АВТОРА

Каждый раз, когда я открываю чистый лист, готовясь писать что-то новое, даже до конца мне самому пока и не очень известное, хотя в общих чертах уже понятное и принятое где-то в глубине сознания, меня охватывает ни с чем не сравнимое чувство азарта, волнения, вдохновения и даже восторга. Я с трепетом открываю этот лист для того, чтобы в этом безмолвном пространстве оставить букву, вторую, а из них уже сложить слова, предложения, абзацы, главы. Когда-то, через год или через несколько лет, эти буквы и эти листочки превратятся в рукописи, а рукописи в книгу. И вот именно сейчас, когда я только-только сел писать эту новую книгу, содержание которой еще спрятано где-то у меня в подсознании, даже, скорее всего, где-то в душе или в сердце, я точно еще и не знаю, что дословно приготовлено моей памятью и моим воображением, замыслом для этого миллиона маленьких букв-знаков. Но я точно знаю своей душой и своим сердцем, о чем в целом будет моя новая книга и зачем я ее пишу...

Охота! Охота была веками и тысячелетиями неотъемлемой частью жизни человека и человечества, но она остается и в наши дни с нами в нашем цивилизованном обществе, хотя бы и потому, что так это изначально заповедовал нам Создатель. Только раньше охота была необходима для пропитания, для обустройства жизни людей, а сегодня она — это эстетически и нравственно оправданное прямое общение человека с дикой природой, когда она, природа, сама позволяет охотнику-романтику, охотнику-любителю или охотнику-профессионалу не только любоваться своими сокровищами, но и взять для себя немного того, что он заслужил своей преданностью и любовью к этой самой природе, своими знаниями и уважением к ее секретам и своим трепетным отношением к ней и к ее богатствам. А еще охота — это подлинное творение, необычная музыка самой природы, услышать, понять и принять которую дано далеко не каждому в этом мире! Кто в этом сомневается, пусть почитает для начала, например, классика русской и мировой литературы Льва Толстого, полтора века назад описывающего охоту в своем серьезном, грандиозном и монументальном романе «Война и мир» как подлинную традицию поколений людей, как красоту, гармонию и эстетику нашего с природой единения, нашей жизни в ней и как естество самой природы и человека в ней, которое вечно. А проявление этих же канонов в творчестве многих известных, талантливых и знаменитых своими произведениями писателей, таких, например, как Тургенев, Пришвин, Аксаков, Арсеньев, Бианки, Сабанеев, Лондон, Хемингуэй и других писателей-натуралистов как прошлого, так и настоящего времени, которые не могли жить без природы, без охоты, которые описывали охоту в неразрывной связи с открытой и честной любовью к природе, не таясь и не стесняясь чьей-то необоснованной критики в субъективизме, черствости или жестокости — оно навсегда вошло в историю мировой литературы и в историю человечества. Сегодня научить человека профессионально писать что-то хоть и сложно, но можно. А вот профессионально, достоверно, понятно и красиво писать о природе может, на мой взгляд, только тот человек, кто эту природу не только знает, ценит и бережет, но и главное, романтично любит ее. А этими качествами владеют только настоящие экологи, природолюбцы, натуралисты, среди которых большую часть представляют именно охотники — романтики запахов тайги, ночного костра, серых туманов, дождливых сумерек, белоснежного покрывала суровой зимы с пятнышками и точками следов диких зверей на нем, шелеста или свиста крыльев уток на рассвете, необъяснимой красоты песни токующего глухаря, которая дошла до нас первозданной сквозь сотни тысяч лет и которая в неопишуемой усладе сжимает сердце и нервы охотника аж до боли своей древней необычностью, древней и искренней своей природной сутью...

Как профессионал биолог-охотовед и как писатель-натуралист идею именно таких книг я вынашивал и лелеял очень давно. Думал, вспоминал, намечал в уме и на листочках блокнотов наброски, будущие эпизоды до боли знакомых мне и не увиденных пока еще лично собы-

тий, терял их и вновь что-то писал. И я точно знаю, что эта радость, это вдохновение и это наслаждение — писать о природе — мне даны самой природой. Непростой труд — достать из закоулков сознания, а может, прямо из «облака» Космоса нужную, лучшую информацию, собрать ее в логическую цепь, чтобы было понятно читателю, чтобы было интересно, занятно и полезно разному, но именно моему читателю, и мне бы хотелось, чтобы вы, прочитав этот роман, нашли в нем красоту дикой природы, нашли в нем что-то новое, красивое, необычное и неизвестное о ней, узнали новое и о тех людях, которые эту природу знают, бесстрашно и бескорыстно берегут, любят и охраняют её, порой рискуя всем тем, что у них есть.

Но эта моя книга не только об умиротворенной идиллии в дикой природе. Она не только о красоте окружающего нас мира, но и о войне. О самой настоящей войне, о которой большинство людей нашей планеты не догадываются, не видит ее, порой даже и не подозревает о ней. Я хочу рассказать о войне с браконьерами. Кто такие браконьеры, чем они отличаются от обычных людей? Откуда они берутся, зачем они губят, убивают, жгут, рубят, ловят, травят диких зверей, рыб, птиц, растительность? Почему такие люди живут среди нас, и почему мы сами иногда становимся браконьерами, порой не придавая даже этому значения? Чем отличаются кровожадные браконьеры от простых охотников-романтиков, от охотников-любителей и даже охотников-профессионалов, которым Создатель и сама природа дали право на добычу диких животных, на охоту — за их преданность и любовь к этой самой природе... Много вопросов, но, к сожалению, мало кто сегодня в наше просвещенное время задумывается над ответами на них. Но они, эти вопросы, не придуманы мною, они были и есть уже давно, и они, как никогда, актуальны и сегодня.

В своем романе я постарался раскрыть перед читателем сущность жизненных устремлений и характеров тех смелых и решительных людей, которые бескомпромиссно стоят на страже жизни диких зверей и птиц, дикой природы в целом и которые беспощадно и бесстрашно борются с браконьерами и браконьерством как социальным явлением, считая это обычной своей работой, частью своей жизни. Хотя Создатель на заре человечества решил так, что дикие звери и птицы принадлежат человеку и он над ними властвует, но браконьеры и браконьерство принципиально искажают суть этого закона взаимного сосуществования человека и дикой природы: они берут у природы не то, что она им может милостиво разрешить, а то и столько, сколько смогут урвать, берут то, что им приносит наживу и даже богатства. Это и есть главная суть браконьерства — нажива путем уничтожения живой природы и других природных ресурсов. Если бы этот грабеж не пресекался законом и бесстрашными стражами этого закона — егерями, лесниками, инспекторами природоохранных ведомств, а также и общественными природоохранными движениями, — наша природа давно превратилась бы в мертвую пустыню, и неизвестно, как бы жили мы сейчас в этом мире. Но большинство из нас, к сожалению, очень мало знает об этих людях, и именно о таких людях предстоит вам прочитать в этой книге.

Это второй по хронологии событий роман из серии трех моих книг о биологе-охотоведе Алексее Фомине. Первая книга «Охотовед» и третья в цепи развития событий в жизни этого охотоведа «Охота пуще неволи» писались раньше, в разные годы и независимо друг от друга, я и не ставил тогда цели писать трилогию или серию. Но так получилось, в том числе и по просьбам читателей и издателей, прочитавших первых две книги. И я еще раз хочу отметить для тех, кто пока еще не читал упомянутых выше книг из этой серии, что большинство героев моих книг имеют своих прототипов в жизни, также, как имели место в жизни большинство событий и фактов, о которых идёт речь. Но имена и фамилии людей, названия некоторых мест, населенных пунктов, городов, где происходят все эти действия и события, я изменил, поэтому совпадения таких событий или собственных имен в этой книге следует считать случайными, поскольку они просто вымышлены мною.

Я вижу природу глазами биолога-охотоведа, глазами охотника-романтика и глазами писателя-натуралиста, поэтому хочу пожелать читателям не просто прочитать эту книгу, а увидеть

в ней запоминающийся, увлекательный для себя фильм, взглянуть на нашу удивительную и неповторимую природу, на диких животных, на лесников, егерей, на охоту и на простых, честных охотников и, конечно же, на охотоведов уже другим, новым взглядом. Спасибо тем, кто любит и бережёт природу, и до новых встреч.

Николай Близнец. 2026 г.

ГЛАВА 1

Кто-то, кажется Н. В. Гоголь, сказал однажды, что настолько велик и могуч бескрайний седой Днепр, что не всякая птица долетит и до середины его. Наверное, не те птицы или не тот Днепр имел в виду писатель, оставляя на века нам эти строки: наши птицы любят Днепр, спокойно и уверенно парят над его тяжелыми волнами, с удовольствием гнездятся на его берегах. Правда, в среднем течении великой реки летом можно пешком дойти до ее середины, но оттого никак не пропадает величие реки и чувство безотчетного уважения или даже почтения к Днепру, когда приходишь к его берегам. Особенно это чувствуется осенью или весной, когда, стоя у обрывистой кромки берега, ловишь себя на мысли о том, насколько колоссальна стихия Днепра. Тяжелые темно-зеленые волны, устрашающие водовороты, немыслимая мощь течения притягивают взгляд, заставляют и душу, и сердце заворуженно трепетать перед силой творения природы, и сам Днепр видится как живое сказочное существо: огромное, сильное, могучее. А вот летом же он мягкий, теплый, ласковый, с песчаными косами и пляжами, со стайками рыбьей мелюзги на мелководье, с крикливыми чайками и стремительными ласточками-береговушками, кружащимися с пронзительным веселым криком над водой, с запахом тины, кувшинок и аира, растущего по его отмелям у берегов. Но даже летом при мелкой воде сила и мощь реки чувствуется в каждом всплеске, в каждом вздохе этой живописной и величавой громадины, неспешно и размеренно уносящей свои воды в далекое бескрайнее море. А зимой, когда Днепр скован тяжелыми льдами и укутан поверх них искрящимися алмазным блеском снегами, стоит только пройти по льду до середины реки и оглянуться вокруг: голова закружится от осознания того, что под тобой огромная глубина и в ней проносятся миллионы тонн воды, что под тобой живет огромное царство водных животных, и Днепр — это их стихия, это их мир, скрытый от глаз человека. Но его можно не только живо представить, но и лично потрогать, попробовать на вкус, искупаться в нем, забросить удочку или раскинуться в высокой роскошной и пахучей траве на его берегах и представить его подводное молчаливое царство...

Где-то в глубоком омуте на излучине реки давно живет большеголовый усатый сом. В темноте и затишье омута ему мирно, спокойно и, наверное, даже уютно. Проспав весь день, к вечеру он выходит на охоту и, поймав за ночь себе на ужин лягушек, зазевавшихся раков или рыбешек, к утру он возвращается в свою тихую обитель, откуда тут же, блеснув чешуей, стремительно рассеиваются в толще воды в разные стороны стайки испуганных окуней, ершей, налимов или даже белорыбицы.

В подводном разнотравье мелководья притаилась в своей немудреной охоте речная щука. Она отличается от щуки озерной формой своего более плоского и продолговатого, стремительного тела. Медленно шевеля плавниками, щука ожидает, когда мимо проплывет неосторожная плотвичка, и резким броском настигает ее, захватывает острыми зубами — охота удалась, что, кстати, далеко не всегда получается с первого раза.

Молодые судаки прошлого года рождения тоже, как и щуки, держатся летом на мелководье, но только не в траве, а ближе к песчаным отмелям, у заводей. Они стайками активно охотятся на мелочь — рыбешек, вылупившихся из икры в этом году или на уже подросшую молодежь прошлого года. А вот старые большие судаки, те всегда уходят поглубже, ближе к стремнине, где делят водную стихию с жерехами, усачами-миронами, иногда с крупными лещами, язями, а то и с широкоспинными голавлями, которые иногда забираются на глубину отдохнуть после удачных охот на каменных днепровских перекатах. Всем жильцам этого подводного царства: от жучков, рачков и личинок до огромного сома или толстого медлительного, с выпученными глазами сазана хватает места и корма в толще днепровские воды. Осенью вода в Днепре, наполняясь дождями и поднявшимися мелкими речушками, впадающим в него и питающими его от самого истока на Смоленщине, значительно, до шести-восьми метров, поднимается ближе

к кромке обрывистых берегов, скрывая под водой обнажающиеся летом прибрежные камни-валуны, подтачивая обрывами высокие дернистые берега, притапливая стволы густого разрастающегося прибрежного ивняка, нещадно стгрызаемого вездесущими бобрами и ондатрами, но постоянно возобновляемого мелкой густой порослью своих отростков на месте их погрызов. А вот в некоторых местах реки, где русло её углубляется почти до двенадцати метров и больше, образуются так называемые «зимовальные ямы», и именно к ним ближе к зиме стремятся многие виды рыб, чтобы спокойно в полудреме провести всю зиму на большой глубине. Такие косяки взрослых лещей,двигающихся на зимовку к ямам с низовой вверх по течению, достигают до тысяч голов. Проплывая вверх, они находят свои «родные» ямы и замирают там на долгую зиму, пока на Днестре не вскрыется лед. Это движение происходит по всей реке: так было тысячу лет назад, так происходит каждую осень и в наше время. Холодная прозрачная вода торопит рыб — скоро придет зима, и они непрерывно двигаются и днем, и ночью к своим местам зимовок. А сам Днестр осенней холодной ночью торжественно тих и даже немного угрюм, изредка можно услышать хлесткий удар хвостом по воде недовольного чьим-то появлением взрослого бобра, да невидимые в темноте стайки жирных крякв пронесутся над водой или промелькнут в звёздном небе, характерно свистя крыльями...

Ночь и день для рыб не имеют особого значения, а вот мелькающий раз за разом в толще воды необычный светящийся луч света привлекает их своей необычной новизной в этом сумрачном царстве темной и холодной воды и вечной тишины. Необычный огонек, пронзая толщу воды, привлекает как крупных щук, язёй, лещей, подустов, судаков, так и мелочь густеры, верховодок и плотвы. Рыбы хоть и не плывут на него, как прилетают ночные бабочки на свет, но и не скрываются прочь от быстро приближающегося к ним то пропадающего, то возникающего все ближе и ближе луча света. Лишь жирный сом, уже собравшийся было на охоту, зашевелил усами в своей глубокой яме под корягой, заметив, что несколько мелких рыбешек, странно судорожно извиваясь, проплыли мимо него вниз по течению. Сом настояжился: добыча сама плывет к нему. И он, осторожно выбравшись из-под коряги, стал подниматься выше к поверхности реки и тут же молниеносным рывком поймал большого леща, почему-то кверху брюхом плившего в его сторону. И вдруг совсем недалеко от сома вновь вспыхнул яркий луч света. Сом заметил, что по течению к нему в толще воды плывет много разной рыбы, причём, все они либо судорожно извиваются, либо не подают признаков жизни и даже не боятся огромного сома. Огонек потух, сом услышал всплеск весел по воде и уже собирался нырнуть в свою яму под корягой, когда луч света вдруг вспыхнул совсем рядом и в воде раздался страшный треск. Невидимая сила ударила, оглушила сома, сковала судорогой мышцы, воздушный пузырь вмиг лишился воздуха. Сом, судорожно извиваясь, стал падать на дно, но луч света осветил в толще воды огромное извивающееся тело, и невидимая сила подняла его над водой и опрокинула на гору мертвой и еще живой, трепещущейся рыбы на дне резиновой лодки у ног возбуждённых людей.

— Вот это да! Да ну! Сом, сомище! — громко зашептал одни из сидящих в лодке людей, но сом этого уже не слышал — он был мертв.

Человек веслами умело правил лодкой, плывущей вниз по течению, и наблюдал, как впереди сидящий напарник его доставал из воды большим саком очередную порцию рыбы. Затем, проплыв несколько метров и собрав в воде рыбу вокруг лодки, освещая толщу воды подводным фонарем, прикрепленным к саку, он выключил свой фонарь, опустив сак в воду впереди лодки, и так они плыли дальше и дальше вдоль днестровского берега.

— Сплюнь, дурак, — удачу спугнешь... Да, Шура — это сом! Хороший сомик! На пуд, если не больше, потянет — еле поднял. Давно они нам не попадались: вот Витя будет рад...

— Да, Витька-то пусть наливает за такую добычу! Но что-то машины не видно? А пора бы, я уже промерз до самых костей...

— Машина за поворотом стоит, ты что, забыл? Там же отмель, там же и высадимся, если доплывем.

— А чего это вдруг мы не доплывем, Мишаня? — насторожился Шура.

— Так ты смотри — уже полная лодка рыбы, вода под самый край лодки. Не затонуть бы, если вдруг волна.

— Слушай, Мишаня, — зашептал Шура, — ты, это, мелочи-то насшибай больше. А то будет, как в прошлый раз: Витька всю рыбу крупную на базар заберет, а нам опять ничего не останется. Хоть что-то домой принести надо, хоть по ведру мелочи какой-нибудь жене для отчета, да и в магазине на пузырек водки поменять...

— Хорошо, что напомнил. Хоть на сковородку да на таранку надо и себе наловить — это точно.

Через минуту впереди сидящий Мишка в очередной раз включил примотанный изолен-той к длинной деревянной ручке сачка тумблер электроудочки¹*: толща воды впереди лодки вспыхнула светящейся сферой, а в холодном воздухе раздался треск электрического разряда включенной под водой электроудочки. В желтом свете под водой заблестела чешуя извивающегося под ударом тока рыбы. Один сак, второй, третий... периодически выныривали из воды, полные рыбы, которую небрежно бросал в лодку позади себя безжалостный человек. Холодное течение несло впереди лодки на многие сотни метров блестящие в ночи лепестки мёртвых тел убитой браконьерами рыбы. Не меньше её, невидимой, осталось лежать и на дне темной и холодной воды...

— Ну, когда же это все кончится, Леша? — Таня скрестила руки на груди и уставилась большими карими глазами прямо в глаза мужу, словно преграждая ему дорогу к дверям. Стройная, гибкая, в простом домашнем халатике, с хвостиком русых волос, перетянутых резинкой на затылке, она, нахмутив брови, гневно поджала и без того тонкие губы. — Уже третью ночь подряд ты собираешься не ночевать дома. Тебя не волнует ни маленький ребенок, ни семья, ни хозяйство, ни дом. Тебя не волнует, что у тебя есть, наконец, жена. Это когда-нибудь кончится?

— Ну, мать. Что ты, вправду..., — молодой, среднего роста мужчина с вьющимися, но аккуратно подстриженными темно-русыми волосами, прикрывающими высокий лоб, с прямым правильным носом, волевым подбородком, небольшим, четко очерченным красивыми губами ртом, виновато взглянул серыми глазами на жену, пытаясь что-то сказать, но его слушать не стали:

— Да! Я знаю твою песню: браконьеры, природа, охота, работа... Ты директор охотничьего хозяйства, и это все у тебя на первом месте. А мы? А мы неизвестно вообще на каком месте у тебя.

— Таня, послушай...

— А что мне слушать? Что это твоя работа? Что ты обязан? Что никто, кроме тебя? Что браконьеров ловить должен директор, а не егеря? А почему, Леша? Почему ты должен ночами кого-то ловить, если ты директор, а они деньги за что-то получают! Ты что, единственный и незаменимый? Лучше бы ты оставался преподавателем в колледже на полную ставку, чем по ночам шастать неизвестно где, зачем и неизвестно, когда вернёшься. И не нужны мне твои большие деньги, мне надо, чтоб настоящий муж дома был, а не приходящий временами отец моего ребенка.

¹ Запрещенное законом приспособление для отлова рыбы в воде с помощью преобразованного специальной схемой тока от автомобильного аккумулятора. *Здесь и далее по тексту книги примечания автора.

— Но послушай, мать...

— А, что с тобой говорить. Едь, куда хочешь. И живи, как хочешь. Я уйду к маме.

— Таня!

— Все, Леша. Едь, лови своих браконьеров. Неизвестно где и неизвестно с кем ты там природу охраняешь, а мне это надоело. Я уйду, имей это в виду.

— Ну, мать... делай, что хочешь... Знала ведь, за кого замуж выходила? Знала. Чего теперь начинаешь чудить?

— Да, знала. За молодого и красивого директора охотничьего хозяйства, который цветы дарил, на мотоцикле по лесу катал, зверушек диких показывал. А что теперь? Ни в театр, ни в кино, ни мотоцикла, ни зверушек, ни в ресторан, который ты лично мне обещал уже почти пять лет назад, помнишь? За то, что я тебе сына родила! И что? Дома сижу — одна, в садик — одна, в магазин — одна. После работы дома — одна. В постель — тоже одна. Надоело мне, Леша, быть одной.

— Ты преувеличиваешь. На концерте мы были недавно, всего полгода назад. А вот в ресторан, если хочешь, завтра вдвоём и сходим, договорились? Хочешь?

— Да, хочу. Но тебе больше не верю. Ты опять кого-то поймаешь. Потом будет милиция. Потом прокуратора, потом на работу, потом звонки, ходоки, машины чужие у подъезда, и так по кругу.

— Хорошо. Не злись. Сказал, что поедем, значит, поедем. Будь готова. Давай я тебя поцелую и поеду. Не грусти и собирайся в самый лучший и самый дорогой ресторан. Договорись только с тещей присмотреть сына нашего. Идет? Ты мне термосок собрала на ночь?

— Термосок тебе? А пусть тебе его твои лосихи там собирают, где шляешься по ночам. Знаешь, муж: кто кого как любит — так того и кормят!

— А ты меня не любишь?

— А за что тебя любить?

— Таня. Ты уж не слишком ли далеко заходишь? Подумай, что ты говоришь... Эх. Некогда мне тебе слезы вытирать и выслушивать ерунду разную, да и неохота. Не любишь — насильно мил не буду.

— Скатертью дорога. Смотри, муж, заразу домой не принеси, или чтобы на порог нам под двери аист кого-нибудь не подкинул — а я и не удивлюсь, Леша.

— Глупости несешь, Таня, не стыдно? Успокойся, не все так плохо, как тебе кажется, вот увидишь. Ну что ж, мне пора. Поехал я. Пока.

Он подошел к двери, поднял рюкзак, проверил пистолет в кобуре под мышкой и открыл дверь.

— Подожди, Леша. Возьми, — всхлипнув, Таня принесла из кухни пакет с бутербродами и термос, протянула ему в руки, быстро чмокнула в щеку, — возвращайся скорее, — и выпроводила его за двери.

У подъезда его поджидал служебный УАЗ, в салоне которого при тусклом свете включенной под плафоном лампочки можно было разглядеть сидящих с зачехленным оружием в руках людей в камуфлированной одежде военного образца — это рейдовая бригада егерей охотничьего хозяйства собралась для выезда в очередное плановое патрулирование охотничьих угодий своего охотничьего хозяйства. Последние пожелтевшие листья рядом с подъездом растущего куста сирени безжалостно срывает и бросает прямо под колеса стоящей машины колючий осенний ветер. Сквозь редкие облака в ночном небе ярко мигают далекие звезды. Середина октября — пора выездов браконьеров на охоту с фарами. Поля практически убраны, а дикие звери с удовольствием посещают ночью те поля, где они привыкли жировать летом и осенью. На осенних полях дикие кабаны находят остатки потерянного людьми урожая, разрывают норки мышей, в которых они приготовили себе на зиму запасы зернышек, а лоси, олени, косули и зайцы-русаки с удовольствием лакомятся только что поднявшейся сочной озимью или

пучками зеленого клевера на отаве. Именно на таких полях по светящимся в лучах фар глазам их легко находят браконьеры и, ослепляя мощным светом галогеновых фар, подъезжают на машинах, мотоциклах, вездеходах или тракторах на расстояние ветрела и легко добывают стоящих на месте ослепленных диких зверей. Чаще всего в рейд ездили по мере поступления оперативной информации от своих источников в деревнях и селах: от железнодорожников, пастухов, лесников, сторожей ферм, добросовестных местных жителей. Но еще использовали на практике внезапные выезды в любом направлении, а о маршруте и сроках таких выездов не знал никто, кроме самого директора охотхозяйства и одновременно охотоведа в этом же хозяйстве в одном лице — Алексея Фомина. Он не столько не доверял егерям, не столько боялся утечки информации, сколько привык такие маршруты и время их проведения выбирать спонтанно, по какому-то неясному своему чувству, может, по наитию. И он знал, что в большинстве своем эта «чуйка» его не подводила никогда, во всяком случае, такие рейды никогда не считались безрезультатными, даже если браконьеров не было выявлено. Находили следы транспорта на полях или в малодоступных местах в лесу, общались с местными жителями, например, со сторожами на фермах и на мехдворах, ночными сменами пожарных. А главное, объезжая ночью поля, в прибор ночного видения считали диких зверей, таким образом проводя первичный их учёт. Фомин обращал внимание и на поголовье стад в целом, и на их половой и возрастной состав, и все эти данные он обязательно записывал в свой рабочий блокнот. Выезд ночью в охотугодья никогда не считался напрасным и, несмотря на то, что всегда и на всем в охотхозяйстве экономили топливо, Алексей никогда не экономил его на патрулировании охотугодий в любое время суток и в любое время года. Хотя в практике директора охотхозяйства были эпизоды, когда его недобросовестный водитель или егеря случайно, а то и за мзду, разглашали предстоящий маршрут выезда и его время разным заинтересованным лицам, главным образом браконьерам, но таких «стукачей» со временем все равно вычисляли (и среди браконьеров были свои осведомители) и избавлялись от них немедленно и без сожаления. Поэтому и сегодня егеря, предупрежденные по телефону о сборе, не спрашивали, куда они поедут и надолго ли. Рюкзаки собраны, как учил Алексей, на сутки, а то и на два дня. А что там сельскому жителю собирать в дорогу? Кусок домашней «пальцем пиханой» колбасы, вареные яйца, лук, блины, хлеб, термос и, конечно же, домашнее сало. Ничего в рюкзаках не звенит и не булькает и звенеть не может априори: директором на спиртное во время работы наложено строжайшее табу.

— Здорово, мужики, — Алексей аккуратно закрыл свою дверцу, сев на переднее сиденье УАЗа рядом с водителем Сашей Сулимовым, своим шурином — родным братом своей несчастной жены, — как настроение?

— Нормально, — за всех ответил крепкого телосложения, высокий, подтянутый егерь Саша Луговин. — Как, Алексеевич, твоя чуйка что-нибудь подсказывает?

— Еще не включал, Саша. Есть предложения?

— Надо бы как-то, Алексеевич, за Днепр зацепиться ночью.

— А что, есть что-то интересное? Сети, неводы? Мне кажется, что уже и холодно их ставить и таскать...

— Да так... Не то, чтобы неводы, сети, Алексеевич... Есть подозрения, что бомбят Днепр электроудочкой в наших краях.

— Ну-ну. Продолжай, Саша, я слушаю.

— Мне, Алексеевич, бакенщики несколько раз говорили о том, что по ночам и к утру иногда плывет по Днепру мертвая рыба. Да и пастухи, что стояли в летнем лагере выпаса телят до октября в Боровке, тоже жаловались.

— А чего ты молчал?

— Проверял информацию.

— И что, накопил что-нибудь интересное?

— Пастухи говорили, что в последнее время практически каждую третью ночь, ближе к утру, по Днепру плывет снулая² рыба. Рыба, с их слов, свежая, без запаха. Больше мелочь, но попадается и крупная. Я стал подозревать, что рыбу бьют электроудочкой, и раз она к Боровке доплывает к утру, значит, ее бьют где-то в районе Новоселок. Поэтому и ездил на мотоцикле вдоль Днепра: от Солтановки и до Боровки.

— И что?

— А то, что следы джипа тянутся вдоль берега Днепра только в одном и том же месте: от Новоселок до Дашковки.

— Так. Что предлагаешь?

— Это еще не все. Там есть место, чуть выше Дашковки, за больницей, где в старых немецких окопах недалеко от Днепра по ночам кто-то палит костры. С шоссе этих костров не заметить, с реки — тоже. Костры, по-моему, жгут люди, ожидающе идущую к ним по Днепру сверху вниз по течению лодку с браконьерами. В кострищах валяются пустые бутылки из-под водки и банки из-под пива, пустые банки от консервов — это, Алексеевич, городские небедные люди, тем более на джипе. Еще там, на берегу, есть крупная рыба чешуя, следы сапог на месте, где лодку на берег вытаскивали не один раз, натоптано людьми много там на песке у воды.

— М-да. Может, в рыбнадзор позвонить?

— Я думаю, Алексей Алексеевич, нам надо самим их брать. Это же наша территория, а браконьеры не только рыбу уничтожают, но и всю речную живность по берегам, пугают и калечат в жилищах норок, бобров, ондатру. Весь био-и-зоопланктон тоже убивают начисто. Надо нам их отловить и самим довести дело до суда. И точка. Я прав?

— Думаю, что ты прав, и я с тобой согласен, Саша: будем брать, раз такое дело. Твои планы и предложения?

— Я думаю, что браконьеры лодку с людьми и с электроудочкой пускают на воду в районе Новоселок, а сами на машине едут на берег Днепра у Дашковки, где в окопе жрут водку и поджидают лодку с рыбой. Здесь же всё загружают в машину и едут по гравийке на асфальт, а дальше, куда хотят.

— Значит, надо брать их с поличным при загрузке электроудочки, рыбы и лодки в машину, так?

— Точно так, товарищ директор.

— Когда в последний раз они ночевали у костра, Саша?

— Судя по всему, два дня назад.

— Ну, сам Бог велел их нам сегодня взять. Давай, Саша, путевку, я допишу маршрут, — обратился он к шоферу, — и вот вам, мужики-коллеги, задание на рейд. Слушаем, как всегда, внимательно, потом вопросы, потом распишетесь в получении инструктажа по охране труда на рабочем месте, технике безопасности при задержании браконьеров и по общей организации рейда.

Он рассказал в инструктаже, что сегодня предстоит рейд по охране угодий в виде патрулирования лесных и полевых охотугодий, а после полуночи — охрана поймы реки и самой реки от потенциальных браконьеров. Штатные и нештатные ситуации при задерживании браконьеров, распределение обязанностей при физическом задержании, применение силы и оружия — все это егеря знали, но тем не менее в очередной раз молча выслушали и расписались в журнале — так положено. Глянул на окно кухни в своей квартире — оно все еще светилося.

— Что же, все всем ясно? Поехали, Саша, сначала на Бовшево. Там побудем до полуночи, а оттуда поедem на Днепр.

Машина тронулась, объехав трёхэтажный дом, в котором жил Алексей, и свет фар автомобиля высветил пустынную асфальтовую дорогу и стелющиеся по ней желтые листочки —

² Мертвая.

осень. Сидя в теплой машине, под тихий будничный разговор егерей глядя на разлетающиеся в сети фар жёлтые листья, охотовед задумался о самой осени, которую очень любил, потянуло даже на лирику...

...Хоть и унылая, как сказал поэт, но все же красивая пора — наша осень! Даже сидя в теплой машине, ночью, представляется, как прохладной, даже какой-то тревожной тишиной, перезрелыми сыроежками и чёрными груздями встречают сейчас охотника, а то просто любознательного грибника или туриста притихшие, задумчивые и сумеречные ельники, словно осязаемая, ощущаемая и тихая осенняя грусть наполняет их. А вот в перелесках и на опушках смешанных лесов и лиственных рощ, разбросанных пестрыми лапками среди убранных полей, самыми разнообразными красками и оттенками бросаются в глаза пожелтевшие и покрасневшие листочки вязов, берез, осин, крушины, орешника-лещины. А на поросших густыми кустами ивняка и рябинника низких берегах неширокой речки издали легко проглядываются красные гроздья спелых ягод рябин, и прозрачная стылая вода речушки кажется тёмной и от того бесконечно глубокой. В самой пойме по утрам серые туманы расплзаются по лугу лохматой дымкой разорванных облаков, скрывая от солнышка блеклые капельки холодной росы. А вот в деревенских садах сейчас пахнет терпким мёдом перезревших и опавших груш, яблок и слив, с примесью пряных ароматов тмина и укропа: неизменных признаков наступившей ранней осени. И ведь действительно, хоть и «унылая», но всё же «...очей очарованье...»! Если пригнуться и прислушаться к осеннему лесу издали, тайно и скрытно, то покажется, что совсем уж не простой этот лес, а лес сказочный. На рассвете у могучих дубов, уже окрасившихся в красный цвет, среди скошенного поля проходит гон³ оленей. Красавцы-рогачи, грациозно запрокинув головы с ветвистыми рогами, оглашают опушку леса громким рёвом, волнующим и будоражащим душу любому, кому доведется вдруг его услышать. Горячий пар дымкой вырывается из трепещущих от возбуждения ноздрей, копыта вздымают невспаханную стерню, а громкий рёв разносится по утреннему лесу многократным эхом. Но это не пугает ни спокойно пасущихся самочек оленей, ни важно и озабоченно выхаживающую по полю задержавшуюся с отлётом стайку журавлей, ни тихо шуршащих поползней и лесных синичек, ни мелодично и нежно посвистывающих рябчиков, облюбовавших лесную полянку, усыпанную красными гроздьями брусники. А вездесущие, но незаметные паучки, неизменные признаки наступающей осени и бабьего лета, как и всегда в эту пору года, раскинули по ветру свои шёлковые паутинки, и их плетения, обильно орошённые утренней росой, кажутся ажурными кружевами неведомой мастерицы-рукодельницы, умело и искусно плетущей, а потом накидывающей на ветви деревьев и на стебли травы своё невесомое узорчатое плетение — это и есть самое настоящее «бабье лето». Растворится на лугу туман в лучах нежаркого, но яркого осеннего солнца, и заблестят эти кружева мириадами светящихся бисеринок-искорок, отражая в себе и осеннее холодное небо, и нарядную пёструю листву окружающего леса, и холодную блеклую зелень осенней травы, в которой спрятались красные шляпки упругих подосиновиков, кокетливо прикрытые опавшими красными и жёлтыми листьями готовящихся к зиме деревьев. Прекрасная, хоть и немного грустная пора — осень... Но это же и есть настоящий праздник осени в природе, это и есть самый настоящий осенний бал! На этом праздничном балу всеми красками радуги разукрашены нарядные деревья, неожиданным сюрпризом радуют глаз на первый взгляд скромные осенние цветы. Здесь и золото, здесь и багрянец, и синева, и бирюза, и на фоне этого праздничного наряда даже привычная лесная зелень сосны и ели выглядит необычно — ярче, сочнее и настолько радостно и жизненно, что даже и в мыслях не возникает этой самой тоски или какого-то уныния. Конечно, не хватает гомона лесных птиц. Но их гармонично сменила девственная, явно ощутимая тишина природного Берендеева лесного царства. Лишь тихий и нежный, мелодичный посвист и едва слышимое шуршание лесных синиц

³ Период брачных игр и турниров у оленей.

и поползней дополняют музыку тишины осеннего леса. Красно-золотистые, с бледной синевой листочки осин, игриво выглядывая из-за сказочных мохнатых лап елей, притягивают взгляд: так и хочется подойти к дереву, потрогать и погладить ладошкой его теплую гладкую кору — не сказка ли это? А дерево трепетно, еле слышно прошелестит в ответ каждым листочком что-то интересное, завораживающее и искреннее нашептывая неожиданному гостю-собеседнику, и щедро одарит его припрятанным под ним крепким и упругим красноголовым красавцем-подосиновиком. В лесу так тихо, что, кажется, слышно, как плывут по синему небу золотисто-сероватые облака. Но сквозь этот тихий шелест осеннего неба пробивается звучный и немного печальный голос поющих свою торжественную песню журавлей, улетающих прямо с этого бала на юг. Они не прощаются грустно и навсегда, как это может показаться на первый взгляд, они, ликуя, говорят всем нам «до свидания», потому что и им, журавлям, сверху невозможно не ликовать от созерцания голубых прозрачных озер и рек, окаймленных золотой оправой прибрежных лиственных лесов. Им с высоты птичьего полета глядеть-не наглядеться, не налюбоваться зеленью отавы, подрастающей на скошенных полях с желтыми шапками стогов соломы на них, на необычную красоту празднично нарядившихся деревьев, садов и парков. Им жалко расставаться с этим бирюзовым небом, с этим золотым лесом, с этой ласковой и ещё теплой землей. Улетая, журавли запоминают и уносят с собой эту красоту в далекие чужие страны, где с нетерпением будут ждать прихода весны, чтобы обязательно вернуться в эти родные, изумительной красоты края. Осень — вот она! Тихо, скромно и незаметно, она по-хозяйски вступила в свои права, и по искрящимся рано утром холодной росой лугам в густом молочном тумане, по золотому убранству лесов, по торжественной песне журавлей мы узнаем, что жаркое лето ушло от нас почти на целый год. Но еще по вечерам тысячи скворцов огромными переливающимися стаями кружат в рано темнеющем небе, над лесными озёрами в сумерках свистят крыльями тяжелые дикие утки, тишину дремлющих в сумерках лесных делянок и опушек осенних лесов буквально взрывает такой неожиданный, гортанный и грозный рев возбужденных гоном красавцев-рогачей благородных оленей, готовых сразиться в турнирном поединке за свою избранницу с любым соперником. Все в природе говорит о том, осень принесла нам свой чарующий подарок-праздник великолепного осеннего бала. А было ли лето, грустно думается, глядя на скошенные поля, на желтые листочки, плывущие и кружащиеся в прозрачной воде...

Но работа остаётся работой, и она сейчас прежде всего. Лирика, на миг захлестнувшая охотоведа, знатока природы и природолюбца, осталась лишь лирикой, а сейчас надо вернуться на грешную землю и работать, останавливать и наказывать тех, кто такую красоту в природе пытается погубить.

Алексей, вздохнув, попросил водителя завернуть к знакомой всем присутствующим в машине егерям яблоньке в старом заброшенном колхозном саду. По непонятным причинам яблоки с этой яблоньки никто так и не собрал; может, агроном или бригадир решили для себя оставить запас, а может, школьники, собиравшие урожай, решили сделать для себя заначку, да так и остались красные яблоки висеть на ветках, пока их и не обнаружили как-то проезжавшие по саду егеря. Так и повелось с тех пор: проезжая ночью мимо сада, они обязательно заезжали проведать свою яблоньку, набирали с собой в дорогу сладких, налитых, холодных и упругих яблок. И они, эти яблоки, всегда выручали, когда и перекусить хотелось бы, да не было времени или не было с собой самого этого перекуса. Только отъехали от яблони, как в свет фар попал упитанный непуганый русак. Слеплённый светом фар машины, он несколько раз метнулся в луче фар, а потом просто сел на дороге и замер. Водитель на несколько секунд потушил свет, а когда включил их вновь, зайца и след простыл.

— О, черт, — выругался Гриня, кум Алексея, — не к добру, Алексеевич, заяц перед охотой...

— Так это ж перед охотой, Саня, — ухмыльнулся Фомин, — а мы где? Или как?

— А мы и есть на охоте, Алексей Алексеевич! Охоте на браконьеров!

— Хм. Интересно. Охота на браконьеров? Нет, ты и прав, Гриня... Охота — это красота. Это святое. А тут? Что святого? Тут только одна война, Саня. Даже вот лицензии, как на охоте, у нас на них, на брэков, нет, к сожалению...

— Как нет, Алексеевич? У тебя вот в правом нагрудном кармане выступает, я вижу: такая, в красном переплётё, книжечка. Это что, не лицензия?

— Нет, Саня, это как раз, наоборот, для работы с «краснокнижными» животными, которых отстреливать нельзя.

— Но и беречь таких мы не будем!

— Хорошо, Саша, уговорил. Беречь не будем — будем воевать с браконьерами без лицензии...

Саша Гриневи́ч был офицером, страшим лейтенантом внутренней службы и служил в СВПЧ⁴. Поскольку в их команде собралось сразу три Александра: Луговинов, Сулимов и Гриневи́ч, то Сашу Гриневи́ча звали просто по прозвищу Гриня, так было удобней для всех. Среднего роста, стройный, подтянутый, с небольшими залысинами, карими плутоватыми глазами и постоянной улыбкой на губах, он всегда был душой компании. Алексей уважал его за эти качества, да и не только за эти, любил брать его с собой в рейды и на охоту. Кроме того, являясь кумом Алексея, он часто злоупотреблял служебным положением, нещадно и без зазрения совести сливая бензин с баков прожорливых пожарных ЗИЛов и «Уралов» для УАЗа охотхозяйства.

Аккуратно выбравшись из сада на шоссе, свернули в сторону по этой дороге деревеньки с названием Бовшево. В Бовшево шоссе заканчивалось, и за деревней начинались просёлочные дороги к полям, а по ним и к большому массиву леса за этими полями. Сама деревушка располагалась на высоком правом берегу небольшой речушки с красивым и романтическим названием Лахва, протекающей под мостом у самой деревни, а потом, извиваясь, убегающей по лугу к лесу и дальше к величественному Днепру. Вековой сосновый лес, растущий вдоль ночной дороги к Бовшево, подсвечиваемый светом фар, выглядит ночью немного как-то торжественно, словно на параде. Этот сосновый бор, знал Фомин, находился в резерве облисполкома на случай чрезвычайных ситуаций, и рубки здесь были запрещены, за исключением санитарно-выборочных⁵. И стоят эти высоченные сосны, а это целых четыре квартала, на радость людям как живой памятник заботливого и даже научно обоснованного подхода к лесным насаждениям и в целом к лесоводству наших предков, как памятник красоте нашей родной природы, как живое доказательство тому, что лес — это наше богатство на века. Даже заядлые браконьеры не решались рубить этот красивый и гордый, почти столетний мачтовый лес. На изгибе дороги в лесу промелькнула кем-то давно установленная здесь старая кормушка для косуль. Хотя директор охотхозяйства было предложил егерю убрать ее как никому не нужную, но егерь Василий Степанович Романенко, чей обход находился вокруг Бовшево, наотрез отказался ее сломать и убрать: «Пусть видят гражданские люди, проезжающие по дороге, что здесь есть егерь и что он кормит диких зверушек. Они же в глухом лесу, где по-настоящему живут косули и олени, никогда не бывают!» Такая постановка вопроса немного смешила директора охотхозяйства, но он не стал настаивать на сносе кормушки. Тогда вспоминалась его юность, когда он в свои семнадцать лет стал работать егерем военно-охотничьего хозяйства. И тогда именно он сам строил кормушки и солонцы для диких зверей, в том числе, и вблизи проезжих дорог, чтобы постоянно приезжающие на проверки разные ревизоры-проверяющие, которые ленились ходить по лесу и откровенно ждали конца рабочего дня с традиционной баней и щедрым столом, смогли прямо из машины видеть и кормушки, и солонцы, и другие биотехнические

⁴ В то время — специализированная военизированная пожарная часть.

⁵ Выбровка, вырубка и вывоз из леса больных или ветровальных деревьев.

сооружения⁶ и положительно оценить работу егеря. Алексей, будучи директором, такую практику в охотхозяйстве сразу же резко пресёк, но несколько таких вот старых «образцово-показательных» сооружений так и остались стоять там, где их строили в старые времена... А вот уже и сама спящая деревня. Фонарей на столбах по улице нет, да и не было никогда. Молодежи на лавочках, как летом, тоже нет, все уехали в город, до которого около тридцати километров: кто на работу, кто на учебу, кто жить на зиму в свои теплые городские квартиры.

Алексей любил маленькие, затерянные в лесах деревушки. Может быть оттого, что все свое детство во время каникул он проводил в глухой и затерянной в дремучих лесах белорусской деревушке Притерпа, которая уютно раскинулась одной небольшой улочкой вдоль высокого берега над пойменным выгоном⁷ старика⁸ реки Березины. Да и сейчас, вдали от советской Притерпы, Фомин с трепетом и восторгом использовал любую появляющуюся возможность, чтобы пешком пройти рано утром по тихой улице какой-нибудь еще мало-мальски не тронутой цивилизацией незнакомой деревушки. Обычно, возвращаясь домой рано утром после охоты или ночного рейда по охране охотничьих угодий и встречая на своем пути такую вот маленькую заброшенную деревеньку, как Бовшево, он часто просил водителя остановить машину и высадить его в самом начале деревни. Машина с егерями уезжала вперед, а он, оставив оружие в машине, в пятнистом камуфляже, усталый и пыльный после проведенной бессонной ночи, вздохнув полной грудью свежий и прозрачный, как криничная вода, воздух, не спеша шел по пустынной улице в конец деревни, где и ожидали его в дреме его уставшие коллеги. Где-то на лугу у реки, бывало, гогочут о своем беззаботные деревенские гуси, которые все лето и живут там, не возвращаясь на свои родные подворья до осени, во дворах, стараясь перекрыть друг друга, разрываются-кричат на все лады петухи, кудахчет, оставив в гнезде еще теплое яйцо, пестрая курица, а в хлевах мычат в ожидании выхода на выпас подоенные на рассвете коровы, сыто хрюкают довольные свиньи. А из-за луга или леса в молочном тумане поднимается яркое веселое солнышко, прямо за огородами на опушке леса, пахнущего земляникой, папоротником и грибами, под аккомпанемент хора лесных птиц громко кукует кукушка, и высоко в синем и бездонном, с белыми барашками облаков небе колокольчиком разливается песня встречающего рассвет жаворонка. И такое умиротворение наступает в душе от этой сельской идиллии, что невольно хочется порой забыть обо всем на свете и затеряться здесь в этой глуши навсегда! Он с улыбкой шел по пустынной чужой улице, а казалось, что она ему и родная, и близкая и что он здесь давно свой. Вот и древние, почерневшие, истертые с годами до полированного блеска лавочки у калиток, на которых по вечерам любят посидеть, посудачить бабушки, а ночью — их внуки и внучки, зачарованно и влюбленно заглядываясь на звезды до самого рассвета. За небольшим заборчиком в палисаднике всеми цветами радуги от весны до осени цветут садовые цветы, разнося ни с чем не сравнимый пряный, насыщенный и чуть-чуть медовый свой цветочный аромат. А вот и скрипучий колодезь-журавль: здесь можно из темной глубины зачерпнуть ведро студеной воды — и нет ничего для тебя сейчас вкуснее на свете, чем эта кристальная и поистине живая вода. Стоит выпить прямо из ведра несколько глотков такой воды — усталость как рукой снимет, и даже слегка закружится голова от наступившей легкости и свежести.

На старой вековой сосне почти в любой деревне найдется такое же старое гнездо аистов. Хотя каждый год осенью и улетают они за тысячи километров на юг, но также неизменно возвращаются весной к своему родному гнезду по соседству с людьми — в эту маленькую деревушку, которую они по праву считают своей родиной. И именно здесь выводят свое потом-

⁶ Различные сооружения в охотничьих угодьях, предназначенные для улучшения защитных, гнездопригодных качеств охотугодий, для подкормки и учета диких животных.

⁷ Луг в пойме реки рядом с деревней, который редко косили, но выпасали на нем скот, обычно, выгоняли на выгон в ночь колхозных лошадей.

⁸ Старое, бывшее русло реки.

ство, парят под облаками, предсказывая детям и старикам погоду⁹, запрокидывая вверх головы, громко стучат, трещат на гнезде своими длинными красными клювами. Проходя рано утром по деревенской улице, нельзя не уловить из каждого подворья изумительные запахи нехитрой сельской снеди, которую с утра хозяйки готовят в печах даже летом. Вот в одном дворе — ощущается по приятному, с дымком аромату из печной трубы — пекутся толстые, пестрые и румяные блины к горячей мачанке¹⁰ на ребрышках. А в следующем подворье ощущается в воздухе аромат отварной в чугушке картошки с пригарочками, скворчащего на сковороде жареного с луком сала и натурального ягодного киселя. И остается только представить и догадываться, как в истопленные горячие печи рогатыми ухватами ставятся неустойчивыми хозяйками чугушки, в которых к обеду утушится, уварится, упрет фасолевый с грибами суп или наваристые щи, или с пенками молочный крупник, или сборная ароматная солянка. И в каждом дворе свой уклад, свой быт и даже свои запахи: только что надоенного парного молока, свежескошенной, подвяленной травы, медовых, с дымком, пчелиных сот, зреющих в саду яблок, груш и слив, укропа, полыни, липового цвета и просто легкого ароматного дымка из еще незакрытой выюшкой печи. Редкие местные жители, встречающиеся на пути, непременно вежливо здороваются, при этом оглядывая с ног до головы необычного раннего гостя их деревни, но без злобы, без гордыни, без привычного в городе отчуждения. Алексей сам приветливо здоровался, улыбался, и, бывало, приходил к машине, неся в руках стопку еще горячих, пышных блинов, в которые были завернуты хрустящие шкварки¹¹ с жареными до золотистого цвета кольцами лука среди них. Размеренная жизнь маленьких деревушек, кажется, не изменилась с годами и с веками — и только лишь антенны или тарелки телеприемников на крышах напоминают о том, что где-то далеко-далеко, в другом, кажется, мире или в другом измерении существует цивилизация, города, заводы, пробки на дорогах, чад и смог промышленных предприятий. Здесь наше прошлое, здесь наша колыбель, здесь наша душа даже для тех, кто об этом еще и не подумал, кто об этом уже забыл или для тех, кто об этом пока еще и не подозревает. А значит, здесь наши истоки, здесь наши корни и здесь наше будущее, и нормальному человеку без знаний об этом, без должного уважения и внимания к этому жить на земле тошно, — был уверен Алексей, проходя рано утром по только что проснувшейся маленькой древней деревушке...

Деревню Бовшево проехали тихо, без света, «на подфарниках», а выехав на взгорок за деревней у небольшой рощицы, огни и вовсе потушили. Постояв полчаса у рощи, отъехали также без света через поле к видневшейся невдалеке черной полосе ночного леса и остановились на его опушке. Все вышли из машины, молча закурили. Фомин отошел от машины на поле и стал рассматривать в бинокль окружающие поля. Время: почти полночь, а для браконьеров — это самая подходящая пора выезжать, выходить, выползать на свои черные дела. Но скользящие по небу отблески и сполохи луча света от фар в ночном небе будут хорошо видны не только в бинокль, но и невооруженным глазом, даже если браконьеры будут светить где-то за лесом в пределах пяти-семи километров от наблюдателя. На это и рассчитывал охотовед, ставя засаду на самом высоком месте в этом районе угодий...

Тихо вокруг, только где-то в Бовшево изредка взлаивают в разных концах деревни привязанные во дворах на цепь собаки, наверное, перекликаясь друг с другом. Ветер с поля холодный, порывистый, забирается за отворот распахнутого армейского бушлата. Алексей поежился, поднял воротник: надо постоять хотя бы с часок. А потом уже можно и даже нужно ехать на Днепр, проверить все самому, да и полюбоваться хотя бы ночным суровым осенним Днепром.

⁹ По приметам, если аист высоко в небе парит с распростёртыми крыльями — будет жарко и сухо, а если машет крыльями — быть дождю.

¹⁰ Традиционное белорусское блюдо — жареные в сковороде с луком ребрышки или домашние колбасы со сметанным соусом и приправами. Обычно употреблялось с блинами, которые макали в этот соус, отсюда производное: «мачаць — мачанка».

¹¹ Хорошо прожаренные кусочки свиного сала со шкуркой.

А потом и домой, в теплую постель к жене. Обижается Таня, да и права она. Надо как-то реабилитироваться, а как, если свободного времени совсем в обрез. Работа всю неделю, дел много, а по выходным — охота. И без него выходные в лесу тяжеловато егерям. Он директор охотничьего хозяйства, и не может в выходной день, когда лес наполнен людьми с оружием и с собаками, сидеть дома. Да и просят, уговаривают его поучаствовать в коллективных охотах с ними его друзья, просьбы которых ну никак нельзя проигнорировать: не так уж и часто приезжают на охоту директор нефтебазы, управляющий банком, начальник пожарной части, где служит Гриня, или главврач больницы с каким-нибудь председателем колхоза. А бывало, что простые охотники попросят организовать им охоту как «настоящим панам», не доверяя строгим егерям в искренности их помыслов и в профессиональном обеспечении удачливой охоты для них, простых-смертных. Тогда Алексей действительно сердился, но охоту проводил по всем установленным правилам для «панов»: с инструктажем по технике безопасности, с торжественным открытием, с обязательным и неоспоримым правилом отсутствия даже запаха алкоголя до и во время охоты, с проверкой совпадения номеров оружия с номерами разрешений, с обязательным торжественным объявлением начала и окончания охоты, зачехлением оружия по окончании охоты, и лишь после этого приступая к неофициальной части окончания охоты, накрыв «поляну» у костра. Все они считают, что они единственные, кто обращается к охотоведу с такой деликатной просьбой организовать для них настоящую, красивую, и, в первую очередь, добычливую охоту. Они считают, что, если присутствует директор, он же охотовед, то «образцово-показательная» и добычливая охота им обеспечена. По сути, так оно и происходит: и егеря подтянуты, в форме, и собаки работают на радость слаженно, и зверь всегда в загоне¹² есть, и охота проходит с традиционными атрибутами настоящих красивых охот. Но никто не задумывается, как бы и не догадываясь, и не зная, что дома у директора-охотоведа есть молодая жена, которая абсолютно законно и в первую очередь тоже хочет и имеет полное право внимания его к себе, к семье, к дому...

Где-то в Бовшево завелся и затих пускач трактора. Ого! Слышно, как тихо урчит двигатель трактора. Это в полночь кто-то едет поле пахать? Нет, конечно! Наверняка, кто-то незаконно завел трактор и собирается незаконно куда-то ехать — это уж точно. «Похоже, наш клиент», — вздохнул Алексей. Насторожились и стоящие у машины егеря: трактор с включенным светом фар ехал по деревне в их сторону. И хотя до него было еще около полукилометра, фары его уже освещали стоящие на краю деревни березки и стену старой заброшенной фермы за рощей. Саша-водитель завел УАЗ и, сдавая задним ходом, быстро, но аккуратно, спрятал его в кусты. Молодец, хорошо знает свое дело, отметил охотовед, даже фонари «стоп» специальными чехлами прикрыл на время рейда, чтобы не выдали отсветом в ночи при нажатии на педаль тормоза в самый ответственный момент. Егеря тоже зашли в тень кустов — дорога проходит совсем рядом с лесом. А охотовед с егерем Луговиновым стали за деревьями прямо на опушке леса, где наезженная дорога из деревни врезается в лесной массив. Именно по этой дороге и приближался трактор к засаде. Когда трактор приблизился к опушке леса вплотную, Алексей вскочил из-за дерева наперерез трактору и выстрелил вверх из табельного пистолета, показывая механизатору, что необходимо остановиться на месте. Трактор резко затормозил, остановился, а к нему в это же время подбежали Луговинов и Гриневич, открыли дверцу...

— Мужики, не стреляйте! Товарищ начальник, я виноват, но я все исправлю, за все заплачу, — раздался вопль из кабины.

Луговинов вытащил тракториста из кабины на землю. Пока Саша ощупывал, обыскивая, тракториста, Гриневич скользнул в кабину, и в это же время подоспел Алексей, который до этого успел заметить, что в тракторе было два человека.

¹² Охота, при которой егеря или часть охотников гонит диких зверей на стоящих в засаде охотников.

— Я директор охотничьего хозяйства Фомин, — раскрыв перед глазами механизатора удостоверение, грозно заявил Фомин. — Мы в рейде по борьбе с браконьерами. У Вас при себе есть оружие?

— Какое оружие, вы что?

— А права, путевой лист?

— Путевки нет, а права есть, в кабине.

В это время из кабины показалась улыбающаяся физиономия Грини:

— Алексеевич! Тут оружия нет. Это они любоваться природой ехали, ха-ха-ха.

— Что там, Саша, серьезно?

— А тут деваха сидит, напуганная, еле разговаривал.

— Ах, ты ж твою мать... Спрыгивай оттуда, только еще раз проверь, нет ли спрятанного где-нибудь оружия?

— Да я уже все здесь прощупал...

— Кто б сомневался, — буркнул Алексей, — прыгай сюда, Саша, не пугай девушку.

— Ну что, товарищ механизатор? Будем рассказывать?

— А что рассказывать, товарищ директор?

— Здесь по полю следы трактора. Трактор с фарой катался, кабанов и зайцев гонял — мы это по следам определи. А следы точно такие, как у твоего трактора. Мы за тобой давно следим. Получается, что это ты с барышней на разведку ездишь, а потом косуль и зайцев стреляешь с трактора, так?

— Да нет же, вы что! У меня даже ружья нет дома, можете у моей мамки спросить.

— И спросим? Где ружье берешь? Колись, а то поедem в милицию.

— Да никогда я не ездил за зайцами. Вот первый раз с Иринкой решили покататься — мы скоро женимся.

— И ты решил мяска на свадьбу заготовить?

— Зачем мне эта ваша дичь? У меня дома свиньи в сарае, можете у мамки спросить.

— А кто тогда на твоём тракторе мог ездить по ночам?

— На моем — никто. Мне председатель разрешил его дома ставить: до Дашковки в гараж далеко каждый день гонять и накладно топливо тратить, и он у меня с смой весны возле дома по ночам стоит. Можете у мамки спросить.

— У мамки?

— Ага...

— А сколь ж тебе лет, жених, что ты на мамку все перекладываешь?

— Двадцать один...

— Большой уже. Можно и жениться. Ладно, на всякий случай ты обязательно передай своим друзьям, которые на тракторе с ружьем и с фарой катаются, что мы все равно их когда-нибудь поймем. И посадим в тюрьму. Передашь?

— Конечно.

— Хм, а кому ты передашь? Кто ездит?

— Кто ездит — не знаю. Но передам всем, что вы в засадах по ночам стоите и ловите всех браконьеров.

— Это хорошо. Едь пока, куда ехал. Это не наши дела — с тобой по путевым листам разбираться, езжай...

— Да нет, товарищ директор. Мы домой лучше поедem. Хватит, и так напугали — не до катаний. Можно ехать?

— Давай, давай, пока мы не передумали. И больше не попадайся.

— Спасибо, до свидания! — Тракторист вскочил в кабину трактора, почти на месте развернулся и умчался в деревню, оставив за собой из-под колес плотную завесу пыли.

— Алексеевич! А про какие следы ты говорил? Что, серьёзно кто-то ездит на тракторе?
— удивлённо спросил Луговинов.

— Да нет, это я так, на понт брал мальчишку, думал, может, что интересное расскажет.

— Эх, а девчонка у него славенькая, — даже в было видно, как блестят масляные глазки Грини

— Пойдешь ты работать на трактор — и у тебя такая будет, — не замедлил отметить суровый Луговинов. — А раз не пойдешь, я знаю, так и не облизывайся, ха-ха, доярочки тебе не видать, как своих ушей.

— Так, мужики. Ну что, время уже за полночь. Давайте поедem на Днепр. По машинам, — прервал балагуров Фомин.

Опять поездка сквозь парадный строй «суровых» деревьев спелого соснового леса с кормушкой у дороги, опять спящие деревни, и, наконец, наезженная грунтовая дорога по луку к Днепру. Первую группу в составе двух человек Алексей оставил недалеко от начала деревни Дашковки и поручил им идти по гравийной дороге мимо сельскохозяйственного комплекса к Днепру. Связь — по радиостанциям. Сами же, как и предложил Луговинов, не включая света, но пользуясь старинным танковым прибором ночного видения, состоящего из танкового шлема, с прикрепленным к нему специальным «биноклем» и наружной фары с черным стеклом, поехали в район деревни Новосёлки, не доезжая которой, повернули к Днепру. К самой реке не стали подъезжать, а, оставив машину с водителем на краю культуры молодой сосны с включенной радиостанцией на приеме, двинулись пешком к Днепру и вскоре подошли к обрывистому берегу.

Трудно предать словами чувства человека, оказавшегося темной ночью на берегу полноводной могучей реки. Каждую секунду тысячи кубометров тяжелой, черной, как ночь, воды медленно, но все же как-то неумолимо и стремительно, как время, проплывают мимо, угрожающе шипя и иногда взрываясь всплеском тяжелых волн, и кажется, что это вовсе не река, а настоящее бескрайнее море плещется у твоих ног. Обрывистый берег в это время года таит в себе серьезную опасность: подмытый снизу течением и волнами, травянистый дерн нависает над водой и создаёт обманчивое впечатление надёжности опоры. Шагни человек в такую ловушку, неосторожное движение на берегу — и можно мгновенно оборваться вместе с куском дерна в эту холодную бездонную пучину, которая за десять секунд утащит тебя на центр реки, на стремнину, откуда выбраться будет очень и очень сложно. Поэтому-то Алексей идет не по кромке берега, а по наезженной по луку вдоль обрыва реки грунтовой дороге, тихо переговариваясь с Сашей. Глаза уже давно привыкли к темноте, и они без фонаря просматривают берег и саму реку метров на пятьдесят впереди себя. Так прошли вдоль берега около километра, когда заработала радиостанция:

— Первый! Ответь второму!

— На связи.

— Здесь проблема.

— Говори. Будем решать.

— По Днепру в нашу сторону от вас идет лодка с фонариком. Скорее всего, с электродочкой.

— А вы сами где?

— Мы возле комплекса уже на берегу, пока еще далеко от них.

— Сколько до лодки?

— Около полукилометра.

— Так. Подождите, думаю. — Алексей на минутку задумался, пошептался с Луговиновым и опять нажал тангенту радиостанции, — как слышите, приём.

— Слышим хорошо, прием.

— Возвращайтесь к комплексу и встречайте нас. Мы приедем без света, на подфарниках или ПНВ¹³ через десять минут. Как понял, прием.

— Понял. Ждем

— Машина! Как слышишь, прием.

— На связи.

— Езжай нам навстречу по лугу без света, только в воду не сорвись — берега подмыты, как понял?

— Понял, еду. Ловите, чтоб я в Днепр не заехал. Я же не амфибия.

— Хорошо. Давай быстрее.

Вскоре впереди бесшумно замелькали огоньки подфарников, и, подхватив пассажиров, развернувшись, уже через десять-пятнадцать минут практически бесшумно машина подкатила к животноводческому комплексу, где ее аккуратно спрятали за углом забора, а сами пошли искать своих коллег, которые где-то недалеко от берега должны были их встречать.

Сразу за забором комплекса к ним из темноты навстречу и вышли Гриневич и Романенко.

— Ну что, рассказывайте. — Директор внимательно выслушал Гриневича, закурил. — Получается, что машина и люди, ожидающие лодку, находятся внизу и недалеко от нас? А как они туда попали на машине?

— Да вот именно по этому оврагу и проехали.

— Судя по всему, именно там они будут принимать лодку с рыбой?

— Да.

— А мы уверены, что эта машина, эти люди и эта лодка, плывущая вниз по реке — одно целое?

— Да. Они там сидят в окопе у маленького костерка, тихо курят и переговариваются, изредка один из них выходит к Днепру и в бинокль смотрит на лодку.

— А может, это милиция или рыбоохрана караулит браконьеров?

— Да нет, Алексеевич. Все, как говорил Саша Луговин: и костёр на том же месте, и следами шин джипа по траве уже целая дорога натоптана-наезжена.

— Ну что ж... Будем задерживать с поличным, чтобы на суде никто не сказал, что любовались природой на берегу. Какие будут предложения?

— Как скажешь, командир.

— Ну, тогда слушайте и запоминайте. Василий Степанович остаётся здесь наверху, у машины. Он — шофёр и на стреме с тыла. А мы пойдем к Днепру и будем караулить лодку. Если машину подгонят к самому берегу — там и возьмем тёпленькими. Если же рыбу и лодку будут таскать наверх к машине, будем брать у машины при частичной загрузке. Какие вопросы? Вопросов нет. Василий Степанович, забирай ключи у Саши и включи радиостанцию на прием. Как вызову — включай все фары и жми по рву на всех парах, сколько проедешь до самого Днепра. Если же кто-то посторонний, неважно кто, попытается проехать в ту сторону, перегороди дорогу нашим УАЗом и не пускай, пока я сам не подойду или не вызову тебя.

— А если милиция?

— Милиции ты обязан подчиниться, но предупреди, что идёт ответственная операция по задержанию опасных браконьеров и проводит ее охотхозяйство со мной во главе. А там, как они себя поведут; если что, разберемся в суде.

— Понял.

— Ну и отлично. Мы пошли. Оружие, документы всем проверить — не оставьте в машине, мужики.

¹³ Прибор ночного видения.

Группа в полной темноте молча и сосредоточенно спустилась в овраг и по накатанной джипом колее в высокой, еще не полегшей траве тихо пошла в направлении реки. Идти пришлось около трёхсот метров, и вскоре Алексей в бинокль разглядел стоящую в кустах темную машину. Так же тихо и осторожно подошли к машине — никого. Алексей кивнул головой Гриневичу, и тот тихонько открыл дверцу машины, пошарил за козырьком и в бардачке, нашёл документы и подал Фомину вместе с самодельным ножом в чехле, найденным под сиденьем водителя. Осветив документы, спрятавшись за машиной и записав данные, Алексей взглядом предложил Гриневичу положить их на место, что тот незамедлительно и сделал. Пройдя чуть дальше по оврагу, заметили и костерок, который тлел в старом военном окопе. Людей возле костра не было. Постояв, прислушиваясь, подошли к костру. Возле костра лежала расстеленная газета, на которой стояла недопитая бутылка водки, стакан, закуска, а чуть в стороне глазастый Гриневич нашел прислоненную к стволу березки старую «ТОЗ-БМ»¹⁴. Саша открыл стволы и, пользуясь носовым платком, достал оттуда два патрона, которые передал директору. Алексей принял их вместе с платком и, завернув плотнее в этот же платок, положил в свою полевую сумку. Ружье поставили на место предварительно сняв цевье. По заросшему мелким кустарником оврагу стали пробираться к уже виднеющемуся Днепру и вскоре услышали негромкий разговор на берегу, а потом увидели и светящиеся фонарики. Осторожно, как к дикому и осторожному зверю на охоте, стали подкрадываться к людям и так подошли к ним на пятнадцать-двадцать шагов. Как раз в это время лодка уже подплывала к ожидающим на берегу ее людям, и они громко, не таясь переговаривались между собой.

— Эй, там, на берегу! Витек! Ловите нас, а то у нас уже и руки, и ноги околели. Полная лодка рыбы, как бы мимо не снесло, а там берег высокий.

— Не бойсь, не пропустим. А если что, достанем из двух стволов, ха-ха. Гребни живее, — донеслось с берега.

— А что там насчет согревательного, Витя? Мы тебе сома тащим, пудового!

— Да ты что! Будет вам и согревательное, и поощрительное. Давай скорее, причаливай...

— Ну, вот и хорошо. Идут наши «промысловики». Не мерзнут же сволочи на таком холоде, — прошептал Саша Луговинов Алексею.

— Да, Саша. Они, гады, привыкшие.

В это время браконьеры с берега подтащили причалившую лодку на песок, а сидящее в ней браконьеры, неуклюже сгорбившись и кряхтя, вылезли из лодки на берег.

Осветив лодку с рыбой фонарем, тот, кого звали Витек, присвистнул:

— И вправду, молодцы. Тут, наверное, полтора центнера рыбы будет. Хороший улов, заслужили мужики хорошей выпивки. У меня в багажнике два литра спирта — ваши. Только мелочи многовато набили, зря вы ее брали, пусть бы плыла себе вниз, дохлая. Хотя, забираете ее себе домой, я сегодня добрый. А на будущее я, наверное, придумаю, где и как мелочь эту копить и продавать у пивбаров алкашам: будете у меня, Шура и Мишка, скоро еще и рыбу коптить. Все больше вам спирта достанется, дармового. Я добрый, мужики, своих людей хорошо грею. Ну что стали? За работу. Сыч! Гони машину, а вы разбирайте систему. Сейчас Сыч подгонит ванночки, а вы, как всегда, рыбу раскидывайте по размерам и по видам в ванночки и грузите в багажник. Сегодня, видно, придётся часть рыбы в салон грузить. Эх, провоняет кожа рыбой. Ну да чего не сделаешь ради бизнеса.

Сыч побежал по оврагу вверх за машиной. Вскоре к самому берегу Днепра бесшумно подкатил джип, аккуратно развернулся на прибрежной траве и задом сдал к лодке. Шура, Мишка и шофер стали накладывать рыбу в сорокалитровые пластиковые ванночки и грузить их в багажник машины.

¹⁴ Устаревшая модель двуствольного куркового ружья Тульского оружейного завода.

— Степанович, как слышишь, прием? — нажав тангенту радиостанции, громко сказал Алексей,

Браконьеры вздрогнули, стали оглядываться.

— Слышу хорошо, прием.

— Мы задерживаем группу браконьеров. Гони вместе с оперативной группой на всех парах по следам к нам, на самый берег, как понял?

— Есть, понял, ждите.

После этого Алексей выстрелил из пистолета вверх, и вся группа напролом выскочила из кустов, подбежав к опешившим браконьерам и направив на них ослепительный свет подствольных фонарей.

— Всем оставаться на своих местах! Здесь инспекция охотничье-рыболовного хозяйства. Я директор охотничьего хозяйства Фомин. Кто меня не знает — я не виноват. Вот мое удостоверение. В случае сопротивления буду вынужден применить оружие на поражение и техники, и вас лично. Никому не дёргаться — вас обыщут. Подойдите ко мне по одному и предъявите любые документы. Только медленно и без фокусов.

Никто и не стал подходить, но егеря их всех немедленно тщательно досмотрели, забрали ножи, у кого были, и маленький топорик. Вместе с ножом Гриня достал из машины и принес документы и отдал их директору.

— Гражданин Галузов Владимир Петрович? Владелец дорогого автомобиля. А точнее, бывший владелец. Подойдите ко мне, гражданин Галузов. Саша, разверни, пожалуйста, джип и поставь светом фар к лодке и к рыбе — буду фотографировать. А вы, Галузов, и вся ваша банда, задержаны до прибытия органов милиции. А пока составим протокол о нарушении Кодекса об административном правонарушении, выразившегося в незаконной ловле рыбы при помощи электроприспособления и нанесении ущерба природным ресурсам в особо крупном размере. А это уже и Уголовный кодекс, граждане. Будьте готовы и к этому. Эта статья предусматривает и конфискацию. И так, отвечайте на мои вопросы, чтобы не усугублять своего из без того плачевного положения...

— Я не буду отвечать ни на какие вопросы. Вызывайте милицию, а я имею право на адвоката, — возмущенно заявил быстро пришедший в себя хозяин авто.

— Это ваше право не отвечать на мои вопросы. Но я докажу вашу вину, а ваш отказ от дачи показаний может быть признан судом как отягчающие вину обстоятельства, я пока понятно говорю?

— Не имеете права, — взвыл Галузов, — подумаешь! Это ж — рыба! Каких-то пару мешков рыбы — мелочь! А Днепр, вон какой огромный. Вы бы лучше за экологией следили, за фабриками, за заводами, за фермами разными, которые грязь в реку сбрасывают, а вы простых людей ловите, оружием пугаете...

— Это ты, сволочь, в суде скажешь. И в клетке в РОВД, куда скоро поедешь. А пока пристегните, ребята, его к дереву, чтоб не убежал, а я начну писать протокол и горькую беседу со следующими, кто более разговорчив и не хочет попасть на пару лет в колонию. Есть среди вас такие, мужики? Хотя, какие вы на хрен, мужики. Сволота одна, хапуги, барыги мелкие...

В это время, ослепив всех светом фароискателя¹⁵, на берег к реке буквально вылетел служебный УАЗ, за рулем которого находился Романенко. Остановив машину прямо напротив людей, он немного посидел, рассматривая ситуацию, и наконец выбрался и подошел к задержанным браконьерам.

— Ах вы, паразиты. Не нажретесь никак. Попались, наконец-то, — прошипел он, глядя в глаза стоящим у ванночек с рыбой браконьерам.

¹⁵ Мощная автомобильная галогеновая фара, приспособленная таким образом снаружи, чтобы можно было из салона лучом света освещать окружающее автомобиль пространство.

А директор, облокотившись на капот джипа, стал, тихо разговаривая как бы сам с собою, и записывать исходные данные в протокол...

— И так, имеем... дата, время: двадцатое октября такого-то года, два часа ночи тридцать семь минут. Мною, таким-то, составлен настоящий протокол о том, что сего числа... Место составления протокола: правый берег реки Днепр в двухстах метрах вверх по течению от забора Дашковской районной больницы. Фамилия, имя и отчество нарушителей. Ага... Галузов Владимир Петрович. Домашний адрес — ясно, водительское удостоверение — номер такой-то, техталлон — номер такой-то. В чем выразилось нарушение? В составе группы из четырёх человек... так, пофамильно каждого, дальше... используя двухместную резиновую лодку «Нырок», аккумулятор, а также устройство для преобразования электротока от аккумулятора, находящегося в лодке, и сачка на деревянном держателе, участвовал в незаконной добыче рыбы электротоком на реке Днепр. Задержан при личном осуществлении погрузки незаконно добытой рыбы в багажник его личного автомобиля марки... госномер..., цвет..., техталлон которого и водительское удостоверение владельца вместе с самодельным ножом с пластиковой рукояткой и лезвием в форме финского ножа найдены в салоне автомобиля при досмотре, а также на берегу обнаружены ванночки пластиковые серого цвета вместимость по 40 кг каждая — шесть штук, три из них с рыбой, извлекаемой при задержании из мокрой лодки, стоящей на берегу. У всех выявлена мокрая одежда, на которой имеются следы слизи от рыбы, чешуя рыбы на одежде. Своими действиями граждане... такие-то нарушил статьи... такие-то КоАП¹⁶. При этом обнаружено и изъято... Так, товарищи егеря. Пересчитайте, пожалуйста, и разложите рыбу по видам и поштучно каждого вида и тащите ко мне еще одного из задержанных...

В это время раздался крик Луговина: «Стой, стой, сука. Стрелять буду!»

Алексей понял, что один из браконьеров бросился убежать в кусты, за ним побежал Луговин. Не мешкая ни секунды, он и сам рванул вслед за убегающими в темноте людьми, слыша только топот и треск сучьев впереди себя. Браконьер, судя по всему, карабкался точно к кострищу в окопе, где они поджидали лодку с Днепра. Слыша сопение и топот Саши Луговина, Алексей взял немного левее, чтобы перекрыть убегающему браконьеру путь на комплекс, где он легко мог скрыться.

«...Ах ты, гад, не уйдешь. Стой лучше, все равно поймаю...», — опять услышал он яростное ругательство егеря где-то спереди и справа от себя.

В это время раздался голос браконьера:

— Поймаешь? Ты сейчас пулю от меня поймаешь, ментяра. На, егерь, лови!»

Алексей отчетливо слышал, как щелкнули взведённые курками пружины и тут же раздался сухой щелчок бойков в ружье без патронов. А затем последовал и звук удара, который ни с чем не спутаешь — это был удар ВДВэшника ногой в корпус человека. Когда Фомин, запыхавшись, подбежал к тлеющему костру, то увидел Луговина, подкуривающего сигарету от уголька, и валяющегося у его ног без движения Сыча

— Саша! Ты его не убил? — спросил и склонился, чтобы прощупать пульс.

— Нет, Алексеевич. От этого еще никто не умирал. Он же с ружья по мне, гад, пальнул! Хорошо, что мы патроны вытащили.

Когда браконьер пришёл в себя, он рассказал все: фамилии и имена всей его команды, где кто работает, кому они ловили рыбу и кому продавали в городе. Уже в наручниках его привели к машине, где он свои показания повторил уже при составлении протокола и собственноручно подписал, несмотря на злобное шипение пристегнутого к дереву Галузова. Взамен за эту информацию, как и обещал по договорённости с Луговинным, Алексей не стал описывать в протоколе эпизод о вооруженном сопротивлении и вооруженном нападении на работника

¹⁶ Кодекса об административных правонарушениях

охотничьего хозяйства при исполнении им служебных обязанностей, а это уже была совсем другая статья Уголовного кодекса — убийство, незавершённое по воле иных обстоятельств.

Ближе к четырём часам утра, когда егеря закончили пересчет всей рыбы, Алексей отправил водителя на комплекс вызвать милицию, которая приехала, на удивление, очень оперативно и сразу на двух машинах. Передав нарушителей, копии протоколов и рыбу оперативной группе РОВД, Алексей с егерями отправился домой. Осторожно войдя в квартиру, увидел, что жена уже не спит и пьет на кухне свой обычный утренний кофе. Поцеловав ее в красивую, теплую и бархатную еще ото сна шею, он спросил:

— Ну что, идем сегодня в ресторан или в театр?

— Ой, Леша. У меня здесь каждый день театр, жаль, что ты этого не видишь. Ты опять кого-то поймал сегодня? Тебя просто когда-нибудь убьют, Леша... Что я сыну скажу? Что мы будем делать без тебя — ты даже не думаешь... Иди, муж, отдыхай. Потом вместе подумаем насчет театра.

К началу ноября вода в Днепре, кажется, вздулась и почернела. Ветер и течение поднимали высокие волны, и они с остервенением обрушивались и друг на друга, и на подмытые водой берега, с которых свисала пожухлая высохшая трава. Перелетные птицы уже улетели на юг, затих оголившийся прибрежный лес — в природе чувствуется приближение холодов. Поднимающейся водой затопило входы в береговые норы-жилища бобров, но это им не страшно: под водой у входа в норы ими приготовлено достаточно кормов для зимовки, а в своих темных норах под дернистым берегом им сухо и тепло. И черным норкам, шустро обследующим береговую линию, в своих теплых шубках холод тоже не страшен. У покатога левого берега Днепра они с пристрастием обследуют заброшенные старые норы бобров, не пропуская, конечно же, глубоких пространств и углублений, образованных корневищами старых прибрежных ив, осин и пространств уже кое-где схватившимися морозцем льдин у берега. Там они находят то холодную лягушку, то застывшую улитку, то зазевавшуюся рыбку — все им и лакомство, и пропитание. Норки с удовольствием карабкаются по скользким льдинкам, цепляясь за лед острыми коготками, ныряют под сплошной массив льда и выныривают где-нибудь метров за двадцать-тридцать уже на открытом пространстве холодной черной воды. Так, плескаясь и играясь в холодной воде, семья норок натолкнулась на огромную гору вкусно пахнущего мяса, которое бездвижно лежало прямо в воде у кромки берега. Норки засеменили по берегу, озираясь по сторонам: зверь не шевелился и не подавал никаких признаков жизни. Более того, невесть откуда налетевшие вороны без опаски стали опускаться за зверя и выклевывать клочки шерсти, добираясь до мяса. Крупный самец норки, черный, с белым «галстучком» под нижней губой, отец и глава семейства, оскалив острые белые зубки, бесстрашно бросился на ближайшего ворона. Но тот не собирался делиться добычей и улетать, а наоборот, мгновенно распрямил свои огромные крылья и бросился на норку, пытаясь ударить массивным, слегка изогнутым на конце клювом прямо в голову. Пришлось самцу срочно нырять в воду и вынырнуть, унесенному течением, уже в отдалении от своей, как он считал, законной добычи. Следом за свирепой мордашкой норки из воды показались и темноглазые мордочки его детенышей и самки. Вскарabкавшись на лед, норки всем семейством сошли на берег и стали подкрадываться к туше по каменистому берегу, но уже с другой стороны. Огромная для норок голова зверя с такими же огромными рогами лежала не в воде, а на берегу. Норки осторожно подкрались к голове и замерли, поглядывая на черных воронов — сейчас своих соперников и врагов...

Фомин, случайно оказавшийся на берегу в это время, опустил бинокль, тихо заматерился, подкурил сигарету и призадумался. Предположительно мертвый олень на том берегу ранее переплыл Днепр с берега, на котором он стоял с биноклем. И уже на противоположном берегу,

обессиленный, он упал и больше не поднялся. Так и умер. Вероятнее всего, олень был ранен и уходил лугом к берегу от опасности. А ранен он был в охотничьем хозяйстве, где директором и охотоведом был он, Алексей Фомин. Поэтому, огорченно вздохнув, Алексей тихо сказал шоферу, стоящему рядом:

— Саша, поехали за лодкой и ветеринаром. Надо обследовать тушу, составить акты о гибели и разобраться в причинах гибели оленя. Там же на месте его надо вытащить на берег и закопать. А дальше поедem искать следы, откуда и почему он сюда пришел...

УАЗ плавно и тихо покотился по накатанной вдоль берега луговой дороге в сторону деревни. И через час у лежащего на берегу оленя собрались люди. Норки, так и не сумевшие прогнать воронов и суетившиеся у рогатой головы, при приближении людей нырнули в воду и спрятались в старых бобровых норах. А вороны, недовольно крумя, стали кружиться в сером холодном небе, нетерпеливо дожидаясь, когда люди покинут берег с лежащей на нем их добычей. Вскрытие оленя показало, что зверь был ранен двумя картечинами в бок. Саму картечь нашли, и крупные, в одиннадцать миллиметров дробины забрал Алексей, указав об этом в протоколе о незаконной добыче неизвестными лицами самца благородного оленя. Акт обнаружения и вскрытия туши животного подписали ветврач и егеря, а саму тушу, кроме головы с рогами, которые забрал себе ветврач, закопали, вытянув на луг.

— Ну что, мужики. — Алексей выбросил в воду окурочек. — Оленя ранили сегодня ночью. Поэтому сначала попробуем найти место, где его стреляли, по его же следам обратным ходом, от реки. Самый зоркий, Луговинов, ты пойдешь по траве, может, по крови что-то прояснишь. А мы поедem по дорогам, по противопожарным разрезам. Олень, судя по всему, пришел сюда не петляя, а напрямую. А что у нас там, прямо? Правильно, — не дожидаясь ответа, разговаривая как будто с самим собой, продолжал охотовед, — там у нас Бовшевский сад, в котором олени часто бывают. За садом — и лес, и поля. Стреляли ночью. Будем искать следы транспорта в районе сада и вокруг него. Я переговорю с лесниками, со сторожами, с доярками, со всеми нашими добровольными помощниками, кто так или иначе рано утром или поздно вечером вчера мог что-то слышать или видеть. Кто-то, может, слышал собак, кто-то слышал выстрелы, кто-то видел свет фар, кто-то видел поздно машину, кто-то людей в камуфляжах, с охотничьими собаками. Вы тоже спрашивайте у всех об этом: а вдруг выскочит что-нибудь важное или интересное. Ты, Саша, уже иди. Встретимся на дороге у сада через два часа, если приеду. Если нет — добирайся домой сам. Остальные — каждый займется своим делом: сбор информации, поиск следов, любых зацепок, я обращаю внимание — любых. Обмен информацией сегодня в семь-восемь вечера по телефону, я буду звонить вам сам, не теряйтесь именно в этот промежуток времени. А завтра утром все будьте готовы к выезду: в лес, на поля, в сады, по деревням, по дорогам — будем искать варваров. Как говорит Гриня, будем охотиться на браконьеров самым настоящим образом. Кстати, Саша, надо бы и ему позвонить, если есть время, пусть приедет. Вопросы есть? Нет, тогда по машинам...

Сначала Фомин развез егерей по их обходам, а потом поехал без водителя к своему тайному и хорошо законспирированному агенту...

Почтальона в деревне все знают, доверяют ему, любят и ждут: кому газету, кому письмо, кому пенсию, а то и просто поговорить о жизни, о деревенских новостях, сплетнях. И он, почтальон, в деревне знает все и про всех: кто женится, кто разводится, у кого и что на столе в обед, кто дрова крадет и привозит из леса, кто самогон гонит, кто, чем и где рыбу ловит, кто на кого и как охотится и где хранит оружие. Все знает и расскажет почтальон, если его очень хорошо попросить об этом, или ему, почтальону, это надо самому. А просить Алексей именно в таких случаях умел. Он давно самостоятельно своим охотоведческим опытом пришел к выводу, что самым лучшим осведомителем в деревне может стать именно почтальон. Как правило, — это женщины в возрасте, которые сами не воруют, не браконьерничают. А вот их мужья, дети, зятья — это другое дело. И хотя «павликов морозовых» он не уважал в принципе, но сеть

своей агентуры он готовил всегда очень тщательно и основательно. Время внесло в сознание людей значительные коррективы, знал он, в том числе, и в их отношении к охране и эксплуатации окружающей среды. Люди в большинстве своем не признают браконьерства как нормального явления, не признают нещадную, хищническую эксплуатацию и загрязнение природных ресурсов и искренне ненавидят тех, кто, например, ворует и продает лес, а потом беспощадно сжигает следы своих преступлений, кто электроудочками убивает все живое в реках, кто ненасытно убивает зверей, ловит сетями рыбу в период нереста. Браконьеры перестали быть хозяевами положения и в селе, и в угодьях, они превратились в сознании людей в наглых и ненасытных хапуг, воров. На этом и основывал свою работу охотовед Алексей Фомин, призывая людей не ловить браконьеров самостоятельно, а только просто подсказать ему о том, где, как и когда браконьеры шкodyт или собираются творить свои черные дела. А взамен он всегда помогал деревенским своим добровольным помощникам, например, выписать в лесничестве дров хороших, березовых, ближе к их дому, помогал их родственнику, если он заслуживал, получить охотничий билет, помогал решить вопросы с лошадью для запашки личного огорода. За пять лет работы в этом охотничьем хозяйстве Алексей создал разветвлённую сеть своих негласных помощников, к коим, кроме почтальонов, относились и продавцы сельских магазинов, и заведующие клубами, и ночные сторожа в колхозных мехдворах и ферм, и пастухи, ночующие у левад¹⁷ на летних выпасах, и члены обществ охотников из местных охотколлективов.

Сельского почтальона Нину Янкевич он завербовал года четыре назад. Зная, что ее муж «балуется» постановкой сетей на Лахве и на озере, которое находится совсем недалёко от их дома, пришлось почти две недели самому лично караулить его в засаде у этих водоёмов. И, поймав его с поличным и доставив домой для установления личности по паспорту, он составил протокол и пригрозил всей семье большим штрафом за браконьерство. А на следующий день «случайно» встретил Нину Макаровну на дороге между двумя деревнями. Она ехала на велосипеде с большой почтальонской сумкой за плечами. Обогнав велосипедистку, Алексей остановил машину на обочине, вылез из-за руля, специально оставив дверцу открытой, показывая, что он сегодня один.

— Здравствуйте, Нина Макаровна. Вот увидел Вас и решил пару слов Вам сказать...

— А что там говорить, товарищ охотовед. Я своему мужу давно говорила, чтобы выбросил он эту свою дырявую сеть в огонь. И рыбы-то он приносит килограмм-два раз в месяц, а все ведь неймется ему. Вот теперь штраф платить придётся, да и перед людьми стыдно.

— В первый раз вижу, что бы браконьерам стыдно было...

— Да какой он браконьер? Три рыбины в месяц? Вы бы лучше настоящих браконьеров ловили, кто рыбу мешками таскают, а потом людям продают в деревне.

— Да ладно, нет таких людей уже давно.

— Это вы просто плохо работаете. Или с ними заодно: простого мужика сразу к штрафу, к стенке готовы поставить, в тюрьму засадить. А тех, кто лосей бьет, лес крадет, природу губит, вы не видите или не хотите видеть. Или сами с них берете на карман свои штрафы.

— Зря Вы так, Нина Макаровна. Вы как почтальон, уважаемый в округе человек, должны знать, что я днями и ночами браконьеров ловлю. И ваш земляк Романенко Василий Степанович скажет то же самое.

— А что Романенко? Он что ли браконьеров ловит, старый? Да и стреляют ваших егерей и Вас самих браконьеры по вашей же милости¹⁸...

— Зря вы так... Василий Степанович хороший работник, хороший егерь и хороший человек, а я не требую, чтобы мои егеря рисковали жизнями и сами ловили браконьеров. Я сам их ловлю.

¹⁷ Огороженное место, куда на ночь сгоняют находящийся на выпасе скот.

¹⁸ О таких случаях можно прочитать еще и в книгах автора «Охотовед», «Охота пуще неволи» и «Волчий сон»

— Так зачем вам такой егерь? И любой бы смог работать егерем, иметь и коня казенного, и зарплату, и ловить никого не надо.

— У них другие задачи. И они с ними хорошо справляются. А вот вы лично, я вижу, за природу болеете, а помочь мне не хотите.

— А чем это я вам могу помочь?

— Вот Вы говорите мне, что браконьеры вокруг все грабят, пилят, убивают. А пример, хоть один, можете привести? Хоть один! Или слабо Вам, прямо и честно глядя мне в глаза, сказать, а о ком это Вы говорите, кого Вы имеете в виду?

— Чтоб мне потом хату спалили?

— А вот так мы все и живем, — с горечью в голосе произнес Алексей. — Как вас коснется — все вокруг виноваты. А как подсказать о том, где, как и кто ворует, убивает, так вы все сразу в кусты. А еще нас упрекаете, что мы плохо работаем. Ладно, видно, зря я вас караулил и зря остановился, ничего у меня с вами не получится.

— А вы что, меня специально караулили здесь на дороге?

— Да, Нина Макаровна. Жалко мне стало и вас, и вашу семью. Увидел я, что у вас порядочная и честная семья. Хотел просто сказать, что протокол на вашего мужа я порву. Только пусть Михаил ваш сожжёт или порвет, если есть, другие сети и больше с ними на воду ни ногой.

— Ой, товарищ охотовед. А как же это?

— Да вот так, — он достал из полевой сумки протокол и отдал озадаченной почтальонше, — почитайте и сами порвите на моих глазах. Да и поеду я — работы много, а помочь, как видите, и некому.

— Ой, божечка, спасибо большое Вам. А и я забыла, как вас и звать, скажите, пожалуйста?

— Там написано, читайте.

— Директор? Алексей Алексеевич Фомин? Это вы и будете? А я много хорошего про вас слышала. Вас все знают в округе, некоторые боятся, некоторые и ругают, а вот и мне довелось с вами познакомиться.

— Ну вот и действительно, познакомились. Ладно, мне пора, до свидания...

— Пойдите, Алексей Алексеевич. Не сердитесь на меня. Люди ведь разные бывают, и время сейчас непростое. Вы вот пошли нам навстречу, и я хочу вам кое-что сказать и отблагодарить вас за такую вот вашу опасную работу и вашу сердечность... Может, вы как-нибудь заскочите к нам пообедать или поужинать. Я вижу, вы часто проезжаете мимо нашей хаты на своей машине

— Спасибо, но лучше будет, если я не буду останавливаться у вашего дома. Ели что-то хотите сказать о браконьерах, позвоните мне домой, я вас на дороге, как сегодня, найду, так и поговорим.

— И то правда. Вот послушайте... — И она рассказала Алексею о том, кто в древне ворует и продает лес, у кого есть незарегистрированное ружье, сети.

— Спасибо, Нина Макаровна. Да вот еще что... Егерь Романенко недалеко от вас живет — если надо, от моего имени можете попросить у него коня для своих нужд.

— Ой, а это очень нужно. У нас в деревне нет коней. А Василя допроситься — что у солнца дождя. Говорит, казенный конь, нельзя, мол.

— Ну вот, больше не скажет, только пусть не только вам помогает, а и еще кому-нибудь, чтобы не было наговоров и подозрений. Я ему скажу, не беспокойтесь. А вам за информацию спасибо. Только давайте договоримся: мужу об этом и никому другому про нашу встречу и наш разговор — ни слова. Хорошо?

— Конечно, конечно, — обрадовалась Нина Макаровна.

— И еще одно: если я сразу не наказываю тех, о ком вы говорите — не переживайте, я ничего не забываю. Значит, пока так надо, хорошо?

- Хорошо, договорилась. Я все понимаю. Спасибо вам большое, Алексей Алексеевич.
— До свидания, всего хорошего.

Уже через два дня участковый проехал по деревне, забрал три незарегистрированных ружья, один самогонный аппарат и несколько мешков сетей. А еще через день в деревню приехал инженер из лесхоза с милицией и составил протоколы на тех жителей, у которых на подворье или на огороде лежали незаконно приобретённые дрова или лес. После этого они поехали на недалеко расположенную лесосеку разбираться с лесниками и заготовщиками леса по поводу незаконной продажи дров сельскому населению. Шума по окружающим деревням такой неожиданный вояж властей наделал тогда много...

Вот и сегодня Алексей, прикинув, что к этому времени Нина Макаровна должна на своём велосипеде уже двигаться в сторону дома, направился по шоссе к Бовшево, где и догнал Нину Макаровну почти у самой деревни. Передав ей, застеснявшейся и отказывающейся, коробку недорогих конфет, заранее приобретенную для этих целей в магазине, он засмеялся:

— Это мой знакомый зайчишка попросил Вам передать. Берите, берите, я же не поеду его искать обратно.

— Ну, раз зайчик, то я отказываться не буду. Передайте ему огромное спасибо. А вам за это могу предложить заехать к нам домой и отведать вкусного борща с блинами и со шкварками. Я думаю, что вы с утра вряд ли что кушали.

— Ну, ради блинов я бы готов на целый час время потерять, но никак не могу — беда у нас.

— Что-то случилось?

— Да. Кто-то вчера ранил большого оленя в вашем районе, и он на Днепре упал и умер. А стреляли где-то здесь у вас. Может, видели или слышали что-нибудь подозрительное, Нина Макаровна? Нужна хоть какая-то зацепка.

— Вчера, говорите?

— Ночью...

— Этой ночью машина ездил у нас. Кажется, приезжали на тот конец деревни.

— Почему Вы так думаете?

— Потому что здесь у нас не к кому приезжать, а особенно ночью. А там частенько машины останавливаются у двух-трех человек. Надо подумать, Алексеевич, чтоб напрасно Вам не тревожить людей и себя тоже.

— Так давайте завтра с утра с Вами встретимся. Вы к этому времени что-то проясните, пожалуйста: к кому приезжала ночью машина и какая, хорошо?

— Постараюсь, Алексеевич. Только не с самого утра, а чуть позже, когда я уже почту поеду развозить.

— Ну да, как обычно. До завтра.

Оставив Нину Макаровну на дороге, сам проехал по деревне, внимательно вглядываясь во дворы и выискивая следы машин или пребывания самой машины во дворе. Поехав по деревне, не найдя ничего полезного для себя, поехал по полям и опушкам леса, пытаясь там найти следы транспорта. Так и наткнулся на свежие следы внедорожника, которые остались на грязи невысохшей лужи. Замерив линейкой протектор и зарисовав узор шин, он поехал по еле приметным следам и обнаружил, что джип катался неспроста: он колесил именно по сжатым полям и скорее всего люди охотились из машины с фароискателем или прибором ночного видения.

Потеряв следы на гравийной дороге, ведущей от сада, Алексей поехал ближе к Днепру и сразу же обратил внимание на аналогичные следы, которые оставила машина на песке от кротовых норок, хаотично расположенных в луговой траве. Получается, что джип ночью колесил по полям, проезжал возле сада или в самом саду, а потом что-то искал на лугу у Днепра. Это уже что-то совсем горячее!

Покрутившись вдоль берега и не найдя больше ничего нужного или интересного для себя, поехал к егерям. Саша Луговинов подтвердил, что раненый олень пришел со стороны сада, а по лугу катался джип не с вечера или ночью, а ближе к утру, раскroшив и разбросав шинами льдинки замерзших с вечера луж. Остальные егеря пока никакой нужной или значимой для дела информации не принесли. Алексей задумался... Судя по картечи, извлечённой из тела оленя, стреляли неизвестной в то время для большинства охотников картечью «Трио»¹⁹ в контейнере. Такие патроны ему показывали на охоте немцы, но в продаже здесь таких патронов он еще не видел. Прикинув, что олень, скорее всего, прибежал к Днепру из сада, где они любили собирать опавшие яблоки, он поехал в тот сад. Здесь он и нашел в высокой траве свежие тропы оленей. И, как он и предположил, здесь же по траве проходили и следы джипа. Побродив по следам машины, он нашел место, где из машины, судя по примятой траве, выходили люди. Там же, в траве, нашел две красных стреляных гильзы двенадцатого калибра, которые еще пахли свежим сгоревшим порохом, и с надписями на них на немецком языке. Забрав гильзы в полиэтиленовый мешочек, Алексей стал ходить по примятой следами людей траве и нашел-таки то, что искал: сначала лепестки контейнеров, а потом и черные засохшие капельки крови на траве. Дерн под травой местами был взрыт копытами оленя. Это именно здесь ранили оленя, стреляя из машины, сразу же определил Алексей. Пройдя по прибитой раненым оленем высокой траве до заросшей ивняком низины, переходящей в заболоченный пойменный луг, Алексей для себя определил, что браконьеры не рискнули ехать по заболоченному лугу напрямую и поехали «обрезать» оленя по кругу, начиная с днепровского луга. Но они не смогли высветить и найти раненого оленя на лугу, поскольку потратили время на поиски раненого зверя в самом саду. А к тому времени олень перешел луг и даже переплыл Днепр. На большее у него сил не хватило. Картина незаконной охоты теперь была ясна, осталось найти тех, кто так или иначе связан с владельцем джипа, кто навёл и приютил небедных и наглых браконьеров, скорее всего, из города. И он стал объезжать своих общественных помощников в деревнях, которые находились в округе заброшенного сада. Разговаривая с лесниками, пастухами, доярками, выяснил, что в близлежащих селениях есть три иномарки-джипа, а в двух деревнях нашлось несколько семей, к которым родственники приезжают на джипах из города. Среди всех названных фамилий людей, к которым приезжали из города джипы, знал Алексей, у двоих дома есть незарегистрированное оружие вместе с оружием, хранящимся на законном основании. Это незаконное оружие он до поры до времени не изымал: во-первых, не имел права изымать оружие на дому без санкции прокурора, а во-вторых, держал их всегда в уме в качестве потенциальных браконьеров-осведомителей, которые при случае, если прижало, могли дать нужную и полезную информацию. Именно такой случай сейчас и настал. Осталось негласно уточнить алиби самих подозреваемых на вчерашний вечер, эту ночь и утро. Заехав на делянку, где работали лесники, отозвал одного из них, у которого точно дома была незарегистрированная одностволка, и узнал, что к Володе Зубанову, одному из тех, кого подозревал Алексей, постоянно из города приезжает черный джип. Люди, которые приезжают к Вове, обычно ходят в камуфляжах. И именно вчера днем у него во дворе жарили шашлыки, топили баню. А ездили они куда-нибудь этой ночью или нет, лесник не знал. А вот до этого они днём ездили в сторону леса — это точно, причем, несколько раз. Что ж... Не исключено, что именно эти люди днем ездили по полям, искали следы диких зверей с тем, чтобы поохотиться на них ночью с фарой. И именно следы их машины, наверное, и видел Алексей.

Владимир Зубанов всегда исправно покупал путевки на охоту и разрешения на добычу копытных. По имеющейся информации Зубанов втихаря мог застрелить косулю или поросенка во время законной по бумагам охоте на зайца, потом до вечера бродить вокруг добытой дичи, а

¹⁹ Снаряженный охотничий патрон, в котором используются в качестве снаряда три крупных дробины картечи по 11 мм каждая, располагающихся одна над другой в углубленных гнездах-ячейках пластикового контейнера.

уже в темноте притащить «трофеи» домой. Была информация, что мясом и рыбой он угощает нужных ему людей: агрономов, ветврача, главврача сельской участковой больницы и некоторых других людей в городе. Алексей так же знал, что Зубанов охотится с фарой в соседних охотничьих угодьях, но там не его, Фомина, территория. Он об этом он рассказал охотоведу соседнего охотхозяйства, но тот лишь отмахнулся: не пойман — не вор, что привело Алексея к определенным нехорошим мыслям и выводам. Но поймать Володю Зубанова на браконьерстве до этого времени никак не удавалось, хотя Алексей давно уже подыскивал претендент, чтобы серьезно с ним поговорить. И вот, похоже, их пути пресеклись: сколько веревочке не виться...

Сделав небольшой крюк, Алексей подъехал к маленькому магазинчику почти вымершей деревни Ходутичи на правом берегу Лахвы. Магазин, как всегда, оказался пустым, но его радостно встретили из-за прилавка большие красивые глаза молодой продавщицы.

— Привет, Дюймовочка. Прохладно тут у тебя, как бы согреться путнику с дорожки?

— А что это путник пропал почти на месяц: ни слуху, ни духу? Я уже думала, что дорогу он забыл в наш теремок!

— Оленька, как я могу забыть дорогу к твоему теремку и к твоему сердечку? Просто не было возможности, ты же знаешь — работа.

— Конечно. У вас, у мужиков, всегда одно и то же: голову молодой девушке вскружите, а потом «работа, дом, семья, дети». Так, Алексей Алексеевич?

— Ну, мать, ты же знаешь...

— И ни какая я не мать тебе, Леша. Это у тебя там дома — мать. А я молодая незамужняя и одинокая девушка, которую никто не любит и которую на каторгу сослали после училища в эту Тмутаракань. И ты, отец, голову вскружил и пропал.

— Ну, вот он — я. Не ругайся, Оленька, давай лучше куплю что-нибудь, что у тебя там залежалось с прошлого года, чтобы с тебя не удержали с зарплаты.

— Что ты купишь?

— Например, шампанское, лучшие конфеты, фрукты...

— Бананы недельной давности? Почерневшие?

— И бананы!

— А что ты с ними будешь делать?

— Диким кабанам отдам.

— Ну, тогда ладно, заходи, путник, угощу с дороги.

— Слава богу, а то я уже подумал, что ты себе здесь жениха все-таки нашла.

— А какие здесь женихи, о чем ты говоришь? — Выставляя на прилавок шампанское, конфеты и несколько вязанок черных бананов, — грустно улыбнулась Ольга. — Одни старушки да маленькие их внучата на каникулах.

— А я вот знаю, что и на джипах к тебе стали женихи подъезжать в последнее время, — положив на прилавок деньги и открывая шампанское, наугад «забросил удочку» Алексей.

— Какие это женихи, Леша? Это Вовочка Зубанов с милиционерами городским вчера днем за водкой заезжали — вот и все женихи.

— Вовочка? Это который с Бовшево?

— Да, именно он. Он всегда на охоте ко мне заезжает за выпивкой.

— А он на охоте был?

— Оружия я не видела, но все в камуфляжах, слегка поддатые.

— Приставали?

— Представляешь, звали на охоту, на природу. Не то что ты — только обещаешь уже второй год на охоту свозить.

— А чего не поехала?

— А ты уже и ревнуешь?

— Конечно. И Вовочке придется лицо намять и брови насечь, чтобы не приставал к тебе.

— А это не он приставал. Там какой-то большой милицейский начальник с ним был — целый майор. Он мне даже удостоверение показал и сказал, что, если у меня проблемы будут любые, например, с недостатей, чтоб ему позвонила, и он всегда меня выручит.

— И телефон оставил?

— Конечно...

— Дай посмотреть?

— Зачем? Ему тоже лицо хочешь намять? Так он тебя в тюрьму посадит. Лучше не надо, да и не нужен он мне — мне ты нужен.

— За это и тост, Оля: чтобы мы всегда были нужны друг другу и никогда не надоели.

Пригубив шампанского, Алексей приобнял девушку, поцеловал в шею:

— Надо ехать, Оля.

— Когда приедешь?

— Скоро...

— Обещаешь?

— Конечно. Давай буську, маленькая, поеду бананами белок и вепрей кормить от твоего имени. Что скажут они, я тебе потом предам. Кстати, дай номерок взглянуть.

— Какой номерок?

— Ну мента того, майора, что с Вовочкой приезжал.

— Ревнуешь всё-таки! Сейчас поищу, и пусть он больше не пристаёт, так ему и надо.

Она покопалась в столике у прилавка и достала чек, на котором Алексей прочитал и навсегда запомнил номер телефона и имя человека, который его писал на чеке.

— Если еще раз пристанет, то ему конец.

— Ах, Леша. Я же не маленькая девочка, как ты привык меня считать. Если что, я сама за себя умею постоять. Одна на всю деревню: а тут то дачники, то механизаторы, то лесники.

— Ну что ж, ты у меня взрослая самостоятельная девушка.

— Не у тебя. У тебя есть жена. А я так, любовница.

— Оля! Мы друзья или как? Или что?

— Ох и хитрый ты: друзья не целуются и не занимаются... ерундой.

— Какой такой ерундой?

— Самой настоящей...

— Так. Ерундой, говоришь? — он схватил ее и стал кружить по маленькому залу магазина, — значит, ерундой сейчас мы с тобой и займемся, только вот крючок на дверь повешу. Попалась?

— Нет-нет, Леша, — засмеялась девушка. — Лучше заberi меня вечером с работы и подбрось до остановки дизеля²⁰. А сейчас должны вот-вот товар с РайПО²¹ подвезти.

— Как обычно, в четыре?

— Да.

— Если смогу, обязательно заберу. Но если до половины четвертого не приеду, значит не смог, Оля, не обижайся тогда, пожалуйста.

— А что мне остается делать? Мы с тобой уже столько знакомы, и мне кажется, я тебя уже хорошо знаю: у тебя на уме работа, работа и еще раз работа.

— Ты моя умница. Не прощаюсь, но если не приеду сегодня, то буду на днях. Пока, директор общеторга, не вешай носик.

Оля доверчиво поцеловала его в губы, проводила грустным взглядом до машины. А он, отъехав от магазина, достал блокнот и вложил в него похищенный из магазина чек с номером телефона майора и его именем — Александр...

²⁰ Дизель-электропоезд, курсирующий там, где нет возможности установить проводную систему для электричек.

²¹ Районное потребительское общество, кооперация для закупки сельхозпродукции и торговли на селе.

...Владимир Зубанов в свои сорок лет морально-этическими и нравственными проблемами совести не страдал. Разведясь с женой и оставив ей и двум своим детям квартиру в городе, он перебрался жить в деревню, в пустующий дом своих давно умерших родителей. Имея три торговых точки в городе, занимаясь обыкновенной спекуляцией под видом индивидуального предпринимательства, он существовал относительно безбедно. Не новая, но вполне еще приличная «Audi» стояла во дворе рядом со стареньким, но рабочим трактором «Беларусь» с ведущим передним мостом. Дом, гараж на две машины, баню, сарай и сад ограждал высокий металлический забор с красивыми резными деревянными воротами. Холодильник всегда был заполнен деликатесами из городских магазинов и рынка, но также и из леса. На всё мясо дичи, хранящееся у него дома, у Володи были приготовлены корешки от законных разовых разрешений на добычу диких животных, ветеринарные справки. Зарегистрированное ружье, как и положено, хранилось в сварном сейфе в спальне, а одна из незарегистрированных двустолок была надежно спрятана прямо под столом в импровизированной кухне-столовой. Володя, будучи местным жителем и опытным охотником, хорошо знал окрестные леса, все тропинки и дрожки в них. Знал, где в любую пору года можно найти того или иного зверя. Было, ставил петли на зайцев, косуль и подсвинков, охотился ночью на диких кабанов в кукурузе с фонариком, ставил сети в Лахве. Но с приходом в охотхозяйство нового руководителя охотоведа Фомина браконьерничать в лесах вокруг Бовшево стало очень опасно, и Володя стал шкодить в соседних охотничьих угодьях. Благо, охраны там практически не было, а местный егерь с удовольствием ел Володину колбасу на закуску Володиной же самогонки. Несколько раз Зубанова чуть было не задерживал ночью охотовед Фомин и его команда. И только чудо спасало его от неминуемого задержания с поличным и суда: один раз ночью он ушел от погони, перескочив верхом на лошади маленький ручей, которой не смог сходу проехать гнавшийся за ним на УАЗе охотовед. А во второй раз старый егерь Романенко несколько раз пробежал в сумерках мимо него, лежащего с косулей в старом, времён войны, окопе, так и заметив притаившегося и не дышавшего Володю. И он затаил лютую злобу на появившегося в его родных краях молодого и хваткого охотоведа, но вида не показывал и даже при встрече несколько раз приглашал охотоведа в свою знаменитую в деревне баньку, куда привозил из города богатых друзей-предпринимателей, часто с веселыми и раскрепощёнными девицами. Алексей от бани отказывался, но несколько раз в доме Володи все-таки был: то с участковым проверяли надёжность хранения оружия, то однажды просил показать документы на живущих в вольерах охотничьих собак. А сам, как сразу же заметил Володя, своим цепким взглядом так и стрелял по домашнему подворью хозяина, что-то явно выискивая или запоминая. Новый директор охотхозяйства поменял всех старых егеров, с которыми у Володи все было «на мази» и, повысив зарплату, набрал новых, молодых и резвых, лишь одного Степановича так и оставил почему-то на работе, даже передав тому служебную лошадь. Мало того, охотовед, отлавливая браконьеров, привлек на свою сторону молодежь, местных жителей и охотников местных охотколлективов, конечно же, за малым исключением, к которому относился и сам Володя Зубанов. Большинство охотников помогают охотоведу безвозмездно полезными делами: поля засевают, кормушки для диких зверей строят, помогают и ценной информацией о диких животных, о браконьерах. Сам Володя несколько раз приезжал к охотоведу на базу, чтобы отметить с лучшей стороны: то сена тракторный прицеп привез, то несколько кубометров доски с колхозной пилорамы. Но охотовед потребовал документы на материалы и сено, а их не было. Так и не взяв он ничего у Володи: хитрым и осторожным оказался новый директор охотхозяйства. А Володе пришлось краденые материалы продать, а на вырученные деньги, даже самому удивительно и противно стало, покупать путевку на право охоты в свои, как он считал, исконно родные мест-

ные леса. С тех пор и затаил Володя злобу на охотоведа и, как мог, вредил ему. То шипы из гвоздей прятал в песке на лесных дорогах, по которым ездит охотовед, то по ночам в воздух стрелял на окраине леса, узнав, что где-то здесь бригада егерей волков вабят²², караулят. И все сходило ему пока с рук, хотя видел он, что охотовед копает под него. С усмешкой вспоминал и рассказывал своим городским друзьям Вова один случай, когда он лично посрамил молодого охотоведа и его ретивых егерей. Как-то, официально охотясь на зайца в лесу, Володя увидел, что на взгорке стоит машина охотхозяйства, а директор в бинокль разглядывает окрестности, что-то выискивая, вынюхивая. Как раз в это время чьи-то собаки погнали несколько косуль в район торфоболота, недалеко от того места, где в кустах в маскхалате стоял Володя. Он мигом перебежал дамбу и, зарядив в стволы патроны с картечью, остановился у края высокого старого леса в ожидании приближающегося гона гончих из болота. Вскоре из малинника выскочили три косули и, не замечая стоящего за крупным деревом Володи, оглядываясь в сторону преследующих их где-то в болоте собак, прыжками приблизились к нему на расстояние выстрела. Самочка, бежавшая последней, после выстрела упала, как подкошенная. Володя быстро подбежал к ней и отнес ее обратно в густой малинник. Там, перерезав косуле горло, он набрал в полиэтиленовый мешочек немного горячей крови, смешал ее со снегом. В это время из болота показались собаки и, заметив стоящего в малиннике человека, бросились к нему в ожидании похвалы за хорошую работу. Володя ударил сапогом одну из собак, замахнулся на другую. Заскулив и обиженно пождав хвосты, собаки убежали обратным следом искать своего хозяина, а Володя же, присыпав косулю снегом, еловой лапой затер свои следы до квартальной линии, бросился бежать по ней, изредка бросая на снег кровавые капли и даже частички свернувшейся крови из мешочка, который нес в руках. Так он пробежал по квартальной линии почти три километра, а потом тщательно вымыл снегом руки, нож и, замаскировав в глубоком снегу следы крови и окровавленный мешочек, уже спокойным шагом пошел по густому лесу. Через полчаса, как он и ожидал, позади себя услышал скрип снега и частое дыхание догоняющих его людей. Володя обернулся: его догоняли егеря во главе со своим охотоведом. Запыхавшееся, они окружили Володю, а Фомин достал служебное удостоверение и предъявил Зубанову.

— Так я Вас и без документов хорошо знаю, товарищ охотовед. Здравствуйте, Алексей Алексеевич! Вы за мной гонитесь? А с чего бы вдруг... У меня с документами все в порядке.

— Предъявите свои документы, патронташ и покажите нам содержимое вашего рюкзака, — Фомин, казалось, не замечал ни хитрой улыбки, ни сарказма Зубанова.

— Пожалуйста. Только водки у меня нет, а так бы угостил с удовольствием, — продолжал ехидничать Володя.

«Первый, первый, ответ машине», — прошипел голос в рации.

— На связи, — ответил Фомин в рацию.

— Мы на месте. Следов переходов людей через дорогу нет. Только есть следы двух косуль, перемахнувших дорогу прыжками. Расставились по дороге, ждем здесь. Как понял? Прием...

— Мы догнали того человека и уже находимся недалеко от вас и от машины. Ожидайте нас на месте. Конец связи.

Фомин, проверив наличие всех документов на право охоты, совпадение номеров в разрешении на хранение и ношение оружия с номерами на самом ружье, с записью в охотбилете о приобретении и разрешении на ношение охотничьего ножа, с содержимым рюкзака и карманов, документы владельцу, тем не менее, возвращать не собирался...

— Ну что, товарищ Зубанов? Будем признаваться, куда косулю спрятали?

— Да вы что? Меня подозреваете в незаконной охоте? Вот, смотрите, мои патроны — там нет ни пуль, ни картечи. Вот мой нож — он законный и чистый. Вот мои руки — можете даже

²² Вабить — манить, подзывать дикого зверя его же голосом. (Об этом отдельно в прологе)

понюхать. И я не браконьер, а честный охотник. Охочусь честно на куничку, на зайчика. А вы мне мешаете охотиться, причем, деньги я вам за путевку заплатил сполна, если что, гражданин егеря-начальник, вместо того чтобы пожелать мне приятной охоты. Придется на вас жалобу написать. Вот так вот, товарищи егеря...

— Тамбовский волк тебе товарищ, Вовочка, — не удержался Луговинов. — Ты сам сейчас мой кулак понюхаешь. Мало тебя в школе я лупил, эх, жаль, что мало.

— О, а это уже и угрозы! Товарищ директор, уймите своих «нетамбовских» волков.

— Так, Зубанов. Мы сейчас весь снег перероем, но докажем, что ты по косулям стрелял и косулю где-то спрятал. Лучше сам колись, — злобно сказал сквозь зубы Алексей, не выпуская из своих рук документов Зубанова.

— Вы мне документики верните, гражданин директор, — для начала. Извинений ваших мне не надо — пока, а потом подумаем, как с вами и вашим хамством бороться. У меня испортилось настроение и прошу вас отпустить меня по добру и по здорову домой. Или везите в ментовку — там разберутся.

— Вы, Зубанов, шли по этой тропе, и за вами есть следы крови. От этого Вам не отвертеться...

— И что? Да палец я порезал, например. Да и не хочу я с вами больше говорить, и не буду. Если есть ко мне претензии — предъявляйте и везите в милицию. Если нет — я пошел.

— Почему стволы пахнут порохом?

— По зайцу стрелял... Что, нельзя?

— Откуда у Вас кровь под ногтями?

— Маникюр неудачно делал.

Егеря тем временем разошлись по лесу, а Луговинов вернулся по следам назад, прошел около километра — везде есть капельки крови. Но вокруг натоптанной в снегу тропы, протоптанной Зубановым и егерями, никто ничего не смог найти. Пришлось Зубанова отпустить. Решили, посоветовавшись, организовать этим же вечером засаду на дорогах к этому лесу от ближайших населённых пунктов и на поле у деревни Бовшево, чтобы поймать того, кто оставил где-то спрятанную косулю. Но засада, к сожалению, ничего не принесла: никто в эту ночь так не показался ни на дорогах, ни на поле у ближайшей деревни.

Так рискованный и наглый Вовочка провел тогда егерей и охотоведа. А вот возвращаться за косулей он и не собирался: пусть достанется лисам и енотам²³, а то мало ли, устроят на всякий случай засаду вечером егеря — с них станется. Да и мяса того — как с двух зайцев. Хотя, немного и жалко было ему свежины. Володя часто видел, что охотовед мотается на УАЗе через их деревню, и попытался установить какую-нибудь закономерность в графике его передвижений, узнать, у кого охотовед останавливается поговорить, у кого обедает или ужинает. Ничего не получалось — в деревне охотовед ни у кого не останавливался, кроме егеря, а так, на улице, на ферме беседовал со всеми подряд. Все расспрашивал, все выпытывал: где волки воют, кто по ночам ездит или стреляет с фарой, у кого оружие дома незаконное, у кого сети, кто рыбу сетями ловит. Конечно же, понимал Зубанов, большинство сельчан ничего не скажут приезжему охотоведу о нем, зная, что за язык могут и хату спалить, но могли найтись и стукачи, которые мало знают, но много болтают. И хотя сам охотовед по домам не ездил, обыски не проводил, не трогал напрасно людей, но вот участковый, скорее всего по его наводке, налетал в окрестные деревни и изымал по хатам оружие, спрятанное и под диванами, и за печкой, и под крышей на сеновале, и даже в пустующих пчелиных домиках. Откуда участковый мог все это знать, если раньше он этого никогда не знал и не делал таких налетов? Только от охотоведа, — делал для себя неутешительные выводы Зубанов, потому что оружие изымалось в деревнях, находящихся на территории охотхозяйства, где директором был Фомин. Оттого, осторожни-

²³ Ошибочное, неверное народное название енотовидной собаки.

чая, браконьерничать он стал намного меньше, чем в годы прошлые, и то, по ночам и подальше от своей деревни — в соседнем охотничьем хозяйстве. Там же в одной из деревень Володя хранил свои сети, еще одно свое незаконное ружье, капканы. Хотя городские друзья Володи, которые ездили с ним и на незаконную охоту, и на незаконную рыбалку с сетями, были, в том числе, и из милиции, и во время обильных застолий у Володи дома после баньки они клялись и стучали в себя в грудь в том, что в случае беды заступятся и вытащат его из любой сложной жизненной ситуации, но хитрый и острожный Зубанов мало верил их обещаниям и сам принимал все необходимые меры предосторожности, чтобы не попасться Фомину на своих темных делишках в лесах.

В город Зубанов ездил два-три раза в неделю: проверить работу своих торговых точек, забрать выручку, съездить в банк и затариться в магазинах и на рынке впрок провизией и спиртным. Все это приготавливалось для посиделок с друзьями, услуги которых себя всегда оправдывали. Так и в последний свой приезд к нему его давний друг Паша Ходановский, начальник ОБЭП из РОВД, привез в подарок три мешка сетей, которые он взял у друзей на складе изъятых у браконьеров орудий незаконного лова в межрайонной инспекции рыбнадзора, привез также и электроудочку, которую за четыре бутылки водки выманил там же. Большую услугу оказал Зубанову Паша в борьбе с рэкетирами на рынке: уже больше года Зубанов никому из них ничего не платил, и никто к нему по этому поводу даже и не подходил. А раньше приходилось платить каждый месяц. Не скупясь, Вова платил за «крышу» Паше своими услугами по организации отдыха в виде затяжных застолий после бани, незаконных рыбалок и охот. Они, пьяные, не стеснялись ночью покататься на мотоцикле с фароискателем, отстреливая все, что попадется в свет фар, загородить сетями все озеро от берега до берега и глушить рыбу между сетями электроудочкой. Они, если им надо было, подкупали лесников и организовали незаконную заготовку делового леса, который потом также незаконно распиливался на пилораме в ближайшем исправительном учреждении. Двор Зубанова надёжно хранил тайну застолий и оргий, которые устраивал Володя для Паши и его друзей, хотя соседи недовольно косились в сторону дома Зубанова, слыша по ночам веселый и пьяный смех женщин, маты мужчин, а то и стрельбу из пистолетов или ракетниц в воздух. Участковый попробовал самостоятельно несколько раз проинспектировать домохозяйство Зубанова, но после нелицеприятной беседы с Ходановским в РОВД больше к Зубанову без охотоведа не заезжал.

И вот как-то вечером у ворот Зубанова раздался неожиданно длинный и наглый, как подумалось Володе, басовитый сигнал автомобильного клаксона и в железные ворота громко застучали кулаками. Володя, накинул телогрейку и пошел посмотреть, кто там так нагло осмелился хулиганить.

— Эй, хозяин! Открывай ворота, а то сейчас снесем к едреной матери, — доносилось из-за забора.

Володя открыл калитку и попал в пьяные объятия друга Паши:

— Вовка! Смотри, какого танка купил! Теперь с комфортом будем ездить и на охоту, и на рыбалку, и к дояркам, ха-ха-ха. Смотри, Вова, это не твоя «аудюха», на которой только в по асфальту кататься.

За спиной у Паши стоял огромный черный внедорожник с открытой дверцей со стороны водителя. Открылись и другие дверцы, и из машины, кряхтя, стали выходить такие же хмельные мужчины в гражданских костюмах, в отличие от Паши, который был в повседневной форме майора милиции.

— Ну что, Вован, принимаешь гостей?

— Конечно, как всегда рад гостям! А это что, вправду твоя что ли машина?

— Ну не твоя же...

— Да ты что! Поздравляю с покупкой! Что — обмоем сегодня? Загоняй, Паша, во двор, а то соседи уже пялятся, сейчас я ворота открою.

— Да какие соседи, Вова? Надо будет, на настоящем танке приеду и все здесь разворочу. Подумаешь, соседи. Ты скажи-ка лучше, Вован, участковый больше не беспокоит? А то вот, знакомься — это его начальник, Валерий Николаевич. Проходи, Валера; берите, мужики, там все, что у нас припасено — будем гулять.

Джип загнали во двор, ворота закрыли. Пока гости собирали на стол привезённые с собой закуски и спиртное, Володя шустро растопил баню и, взяв несколько кастрюлек, сходил в погреб и принес оттуда солёных огурцов, моченых яблок и маринованных в литровых банках боровиков. Грибы он не собирал и не любил собирать: их ему за самогонку или за деньги приносили местные жители, а знакомые женщины, которые не так уж и редко ночевали у него в доме, нагло обманывая своих пьяненьких мужей, солили их, закатывали в банки, сушили в печи. Таким же образом солилась и сушилась рыба, солились в бочках яблоки, огурцы, помидоры, изготавливались из дичи колбасы, готовились для вяления окорки и полендвичи из мяса незаконно и законно добытых диких животных. Вскоре в кухне-столовой дома Володе на всю ночь загудел пир. На завтра, проснувшись и опохмелившись ближе к обеду, решили проехать на джипе без оружия и посмотреть по следам, где на поля выходят олени или лоси, чтобы ночью на них поохотиться уже не на холоде с мотоцикла, а в тепле и уюте настоящего джипа.

— Вова! Ты что, не понял, каких я людей к тебе привез? Какой к черту, охотовед, Вова? Мы сами себе охотоведы, ха-ха-ха! — Смеялся Паша на робкие Володины вздохи об опасности такой затеи. — Мы и его купим с потрохами. А если нет, как ты говоришь, то поставим сюда нового, своего егеря, чтобы тебе жизнь не портил. Или тебя самого назначим!

Володя не спорил: рэкетеры покруче Фомина, а и то не трогают его больше, не подходят даже. Но все же заметил:

— Не так, Паша. Давай-ка я лучше сам быстро на мотоцикле все объезжу, все просмотрю, а потом на неделе тебе позвоню — ты и приедешь. Фомин не спит. Молодая жена дома, а он по ночам как оголтелый носится по полям и по лесам. Ты просто не знаешь и недооцениваешь его.

— Да, Вован, запугал тебя егеря, как кролика удав. Ты скажи, кто запрещает хорошим людям на хорошей машине, купленной за хорошие деньги, проехать вечером или днем вдоль полей или по лесу? Фомин? Не смей меня, брат! Бери закуску, поехали, подышим свежим воздухом, заодно вопросы порешаем так, как надо, с комфортом.

Они проехали по опушкам леса вдоль всех полей за Бовшево, покрутились вдоль полей за Косичами и за деревнями Ходутичи и Сорочин. Все следы оленей, лосей, кабанов отложились в голове, да еще Павлу настолько запала в душу молодая продавщица сельского магазина, что он решил, во что бы то ни стало, прокатиться с ней «на природу», хотя она пока и не дала ему ни повода, ни обещаний. Он оставил ей номер своего мобильного телефона, намекнув о своих практически никем не ограниченных возможностях всесильного милицейского магната, а сам подумал, что в ближайшее время обязательно приедет в эту глухую деревню, но уже одни и трезвый. Приехав домой к Володе, Паша, в отличие от друзей и коллег, немного выпил водки, немного закусил и хорошо пропарился баньке. Все-таки он решил ехать сегодня ночью на охоту, а его друзья, сидя за столом, живо поддержали его предложение: всем хотелось испробовать свежей оленины. Володю отослали в его законспирированную деревню за незарегистрированным оружием и патронами, посчитав, что законную «вертикалку» брать не стоит, а старой курковки из-под стола для хорошей и успешной охоты будет недостаточно. Володя по пути вновь осторожно и медленно проехал по заброшенному саду и ухмыльнулся: олени тут часто бывают, и немало их. Охоте быть здесь, раз такие высокие «шишки» гарантируют ее безопасность, да и ехать далеко не надо...

Ближе к четырём часам утра Ходановский и Зубанов, не будя своих пьяных товарищей, выехали на охоту с фарой. Сразу же по указке Володи поехали по грунтовой дороге в старый еловый лес за деревней. Проехав около километра по ночному лесу, повернули по лесной дороге к саду. По словам Володи, сейчас или чуть позже по саду должны пройти олени к водо-

пою — небольшому озеру в низине за садом. Фароискатель еще не установили, и это, конечно, ухудшало обзор в темноте. Но джип легко и бесшумно кружился между рядами старых яблонь, освещая мощными галогеновыми фарами междурядья. Вдруг впереди в свете фар мелькнули глаза.

— Смотри, Вова, — зашептал Ходановский. — Чьи это глаза?

— Низко — это не олени. Думаю, что это косули. Они нам пока не нужны. Свети дальше и поверни правее, ближе к лесу. Там больше всего оленьих троп я видел вчера.

Павел повернул машину так, как сказал Зубанов, и вскоре в свете фар опять замелькали зеленовато-желтые светлячки глаз.

— Вот они, Паша, олени, — возбуждённо зашептал Зубанов, взводя курки на двустволке. — Не газуй и не снижай оборотов, так и едь, как ехал, только чуть левее возьми, в другой ряд, а потом повернешь опять вправо, когда я скажу.

Ходановский выполнил команду, свернул влево, переместившись в другой ряд деревьев и, проехав метров пятьдесят, вновь вернулся в прежний ряд. Сразу же метрах в сорока от машины огоньками вспыхнули глаза осторожно наблюдающих за машиной и стоящих на месте в высокой траве оленей. Неожиданно резко щелкнул лежащий в высокой траве и раздавленный колесами сухой сук от яблони, и олени бросились убежать.

— Стой, — крикнул Зубанов и, не дождавшись полной остановки машины, открыл дверцу и на ходу выпрыгнул в высокую траву. Ходановский заметил, что в свете фар мелькнул убегающий рогач, и тут же прогремело два выстрела. Олень вздрогнул, присел, но потом неожиданно скрылся из луча света. Володя побежал по высокой траве, на ходу перезаряжая ружье и выбрасывая стреляные гильзы в траву, но так и не смог выстрелить еще раз — олень исчез в темноте. Прислушавшись и не услышав характерных звуков бьющегося в агонии зверя, он бегом вернулся к машине и, запрыгнув в салон, крикнул:

— Гони, Паша, за рогачом скорее. Я его картечью хорошо зацепил.

Машина взревела двигателем и, треща сучьями, покатила за убежавшим стадом, спускаясь по саду все ниже и ниже — ближе к низине, уходящей прямо на днепровский луг. Володя просил Павла крутиться по саду в низине, искать где-то в траве раненого или мертвого оленя, но все тщетно — его нигде не было.

— Неужели на луг пошел? Там же Днепр, — задумчиво произнёс Зубанов, когда машина остановилась у кромки заболоченного луга, поросшего айром. — Мы тут не проберёмся даже на танке, надо вокруг ехать. Погнали, Паша, может, успеем на лугу его осветить. Не может же он Днепр переплыть, раненый...

Домой к Володе они вернулись уже с рассветом, так и не найдя раненого оленя ни в саду, ни на днепровском лугу. Растолкав спящих друзей, злой Ходановский предложил всем быстро опохмелиться и собираться домой. Прощаясь, напомнил Володе, что в стаде он видел несколько рогачей, и предложил позвонить ему, когда можно снова приехать и добыть-таки хорошего рогача. Володя, виновато опустив голову, клятвенно пообещал найти оленей хоть под землей и сразу же отзвониться.

— Под землей пусть твой «друг» Фомин живет и что-то там ищет, а ты мне оленей здесь, на земле, живых ищи, — ухмыльнулся Ходановский и резко тронул с места машину с сонными и пьяными своими друзьями...

На следующий день Алексей Фомин ближе к вечеру собрал егерей, выслушал их отчеты о проделанной за день работе. Результаты были: получена информация о хранении четырёх единиц незарегистрированного оружия в трех населённых пунктах. Василий Степанович доложил о подозрительном черном джипе, мелькавшем в Бовшево и в Косичах позавчера и вчера рано утром. Но вчера днем его в деревне не было точно. Александр Луговинов установил лич-

ность двух человек, которые установили по берегу Днепра двадцать капканов на норку и бобра. Обоих застал на реке с поличным и задержал, протоколы составил, капканы и одного мертвого бобра изъял по акту. Он же, протоптав весь луг у Днепра, пришел к выводу, что джип по лугу ездил совсем немного: два-три круга.

— Не хотел «светиться», осторожный, — сделал вывод Алексей.

А сам подумал, что браконьеры не охотились с вечера и рано ночью, когда олени еще выходят к местам кормежки из леса, голодные и осторожные. Браконьеры, наверное, охотились под утро, когда, как правило, звери уже насытились и, став менее осторожными, шли через сад на водопой. Опытные браконьеры, зная места постоянных переходов зверей на водопой, не бороздят поля ночью с фарами, а садятся ближе к утру на засидку²⁴ или в засаду у водоемов и поджидают там бегущих к ним в руки самих зверей. Да и надо отдать должное: во время рейдов они сами уже после полуночи всегда поворачивают в сторону и ближе к дому. Возможно, у браконьеров есть информация и об этом, и нельзя сбрасывать это обстоятельство со счетов. Алексей предположил, что браконьеры на джипе так и сделали: выехали в сад ближе к утру, точно зная, что олени ночью пасутся на открытом поле, где к ним и подобраться сложнее и видно хорошо издали свет фар, а ближе к утру они уходят на водопой через старый колхозный сад, в котором их легче застать врасплох на машине с фарой. Скорее всего, именно таким образом браконьеры и ранили оленя, но не смогли его добрать, потому что он ушел по низине, где джип не проедет, и, уйдя от погони, олень переплыл Днепр и, к сожалению, силы у него там и закончились.

— Поэтому, мужики, с этого момента мы ловим браконьеров, которые должны снова приехать сюда. Полагаю, что это Владимир Зубанов со своими друзьями из милиции. Они у него постоянно там обитают, пьют водку, с ним же на мотоцикле катаются ночами по полям без оружия, высматривают зверей. А вот появился и джип. Я узнаю в скором времени, что это за машина, откуда и кто хозяин. А вы все тем временем работаете в штатном режиме, будьте по вечерам всегда на связи. Как только я узнаю, что у них предстоит новая охота, сразу же всех соберу. Черных Володя получит инструктаж особый — это его территория, и он больше всех с сегодняшнего дня будет работать в этом направлении. Естественно, со мной вместе.

Дальше прозвучал обычный инструктаж о проведении коллективных охот в выходные дни, когда ожидался большой наплыв бригад охотников, решались вопросы начала комплекса биотехнических²⁵ мероприятий в вопросах первичной выкладки кормов на подкормочные площадки, чтобы заранее привадить зверей к привычным для них местам их подкормки и к солонцам²⁶. Несмотря на ранний ноябрь, егеря уже стали выкладывать из кормохранилищ²⁷ корма под навесы, так приваживая диких кабанов, косуль и оленей к определенным местам и показывая, где им можно найти дополнительное пропитание и соль, когда нагрянут морозы и выпадет глубокий снег. И эта была обычная, кропотливая повседневная работа в охотничьем хозяйстве, о которой мало кто знает и почти никто видит. Егеря постепенно отошли от темы браконьеров на джипе, но Алексей ни на секунду не забывал о том вызове, который был брошен ему и как охотоведу, и как директору охотничьего хозяйства, и как человеку-охотнику. Он уже четко видел для себя картину того, что произошло вчерашним утром в саду, и понимал, что все следы ведут только к Зубанову. Ехать «колоть» его дома бесполезно: хитрый и изворотливый, он не

²⁴ Примитивное охотхозяйственное сооружение для наблюдений за дикими животными и охоты на них: доска, закрепленная на развилке сучьев на толстом дереве, иногда с подставкой для ног и со спинкой, или просто замаскированная ветками засада на земле, в кустах.

²⁵ Мероприятия, направленные на улучшение естественных условий обитания диких зверей: искусственная подкормка на кормовых площадках, устройство солонцов, кормовых полей и т. д.

²⁶ Солонец — место искусственной минеральной подкормки диких животных обычной крупной или каменной солью.

²⁷ Простое охотхозяйственное сооружение, как правило из досок, для временного хранения в нем предназначенных для выкладки зимой кормов для диких животных.

даст себя ни обмануть, ни запугать. Надо брать только с поличным. И Алексей в одиночку, без свидетелей, начал «обкладываться» Зубанова со всех сторон. Сначала лесник Егор Захаровский, живущий напротив Вовочки, пообещал позвонить, если к Зубанову придёт и останется на ночь машина из города. Потом Нина Макаровна пообещала, что сразу же позвонит, если появится в их деревне джип. Потом побеседовал с завербованной им дояркой, иногда бывающей у Зубанова в качестве домохозяйки и домработницы по вызову. Мужа ее когда-то Алексей поймал с полным тракторным прицепом незаконно нарезанных в лесу дров, но отпустил по договору о тайном сотрудничестве. Она тоже пообещала позвонить, если приедет к Володе джип или придется ей по вызову делать колбасу из дичи. Сторожа ферм деревень Косичи, Сорочино, Ходутичи, Бовшево, которых Алексей частенько за нужную информацию угощал дешевым вином из сельских магазинов, тоже клятвенно пообещали позвонить, как только увидят дорогой джип или свет фар ночью на полях. Сам же он несколько вечеров и ночей, выслушивая жалобы и угрозы жены о разводе, кружил по полям, определяя, где на мотоцикле ездит днем Зубанов, какие следы он видит, что знает о выходах диких зверей на поля. А дневные следы мотоцикла Зубанова были везде — он изучал все ту же информацию, что и охотовед, только лично для себя и для предстоящей охоты. На третий день, проезжая по полю у леса за Бовшево, Алексей обнаружил ночные следы оленей. Они все так же, как и раньше, вновь вышли поздно вечером из молодой деланки на поле озимого рапса, ночью повернули к саду и садом спустились к лугу на водопой. Натоптав следов по грязи на водопое в низине, олени по тропе в зарослях ольхи, крушины и осинника, густо переплетённых крапивой и малинником, сделав круг, перед рассветом вернулись в старый еловый лес. И здесь уже успел побывать Володя на своем мотоцикле, определил по следам Алексей. Значит, надо ждать их вылазки либо на поле, либо опять в саду. А может, как бы это сделал сам Алексей, браконьеры будут караулить оленей в засаде у водопоя: и ездить, «светиться» по полям им не надо, и все вокруг слышно, а их самих не видно в густой траве. Фомин предупредил егерей о полной готовности и был прав. Уже в пять вечера сначала позвонил Захаровский, а чуть позже и Нина Макаровна, и оба они сообщили, что к Зубанову приехала машина, в ней было четыре человека и все в камуфлированных костюмах, а машину, черный джип, сразу же спрятали во дворе. Алексей объявил немедленный сбор и выезд в ночной рейд. Собрались все за час. Как всегда, сначала инструктаж и постановка задач под подпись в журнале. Затем оформление приказа, оформление нового путевого листа с указанием маршрута патрулирования. Список бригады, состоящей из четырёх егерей, водителя и охотоведа утвержден приказом директора. В восемь вечера, с наступлением сумерек, бригада в полном составе выехала в рейд...

— Ну что, Вова, соскучился, раз позвонил? — Паша, уже слегка хмельной, выйдя из-за руля машины, потянувшись, протянул руку Зубанову, — ну, знакомься с моими друзьями: Валерия Алексеевича ты уже знаешь, а это Григорий и Виктор. Так что смело рассказывай, что ты нарыл: здесь все свои.

— Олени, Паша, опять стали ходить тем же маршрутом.

— А мой рогац есть?

— Есть твой, и не один. И мой нашелся.

— Как это?

— Да того оленя, что я тогда стрелял, егеря нашли на той стороне Днепра. Мой прикормленный ветеринар рассказал, что охотовед его вызывал, чтобы труп вскрывать и акт подписать о незаконной охоте.

— Ха-ха-ха. Так ты думаешь, что это «твой»?

— Да.

— Ну ты стрелок, Вова! Кричал мне, что олень где-то рядом лег. Чуть машину в болте не утопи! А он луг перебежал, и только в Днепре от страха и холода сердце не выдержало.

Володя не стал рассказывать, что ветеринар ему доложил о том, что олень был ранен крупной картечью и что охотовед назвал эту картечь словом «трио». А «Трио» Володе подарил именно майор милиции Ходановский Павел — его друг и по совместительству браконьер.

— Ладно, чего уж там. За промах будешь наливать, Вова, — это естественно. Я дорожную машину по лесу бью и царапаю, а ты мажешь. Ты готов?

— Всегда готов, товарищ майор.

— Тогда выкладывай план. Только давай машину спрячем от злого глаза. А сами пошли за стол, там и поговорим. Есть у тебя что перекусить и выпить?

— Обижаешь, начальник, — весело отозвался Володя, распахивая тяжелые скрипучие ворота.

Зубанов быстро накрыл стол домашними разносолами, поставив в центре графин с самогонкой. Все выпили, похвалили самогон и стали закусывать. Хрустя квашеной капустой и захватив пальцами с тарелки большой кусок вяленой полендвичи, Ходановский зло проронил:

— Да, по твоей просьбе, Вова... Пробили мы твоего охотоведа по всем базам — ни одной зацепки. Налоговая инспекция его кошмарит регулярно, в санстанции наши девчата работают, пожарники тоже наши. И хозяйство проверяли, и всю его бухгалтерию, и контрольно-ревизионное управление поработало — все чисто, все аккуратно. Не то что привлечь, а придрататься не к чему. Правда, девчата из санстанции, молодцы, по моей просьбе штраф выписали за то, что нет защиты от комаров на окнах гостинцы и не промаркированы швабры и ведра на этажах базы. И все, Вова! Такие вот неутешительные для тебя дела.

— Для меня? Для нас всех, господа-товарищи, он опасен. Как вы проверяли? Кто проверял, почему у меня не спросили? Машину служебную дома по ночам ставит? Ставит! Выпив, за рулем ездит? Ездит! Пистолет по целым неделям в РОВД не сдает? Не сдает он, а ведь обязан! Карабин дома в простом сейфе держит, а не под сигнализацией. Мясо лосей и диких кабанов, добытых по лицензиям, кооператорам продает? Продает за наличку! А ты говоришь, что он ангел...

— И реализацию мяса проверяли, и путевые листы, и расход топлива, и приказы на ночные выезды, и списки рейдовых групп, и приказы о рейдах, и протоколы, и охрану труда, и огнетушители на базе его в гостинице, и баню его, и документы на проживание — все проверяли, и все в порядке у него, Вова. А пьяным его за рулем пока никто не поймал, хотя гаишникам такая задача тоже поставлена. Вот так, Вова, пол-РОВД на тебя работало, и что от нас зависело, все сделали путем. Не ссы, придет и его час. А сейчас давай по делу. Рассказывай, где и как будем сегодня стрелять моего рогача?

— Ты карабин взял, как я просил?

— Конечно.

— А прибор ночного видения?

— У меня оптика ночная, Вова. Зачем нам еще и прибор?

— А мне?

— Хватит. Ты уже стрелял, мазила. Теперь я буду показывать вам класс охоты. Ты оленей привязал?

— Естественно, как и обещал, — обиженно засопел Вовочка.

— А рогачи там хорошие есть? Мне надо шефу рога подогнать — давно просит.

— Ха-ха, Паша, так в чем дело? Рога нужны? Так мы это можем...

— Тихо, тихо, шустрый, это все-таки шеф... Ты лучше расскажи, Вова, что там у нас насчет рогачей?

— Есть все в лучшем виде, ты не переживай — главное, не промажь с карабина-то...

...Директор охотхозяйства Фомин, проведя инструктаж по технике безопасности на рабочем мете и поставив цель выезда в рейд — поймать и привлечь к законной ответствен-

ности браконьеров с большими связями и полномочиями, дал всем расписаться в журнале и сосредоточенно уточнил:

— Ну, что, инструктаж все поняли? Тогда трогаемся. Поедем, Саша, в Бовшево. Только не по прямой дороге, а по кругу — со стороны Косич. Вперед.

— Ого, это ж километров двадцать круг.

— Значит, так надо. Ты заправился?

— Под завязку.

— Ну и хорошо. Заодно посмотрим, что там наши соседи по ночам делают. По нашей границе прокатимся. Волков послушаем. Времени нам, мужики, до утра предостаточно.

— А Вы думаете, что они только утром поедут? — Саша Луговинов и Володя Черных задали вопрос почти одновременно.

— Я думаю пока так, а по ходу будет видно.

Алексей любил ездить ночью по охотхозяйству. То там, то там в свете фар вспыхивают огоньки настороженных, любознательных или испуганных глаз попавшихся на пути диких животных, лес из окна машины выглядит тоже немного настороженным и даже чуть-чуть угрюмым или сонным. Но Алексей знал, что стоит остановить машину, выключить свет и отойти метров на сто в сторону, сразу поймешь, что лес не угрюмый и не сонный — он живой, родной. Он не спит — он дышит, тихонько шумит, шелестит, потрескивает, пахнет. Он шумит кронами, пахнет травой, грибами, мхом, иголкой. И жизнь в нем не замирает ни на минуту. Алексей вдохнул — пока, к сожалению, не до лирики и не до романтики; надо работать, надо думать и предугадать мысли браконьеров, надо опередить их всего на шаг, на целый шаг. Идет обычная работа рейдовой группы, как говорит Гриня, идет охота на браконьеров. Егеря доверяют ему во всем, и это доверие надо всегда, каждый раз без исключений, оправдывать, потому что это не просто охота — это самая настоящая война, в которой проигрывать нельзя. Что сегодня предпримут браконьеры, если вообще поедут в лес? Алексей вздохнул... Раз Володя Зубанов большее внимание обратил на сад, а браконьер он опытный, скорее всего, охотиться они будут в саду: и олени менее осторожные ближе к утру, и видимость оленям скрывает высокая трава, и ветерок с низины вверх несет прелый запах болота, гниющей растительности, «размывая» запах человека, сидящего осторожно в засаде. Значит, там и надо их будет ждать, опередив на шаг, там и задерживать с поличным...

На краю большого верхового болота у Глух повстречали семью лосей. Самец-рогач, лосиха и двое «сеголетков»²⁸ спокойно стояли в свете фар, подпустили машину совсем близко и только после того, как автомобиль остановился в сорока шагах от них, нехотя и грациозно ушли в густые кусты ивняка.

— Хороший рогач, — прокомментировал Черных Володя.

— И лосиха с детишками ему под стать, — добавил, улыбаясь, Алексей.

Егеря, дремавшие до этого, оживились, потянувшись за сигаретами.

— А Степанович молчит, не хвалится, хитрый жук, — ревниво отметил Володя.

— И правильно делает, — хмыкнул Луговинов, — жену, ружье и домашнее хозяйство хвалить нельзя, а то сглазят.

— Или уведут, — съязвил Алексей.

— Хм, и такое бывает, — согласился Гриня. — Алексеевич, расскажи, что ты придумал на сегодня?

— На сегодня мы пока тихо едем, куда нам надо. А вот завтра мы будем так же тихо работать, но шуму, мужики, будет много,

²⁸ Животных, рожденных в этом году (сего лета рождения).

Так они проехали вдоль болота, обогнули его по кромке вдоль полей, а затем повернули в сторону Бовшево. Когда показалась новая охотничья вышка, недавно построенная Василием Степановичем, Алексей попросил шофера остановиться. Глянул на часы — почти полночь.

— Так, мужики. Попробую вабить волков. Кто пойдет на эту вышку?

— Я, — первым успел отозваться Черных.

— Ну что ж. Иди на вышку и тихонечко и жди. Здесь хороший переход, да и глаза скоро привыкнут к темноте. Картечь хоть есть?

— Есть. И ружье служебное.

— Хорошо.

— А можно и мне с ним? — не утерпел Луговинов.

— Нет. Ты будешь стоять в другом месте. И Василий Степанович — в другом. Я буду вабить с большого острова-рощи на поле. Ее отсюда не видно в темноте, но вы все ее знаете — по дороге на Косичи. Если рядом в болоте есть выводок, то они могут отозваться или молча прибежать и посмотреть, кто тут к ним пришел, непрошенный. Ну, вы уже не в первый раз со мной охотитесь, знаете, что и как. А через часик-другой поедem в засаду на место, где предположительно будут охотиться сегодня браконьеры — я потом отдельно всем все расскажу. Саша, поехали вперед; если можешь, то едь осторожно и аккуратно прямо по колею без света.

Черных вышел из машины и растворился в темноте. Саша повел машину без света, и вскоре Алексей указал, где сойти Луговинову, а потом и Степановичу. Вместе с Гриневичем вышли из машины на опушке большой лиственной роши и, отправив машину с шофером с включенной на прием радиостанцией к чернеющему недалеко лесу, осторожно пошли вдоль опушки.

— Тихо стой здесь за деревом и смотри в сторону болота. Если будут бежать, то именно оттуда. А я зайду с противоположной стороны и начну вабить. Потом тихо подойду вон к тому мысу, видишь? — прошептал на ухо Гриневичу Алексей.

— Вижу.

— По окончании охоты я посвечу тебе зажигалкой. Смотри, буду идти к тебе в темноте — не перепутай.

— Обижает, шеф.

— Ну все, я пошел...

— Ни пуха!

— Иди ты... — тихо и беззлобно шепнул Алексей и, бесшумно ступая, пошел вдоль опушки роши и вскоре скрылся из поля видимости Грини. Через полчаса из-за роши раздался заунывный гнусавый вой матерого волка: «А-а-у-о-о-о-о-о-о-у-у».

Мурашки побежали по коже Гриневича, хотя он и знал, что это вабит Алексей. Через десять минут вой повторился. А еще через десять минут Алексей провалил голосом волчицы: «О-о-а-а-у-у-у-у-у-у-о...». Тишина, никто не откликнулся на вабу. Но это не значит, что волков в округе нет. Они могут и молча, в одиночку или стайей, проверить, кто пришел на их территорию. Поэтому все охотники замерли в ожидании. Ближе к часу ночи Алексей вновь вабил голосами волка и волчицы и даже переярка²⁹, но никто не ответил опять. Не было и выстрелов, поэтому он помахал рукой, в которой горело пламя зажигалки, и медленно двинулся к Гриневичу...

— Ну что?

— Ничего не слышал такого. Только кто-то сильно трещал в лесу.

— Стадо диких кабанов — я тоже слышал. Что, вызовем машину?

— Давай, Леша. Поехали уже брэков ловить.

— Не терпится? Еще насидишься в болоте.

²⁹ Молодой волк прошлого года рождения

— В болоте?

— А ты думал ночь в машине просидеть? А нетушки, кум. Я тебе работу придумал получше и труднее.

— А кто бы сомневался, все самое гнилое — Гриневичу, по-родственному.

— Все мы будем в болоте, Гриня, не только ты. Там сыро и холодно, а ждать придется долго. Такая наша доля, Саня.

— А что ты задумал?

— Сейчас соберемся, расскажу.

— А перекусить?

— Ты бы, Саня, только еле бы да ел, куда в тебя влезает?

— Ха, полночи голодные едим, а ты «куда влезает». Поехали, вон Саша в темноте катится, а там мой рюкзак, в котором колбаски, мяско, огурчики. Эх. Я и на твою долю брал, Леша, не переживай. Твоя мегера, небось, опять со скандалом выпроводила?

— Не твое дело, Саня. Не лезь в душу, да и не голоден я.

Саша прикусил язык, молча сели в машину, по пути забрали охотников с номеров³⁰, которые немного продрогли и рассказали, что волков не было и у них. Вернулись в рощу, откуда открывался хороший обзор во все стороны, страхуясь на всякий случай: а вдруг кто-то решит покататься и здесь с фарой. Алексей объявил перекус-перекур, заодно рассказал всем о порядке предстоящей работы.

— Так, мужики. Перекусываем и одновременно внимательно слушаем... Сейчас едем все в Бовшевский сад. Василя Степановича с радиостанцией оставляем одного на дороге, ведущей из деревни через лес по большому кругу в сад. Именно там должны проехать браконьеры, или именно оттуда на развилке они повернут на другие поля. Это главная развилка. Мы же будем ждать сигнала от Василия Степановича в машине внизу. Как только сигнал поступит о том, кто и куда поехал, мы сразу принимаем решение: либо быстро занимаем позиции у болота на лугу, где олени пойдут на водопой, либо догоняем браконьеров на полях. Вопросы?

— А успеем ли, если они поедут в сад?

— Я полагаю, что они с подачи Вовы не поедут, а будут охотиться с подхода или из засады, но только не с машины. Шуму они уже наделали, подранка оставили — будут остерегаться. Поставят скорее всего машину где-то на краю сада, проехав мимо сидящего в засаде Степановича, а сами, пропустив оленей в сад с поля, будут ждать их на пути к водопою. А кто-то один из них пугнёт, подгонит на них оленей сверху. А тут уже будем и мы. Поэтому перекусываем — и на позиции, время пока за нас. А олени в это время, кстати, еще на больших полях, но уже путь держат в сторону сада.

— А если браконьеры на машине вниз спустятся со светом или на мотоцикле? — Луговинов внимательно слушал охотоведа и одновременно кусал кусок толстого блина с жареным салом.

— Будем брать и на машине.

— Пешком?

— А как? Конечно, пешком! Стреляем в соответствии с инструкцией по шинам — и все дела. Точнее, стреляю я один, или Гриня — он почти мент и ему можно, а дальше — по обстоятельствам. Но я думаю, что Зубанов приведет их часа через полтора-два пешком вниз, там они и будут стрелять. На этом ставим точку и больше не обсуждаем. Вариантов тысяча, я почему-то выбрал этот, за это сам и потяну массу. Ещё вопросы?

— Будем ждать выстрелов или берем каждого втихую?

— Однозначно: берем всех только после выстрелов. С поличным или без, но только после выстрелов. А если зверь не придет, и они сами снимутся и начнут уходить, тогда уже догоняем

³⁰ Установленное место, площадка, засада, где охотник, спрятавшись, стоит с оружием в ожидании подходящего зверя.

и берем просто — за незаконную охоту без соответствующих документов. Работаем парами. Связь у всех включена, но в эфир выходим только в крайнем, экстренном случае. Всё, поехали! Степанович, ты сам дойдешь в темноте?

— Конечно. Я там постою, но у тебя, Алексеевич, я знаю, есть шипы в багажнике, что на дорогу надо ставить, ежи колючие. Дай мне с десятка. Если они проедут, я им дорогу назад «заминирую».

— Хорошее предложение, пошли к багажнику, насыплю тебе с десятка. Только потом надо будет собрать, а то сами же и напоремся на них.

Расставшись с Романенко, бригада поехала вниз по склону в сторону луга и, не доехав до места засады почти километр, машина, двигавшаяся только на одних подфарниках, и вовсе остановилась, даже не скрипнув тормозами, как обычно. Тихо открылись дверцы, и люди молча и сосредоточенно стали выходить из машины. Ни скрипа, ни стука, ни разговоров. Вокруг крошечная темнота, и лишь яркие осенние звезды равнодушно и холодно смотрят на темный лес, в котором бесшумно и проворно копошатся люди в камуфляжах с оружием за плечами. Четыре человека один за другим скрылись в ночном лесу, а водитель остался в машине до особого сигнала. Подойдя к болоту, к которому с холма спускался старый сад, все остановились и на время замерли, прислушиваясь. Охотовед изредка подносил к глазам прибор ночного видения и просматривал сверху почти всю низину практически до самого сада. Ближе к трем часам ночи в рациях раздались долгожданные щелчки без голоса — это Степанович условленным сигналом дал понять, что к ним едут «гости». Алексей напрягся, приподнявшись над травой, внимательно всматриваясь в темноту, и почти не дышал. Через полчаса он обернулся и взволнованно шепнул: «Двое идут вдоль леса вниз. Оба с оружием. У одного бинокль», — и опять надолго затих. В темноте можно было разглядеть блестящие глаза егерьей, которые ждали команды.

Вскоре Алексей опустил ПНВ, выдохнул.

— Ну что? Сели в засады метров за двести от нас. Друг от друга метрах в ста. Будем ждать, я их вижу хорошо, кто хочет — посмотрите. Один у большой толстой осины, она одна там такая, а другой вскарабкался на старый ствол упавшей с корнем елки и выглядывает из-за этого самого корня. Посмотрите, мужики, внимательно — у меня уже есть план.

Все по очереди посмотрели в ПНВ, нашли спрятавшихся браконьеров, не забыв запомнить для себя ориентиры на местности, чтобы легче было в темноте отыскать.

— Так вот, — прошептал охотовед, — они ждут оленей. Сейчас Луговинов и я пойдем низом по лугу и подойдем большим кругом с тыла к тому, который за елкой, и там затаиваемся. А вы пока остаётесь здесь. Никто не шевелиться и дышать всем через раз. Как только кто-то из них выстрелит, несколько секунд проследить в бинокль, а потом бегом и со светом фонарей выдвигаться к браконьеру, который должен будет либо добить и обескровить зверя, либо дожидаться второго напарника. В первом и во втором случаях задерживаем каждый своего. Все ясно? Тогда пошли, мужики, только берегите себя, страхуйте друг друга...

Алексей и Луговинов бесшумно ушли по зверовой тропе вниз на луг, также осторожно и бесшумно стороной метров за двести обошли стоящего за корнем елки браконьера и, прячась за заросли аира и кустов молодого ивняка, подкрались к нему метров на сто — сто пятьдесят со стороны водопоя. Притаившись, стали ждать. Сидя в засаде, Алексей внимательно разглядывал сад в прибор ночного видения. И вот, наконец, в ПНВ он увидел оленей, которые быстрым шагом, тревожно оглядываясь назад, двигались цепочкой по саду вниз, ровно на сидящего за елкой браконьера. И вскоре, как и ожидалось, из-за корня лежащей ели вспыхнул луч мощного фонаря, осветив остановившихся оленей, замер на красавце-рогаче, и через секунду прозвучал хлесткий выстрел нарезного оружия. Стадо оленей рванулось в сторону, а луч фонаря несколько сместился, и вновь прозвучал выстрел. Алексей успел заметить, что в свет луча фонаря в высокую траву упал олень, и лучик, подпрыгивая, стал быстро смещаться к упавшему оленю. Нажав тангенту рации, Фомин громко скомандовал: «Они положили оленя-

рогача! Саня, вниз на полный газ — до самой грязи. Черных, берите своего, а мы уже бежим к своему. Всем включить фонари! Пошли, мужики, с Богом!».

И тут прозвучали сразу два выстрела, а через несколько секунд — еще два там, где оставались Черных и Гриневиц. Алексей, пробираясь через высокую траву и не спуская глаз с луча фонаря у убитого оленя, услышал на краю сада тревожные крики людей и сразу же, выстрелив дважды вверх из пистолета, громко закричал: «Оружие на землю! Всем стоять. Здесь охотовед Фомин!»

Саша Луговинов осветил стоящего метрах в двадцати впереди браконьера с ножом руках. У самых его ног торчали из травы острые отростки рогов поверженного оленя. Ослепленный мощным лучом фонаря, браконьер не успел даже отреагировать, когда его настиг удар десантника прямо в грудь, и он сам оказался в траве рядом с оленем. Луговинов тут же забрал нож, нашел в траве карабин, открыл затвор и предал оружие Фомину, затем за шиворот поднял браконьера, обыскал его и предал найденные у него в кармане документы. Застегнув на запястьях стонущего браконьера наручники, а изъятые из карманов патроны аккуратно упаковав в полиэтиленовый мешок, передал все стоящему рядом охотоведу, который вызывал по радиации остальных участников рейда:

— Я первый. Одного задержали у лежащего оленя. Как у вас?

— Я второй. У нас Вовочка. Ругается, блин, пытается брыкаться, обещает всех уволить и посадить в тюрьму.

— Кто стрелял?

— Сначала он. Стадо прямо на него налетело после выстрела с вашей стороны.

— И что?

— Самку, сволочь, положил. А потом уже мы стреляли вверх — догоняли его.

— Машина! Ответь!

— На связи!

— Ты где?

— Как и положено, я уже внизу, жду команды здесь, у самой грязи...

— Саша, Пройдись пешком чуть выше и посмотри, можно ли подъехать к нам.

— Можно, Алексеевич! Я чуть выше возьму между яблонями, а вы светаните фонарем, куда мне спуститься.

В это время отозвался по радиации егерь Романенко:

— Первый! Ответь мне, если слышишь...

— На связи.

— Я слышу, жарко там у вас? Как вы?

— Ну да, есть немного, у нас все в порядке. А что у тебя?

— Тут у меня вопросик есть, Алексеевич...

— Слушаю.

— Я их машину поймал.

— Чью машину, не понял?

— А тех, кто там у вас...

— Да ты что! А где водитель?

— Пытается колеса снимать.

— Один?

— Да.

— Ты его пока не трогай, Степанович. Он где?

— Там, на перекрестке.

— А ты?

— А я к вам иду напрямую по лесной тропинке вдоль сада по кромке леса. Я понял, что у них там три колеса «лопнули почему-то», и водила не скоро справится.

— Ну и отлично. Что за машина?

— Черная, большая машина. Иномарка.

— Степаныч! Премия у тебя в кармане, Сусанин ты наш! Иди скорее сюда, где водопой, здесь нас найдешь. Остальное ты слышал. Если что, кричи. Конец связи. Второй, дождитесь машину, оставьте Сашу-шофера у добытого зверя, а сами ведите своего урода ко мне: давно с ним хочу поговорить.

— Понял. Идем.

В это время «ожил» первый из браконьеров:

— Фомин! Ты нарушаешь закон, и за это ты ответишь.

— Ага. Мы уже заговорили? Давай-ка мы посмотрим документки... Ого, какая важная птица меня пугает... Начальник ОБЭП РОВД! Ты что, майор, не наедаешься там у себя? Решил и здесь прихватить кусок? Ну-ну. А я тебя уже неделю здесь пасу. Как же ты неосторожен, совсем страх потерял, совсем обнаглевший бывший майор Ходановский Павел Анатольевич.

— Я не бывший, и не ты мне погоны вешал, чтобы...

— Я тебе их не вешал, но я тебе их сниму. Ты в большой заднице, если ты еще пока не понял. Иди сюда, будем протокол писать.

— Я не буду ничего подписывать...

— Это твое право, а мне все равно. Скоро сюда наедет столько твоих знакомых — на тебя, гада, жалобно просмотреть, я представляю, но уже будет поздно, я тебе это гарантирую. Кстати, и твоему поделнику Зубанову.

— Не знаю я никакого Зубанова. Я охотился на волков и случайно добыл оленя. А на волков мне можно охотиться по всему району — у меня путёвка общества охотников на весь район. Так что снимай наручники, Фомин, и я жду твоих извинений, пока не поздно.

— Очень хорошо. Так... Посмотрим путевку. Есть такая. Разрешение на карабин? Есть. Охотничий билет? Есть. А вот путевки в наше ведомственное охотхозяйство у тебя нет, гражданин Павел Ходановский, и это охота без надлежащего на то разрешения — раз. Как ты сюда попал ночью?

— Как попал? Просто шел со стороны соседней охотдачи, заблудился и пришел к вам. А тут волки завывали. Я подкрался — шелест. Выстрелил, а там вот этот зверь. Ну, виноват немного, ничего не скажу и не спорю. Может, и заплачу что-то за досадную ошибку. Но за это меня никто серьезно, Фомин, не накажет. Снимай наручники.

— Стрельба из нарезного оружия ближе одного километра от населенного пункта — это уже два. Стрельба по неясно видимой цели — это уже три. Соппротивление при задержании — это четыре. Оскорбление и угрозы в адрес работников охотхозяйства при исполнении ими своих должностных обязанностей — это уже пять. Незаконная добыча лимитированных видов диких животных, на добычу которых необходимо специальное разрешение — это уже шесть. Незаконная организация преступной группы лиц с целью наживы — это семь. Повторно — это восемь. Нанесение ущерба природе и охотничьему хозяйству в особо крупном размере — это девять. Хватит Ходановский, чтобы довести дела до суда и окунуть тебя в дерьмо с головой? Хватит! Кстати, с конфискацией твоего джипа, который является орудием преступления. Поэтому предлагаю чистосердечно раскаяться, признать вину в добыче трех оленей. Это, может быть, смягчит наказание, но не твои погоны.

— Каких трех оленей? Ты и вправду, как люди говорят, больной совсем на всю голову! Этот зверюга несчастный, что лежит здесь, может быть, и моя вина. И то, суд примет во внимание, что это ошибка при ночной стрельбе по волкам. А ты пытаешься меня оговорить, оклеветать, каких-то трех оленей повесить, ОПГ³¹ еще в придачу! Да, хороши у нас охотоведы, ничего не скажешь.

³¹ Организованная преступная группировка.

— Ну что ж. Отказываешься признать вину? А ведь ты юрист и не можешь не знать, что это обстоятельство отягчает твои деяния и твою вину с юридической точки зрения. Что ж. Вот ведут твоего подельника, пойду с ним поговорю-потолкую, может, он будет сговорчивей, чем ты, и я почему-то в этом уверен наверняка...

Фомин увидел, что со стороны леса по тропинке приближаются огоньки фонариков, одновременно услышав вопли Зубанова. Попросив Луговина покарать майора, пошел навстречу своим егерям, которые тащили скованного наручниками браконьера.

— Вот, Алексеевич, его оружие и его патроны с ножом. Документов нет, мы обыскали его, — Володя черных подал вертикалку «ТОЗ-34» и шесть немецких патронов с картечью «Трио».

— О, знакомые все лица, — Алексей осветил лицо Зубанова, — Вовочка, собственной персоной. И где? В лесу, ночью, с оружием, патронами, ножом и добытой самкой оленя. Володя, ты что, в тюрьму захотел?

— Ха, кого ты пугаешь, егеря? В тюрьму! Это по тебе тюрьма давно плачет. Или могила, вот только...

Договорить он не успел. Ударом под дыхало, Алексей согнул его в поясе пополам.

— В могилу, говоришь? А в этом болоте выюнов и червяков не хочешь покормить, мясоед? Встань! Сюда смотри, гад. Мамку зачем загубил? Один всего вопрос тебе: зачем самку стрелял? Тебе мало того, что неделю назад рогача загубил, так вы сегодня еще дух оленей убили. У себя под боком, сволочи. Вы рубите сук, на котором сидите, а ты еще пытаешься и зубы скалить. В тюрьме будешь скалить, на параше. Рассказывай лучше, где взял патроны «Трио»? Ходановский подгон сделал?

— Какое трио? Ничего не знаю, никто мне ничего не подгонял, никакого Ходановского не знаю. Я один здесь был. Что мое — беру на себя, а остальное мне не шей, егеря. Я и не таких, как ты, видал кое-где. А вот за то, что ударил, будет бумага прокурору, имей в виду. И псам твоим попадет. Почувствовали свободу, мать вашу.

— Ну что ж. Оскорбление при исполнении. Оказание сопротивления должностным лицам при задержании. Хорошо. Даю тебе полчаса на чистосердечное признание своей вины. Потом буду писать протокол. Решай: тюрьма или большой штраф.

В это время к ним, треща сухими сучьями и стеблями полегшей травы, подкатил их служебный УАЗ с Сулимовым за рулем. Алексей подошел к машине и тихо сказал шоферу:

— Разворачивай, Саша, надо нам проскочить в одно место.

Затем подозвал егерей и, о чем-то с ними пошептавшись, вскочил в машину и уехал вверх по саду. По пути к лесу увидели бегущего наперерез и машущего руками запыхавшегося егеря Романенко и захватили его с собой. Объехав сад, повернули в сторону деревни, доехали по грунтовой дороге до перекрестка, где, как и ожидали, стоял на спущенных колесах тот самый черный джип, о котором говорил Романенко. Водитель взмахами рук попросил остановиться

— Тормози, Саша, побеседуем, только смотрите, ничему не удивляйтесь и не вмешиваетесь, лучше помолчите — Алексей сбросил на заднее сиденье форменную шапку, расстегнул пуговицы и вышел из машины.

— Что случилось, брат? Бензин кончился? Как это ты за грибами и без бензина катаешься?

— Какие к черту грибы, мужики. Мы тут с друзьями отдыхаем, а я поехал и колеса проткнул, мать их за ногу, — пьяно залепетал мужчина. — Не можете ли найти в этом захолустье мастеров, чтобы резину завулканизировать или хотя бы заклеить.

Фомин незаметно включил диктофон:

— А-а! Наверное, начальство твое где-то водку пьет у костра, а ты просто водила? Что ж ты неукомплектованный такой? Сделать-то можно, но бабки у вас есть, кто башлять будет за наше беспокойство и помощь?

— Да я, мужики, вообще —то и не водила, да даже прав у меня нет. Просто мои друзья попросили меня подвезти их и ждать потом их здесь, в этом чертовом лесу.

— А так это, наверное, Вовку Зубанова с друзьями ждешь?

— Точно! — Заулыбался водитель, — а вы его знаете?

— Так мы и его, и его компанию милицейскую очень хорошо знаем. Раз такое дело, то и поможем тебе. Выпить хочешь, дружище? Держи фляжку — чистый спирт, только закуси нет с собой.

Водитель не отказался, глотнул несколько глотков и стал хватать ртом воздух:

— Эх, хорошо! Спасибо, добрые люди. А то я уже тут замерзать стал...

— На здоровье. Так, может, поехали сначала твоих друзей сюда и привезем? Где они сами, может, позвать?

— Ха, ха. Ехать за ними не надо, мужики. Вы хорошие люди, и я скажу по секрету: они на охоте. Там в саду. Не кричите. Лучше помогите мне в деревню попасть и мастера найти.

— А какая, брат, охота ночью? Что-то ты гонишь. Может, ты тачку эту угнал у кого?

— Да вы что. Это машина начальника ОБЭП района майора милиции Ходановского. Смотрите номера — четыре двойки. Такая одна на весь район.

— Так, секунду... Ты точно не обманываешь? Мы поедем с тобой, только я твои слова сначала на пленку запишу, если ты не против, а потом, если что, твоему менту дам послушать, что мол, это ты нас попросил тебя в деревню свозить, что он твой друг, и что ты обещал нам наливать или заплатить...

— Пиши, конечно. Я разрешаю.

— И что, хозяин этого джипа, твой друг, этот, как его, э... Ходановский, а он охотник разве?

— Еще какой? Они с местным егерем Вовочкой, то есть, с Владимиром Зубановым сто лет уже и охотятся, и рыбу ловят здесь.

— А у тебя есть документы, братишка? Покажи, пожалуйста, на всякий случай.

— Конечно. смотрите, только не пугайтесь.

Развернув показанное красное удостоверение, Алексей присвистнул:

— И ты в милиции работаешь, майор милиции Валерий Алексеевич Прокопов?

— Да-да. Майор. Ну, что, теперь веришь? Писатель. Поехали!

— Конечно, Валерий Алексеевич. Там твои друзья уже заждались. Выстрелы слышал?

— Слышал, слышал. Я так и догадался, что это они с Вовкой лупят по оленям, как и договаривались. Наверное, убили кого-нибудь?

— А могли?

— Могли, конечно. На той неделе Вовка, правда, поранил оленя, упустили они его. Ох и получил же он от Паши. А теперь в два ствола не могли промазать — столько пальбы было! Ну, что, мужики, поехали?

— Садись. Поехали. Только потом ты нам приплатишь, как договаривались, если что, или поможешь когда-нибудь с твоим друганом-обэповцем!

— Вы не знаете, какие у него связи. И лучше вам не знать. Хотя... Что-то вы, мужики, много вопросов задаете? Что-то, мне кажется, не то городите, а? Кто вы такие? Так... Давайте-ка разбежаться, мужики. Едьте, куда ехали, а то, не ровен час, Паша сам или Вован подскочат, так пойдете пешком домой, если еще вас пожалеют и отпустят за лишние ваши вопросы...

— Так бы сразу и сказал, герой. Поехали в деревню, ты же просил.

— Никуда я не поеду, — он попытался открыть дверцу, но Василий Степанович, поймав взгляд охотоведа, прижал его к сиденью:

— Не рыпайся, а то наручники наденем...

— Вы... кто, мужики? Вы что, страх потеряли?

— Я директор охотничьего хозяйства, куда вы приехали браконьерничать, и я уверен, что ты слышал про такого: моя фамилия Фомин, — усмехнулся Алексей, — а ты сейчас задержан мною за соучастие в незаконной добыче оленей до прибытия милиции. Так что сиди тихо.

Потом Алексей достал рацию и вызвал егерей:

— Я первый. Ответьте...

— Я второй, — тут же отозвался Луговин, — на связи.

— Как обстановка?

— Нормально все, Алексеевич. Я вот могу на пять тысяч баксов разбогатеть. Как ты к этому относишься?

— Поделишься? Хотя, что-то маловато будет на двоих!

— Подумаю...

— Тогда отрицательно, так и передай своему спонсору.

— Так он рядом, слышит.

— Ну и хорошо. Мы нашли водителя по дороге, так он на пленку с его же ведома и согласия уже столько наговорил, например, что твои спонсоры, оказывается, богатые и влиятельные в городе люди и не первый раз тут мясо и рыбу промышляют в Владимиром Зубановым... Так что поднимай ставку, второй, пока я не приехал с прокуратурой!

— Ха-ха. Похоже, тут истерика случилась с одними из моих спонсоров, зубами дерева стал грызть.

— Побереги его для дела, а то скажет потом, что это мы ему зубы испортили. Да и второго заодно хорошо караульте. Скоро сюда за ними столько народа в форме налетит! Я еду их вызвать, а вы ждите меня на месте. Как понял?

— Понял.

— Конец связи.

Заехав на ферму, Алексей позвонил в РОВД и попросил выслать оперативную группу на место задержания с поличным браконьеров и обязательно привезти с собой представителя прокуратуры, дежурного прокурора, поскольку налицо нанесение ущерба природе в особо крупном размере и вооружённое сопротивление при задержании. Потом позвонил своему хорошему знакомому, начальнику уголовного розыска УВД, и, извинившись за столь поздний, или уже ранний, звонок, коротко сообщил ему о задержании двух сотрудников РОВД. На вопрос о том, нужна ли помощь, ответил, что только потенциально, если уж сильно будут сопротивляться. А вот потом, конечно, без ССБ³² не разобраться. Оставив шофера Сашу встречать милицию, он на машине вернулся на место задержания браконьеров.

Браконьеры, скованные одной парой наручников, понуро сидели у лежащего в траве оленя. Рядом, разведя костер, сидели и курили егеря.

— Ну что, мужики, как дела? — весело спросил Алексей, выйдя из машины — Там, в салоне, еще один любитель свежего мяса, пристегните его рядом с ними, чтобы не убежал.

Егеря открыли машину и засмеялись:

— Алексеевич. Так он спит.

— Ну и пусть тогда поспит. Им теперь долго будет не до сна. А я, пока суд да дело, напишу свои положенные бумаги. И так, гражданин Ходановский Павел Анатольевич. Вы задержаны за незаконную охоту и незаконную добычу оленя благородного в составе организованной группы лиц. Вы пойманы с поличным в присутствии должностных лиц — работников охотхозяйства во время проведения официального рейда по борьбе с браконьерством. Место составления протокола: юго-западная окраина старого сада, примерно, в одном километре на юг от деревни Бовшево. Рядом, в ста шагах на юг, находится выдел 3 квартала 102 Чемерянского лесничества. Вы, Ходановский, грубо нарушили ряд статей Кодекса об административных правонару-

³² Служба собственной безопасности.

шениях, и далее вам будет предъявлено обвинение по статье Уголовного кодекса за незаконную охоту, добычу оленя и нанесение особо крупного ущерба дикой природе и охотхозяйству. При задержании обнаружено на месте: туша оленя — самец с рогами в возрасте приблизительно семь лет. Сквозное раневое отверстие в шею и след ранения без выхода снаряда — в лопатку. Изъят охотничий карабин «Сайга» калибра 7,62 миллиметра, три боевых патрона находятся в магазине к нему. Пять аналогичных патронов изъято в кармане коричневой куртки-ветровки, в которую был одет задержанный во время его задержания и обыска. Изъят самодельный охотничий нож в чехле из кожи с выгравированным номером УМ 323087. При задержании оказал сопротивление в виде физического воздействия на задерживающих его должностных лиц при исполнении ими своих должностных обязанностей, угрожал, цинично оскорблял и предлагал должностному лицу, участвовавшему в задержании, при свидетелях, открыто, взятку в размере пяти тысяч долларов США за его незаконное освобождение от ответственности. Правонарушение подтверждается свидетелями, в том числе, и аудиозаписью доверительного разговора с участником преступного деяния майором милиции гражданином Прокоповым Валерием Алексеевичем, в которой он добровольно и без принуждения дал согласие на производство этой аудиозаписи и предоставил информацию о незаконной охоте группы лиц, его друзей — что подтверждается материалами этой записи. Так. Признаете ли вы, гражданин Ходановский, свою вину?

— Нет. Не признаю.

— Объяснение давать будете?

— Нет.

— Записываем: «От дачи объяснений отказался, вину официально не признал». Зря. Вы же юрист. Хотя... Протокол подписывать будете?

— Нет.

— Так и запишем: «От подписи отказался». Теперь, свидетели. Подпишите, пожалуйста, в трех экземплярах. Отлично.

Теперь вы, гражданин Зубанов. Вам слово.

— Я ничего подписывать и говорить не буду.

— Ну и что? Я вам давал время, много времени дал подумать. А думать вы, кажется, уже разучились, но это ваши проблемы...

Алексей составил под копирку второй протокол, на Зубанова, а потом предложил и ему написать объяснение и подписать.

Тот, злобно выругавшись, отказался, о чем и была сделана соответствующая запись в протоколе.

Составив протоколы, Алексей, спохватившись, стал вызывать по рации шофера:

— Саша Сулимов, ответь первому.

— На связи.

— Как дела?

— Ничего, жду.

— Найди телефон, если что, позвони начальнику почты домой в Дашковку, узнай номер и вызови в Бовшево ветеринара на своей машине от моего имени. Как понял?

— Понял. А что ему сказать?

— Скажи, что я жду его здесь. И с меня магарыч и печенка свежая.

— Больше ничего?

— Пусть ждет меня на ферме, пока я за ним не приеду, как понял?

— Понял все.

— Как только приедет милиция, езжайте все сюда.

— А ветеринар?

— Если приедет раньше милиции — вези его сюда вместе с чемоданчиком для вскрытия и с милицией, а если не приедет до этого, то пусть ждет на ферме. Смотри ничего местным пока не говори, а то все разбегутся от милиции. Как понял?

— Понял, Алексеевич. Начинаю искать доктора.

— Конец связи...

Уже стало светать, когда в саду показались огни приближающихся машин. Сразу два милицеевских УАЗа с включёнными фарами подъехали к костру. Из служебных милицеевских машин выскочили несколько вооружённых автоматами сотрудников, один человек в гражданском и трое оперативников.

— Здравствуйте. Я директор охотничьего хозяйства Фомин Алексей Алексеевич, — первым к ним подошел и протянул свое удостоверение Алексей.

— Здравствуйте. Я помощник прокурора района Лайков Алексей Григорьевич. Здесь же опергруппа из РОВД. Ну что тут у вас случилось?

— Браконьеры незаконно добыли двух оленей. Пойманы с поличным. Двое из них — сотрудники милиции.

— Да вы что? Кто такие?

— Да вот, смотрите.

Лайков отошел от костра и, подойдя вместе с сотрудниками милиции и вооружённой охраной к сидящим на земле браконьерам, удивленно воскликнул:

— Паша? Да ты что? Это тебя здесь повязали? Как ты здесь оказался?

— Это все потом, Леша. Прикажи наручники снять, а то до грехов тут недалеко. Еле стерпел. Гады, вы теперь за все ответите. Леша, арестуй их.

— Товарищ директор. На каком основании вы применили спецсредства и ограничили людям свободу, пристегнув их наружниками? Откройте замки немедленно.

— Как скажете, товарищ прокурор. Я передаю их вам в ваше полное распоряжение живыми и здоровыми. Замечу: без следов побоев. Но они оказывали активное сопротивление при задержании, о чем составлен соответствующий протокол и подписан свидетелями — должностными лицами. Поэтому, и с целью недопущения их побега с места правонарушения до приезда оперативной группы, мы применили спецсредства и законно держали их в наружниках.

— Хм. Это уж хуже, Паша. Что ж ты так неосторожно?

— Что значит, гражданин прокурор, «неосторожно»? Это вы о злостном браконьерстве говорите «неосторожно»? — Возмутился Фомин

— Да нет, э-э, Алексей...

— Алексеевич.

— Нет, Алексей Алексеевич. Вы меня неправильно поняли. Вы поступили правильно, законно, если докажете позже, что они оказали сопротивление.

— А это мне придется еще и доказывать?

— Судя по тому, что вы задержали двух майоров милиции, одному из них надели наружники, лишив их свободы — да! Это непростое дело, ох, непростое.

— Мы задержали трех браконьеров с поличным, а это уже преступная группа, а не просто майор милиции. Давайте перейдем к делу. Вот туши убитых диких животных. Олень-самец добыт из карабина, принадлежащего гражданину Ходановскому — это покажет экспертиза. Вот протокол. Вот акт. Вот оружие, боеприпасы. А там дальше, в траве, лежит самочка, добытая соучастником преступления и подельником Ходановского гражданином Зубановым Владимиром. Там налицо смертельное ранение дикого зверя картечью «Трио». Олени были незаконно добыты у нас на глазах. А мы официально находились здесь с целью задержания браконьеров, которые неделю назад ранили и не добрали по независящим от них самим обстоятельствам еще одного оленя, о чем были оставлены акт и протокол, и эти документы были преданы мною

лично в РОВД и в прокуратуру района для возбуждения уголовного дела по факту незаконной охоты и ранения оленя и для его расследования.

— Эхе-хе. Точно. Это дело лежит у меня на столе. Вы полагаете, что это все одни и те же лица?

— Не просто полагаю, но и уверен. И у меня есть доказательства. Вот, послушайте, для начала, — Алексей достал и включил диктофон с записью разговора с подельником браконьеров, — запись произведена с согласия говорившего. Но это только начало. Вам надо сделать обыск в доме Зубанова и найти там картечь «Трио». Первый олень был ранен именно этими патронами. В общем, это ваша работа, я в нее не полезу. Пока не полезу.

— Что значит, пока? — Помощник прокурора нахмурился.

— Это значит, до тех пор, пока дело не станет стопориться. Я имею на это полное право. А пока давайте, товарищи, принимайте браконьеров, оружие, туши животных, нам надо ехать.

— Куда ехать? Погодите, вы же на службе. Сейчас я буду писать акты, протоколы, и мне нужны ваши показания на месте. А вы не могли бы ветеринара найти здесь?

— Так вот же он, позади вас стоит.

Оглянувшись, прокурор увидел бледного, белого и испуганного ветеринара с чемоданчиком, который никак не ожидал увидеть здесь ни Вовочку, ни его друзей.

— Товарищ ветеринар. Производите вскрытие на предмет определения причин смерти этих двух оленей.

— Так, это... товарищ прокурор, я... это... как бы и не готов, здесь же не домашние животные, а дикие.

— Вы хотите, чтобы я поставил ворс о вашем несоответствии занимаемой вами должности, товарищ ветврач? Что здесь за комедия разыгрывается?

— А, нет-нет, товарищ прокурор, я сейчас, один момент, подождите немного, тут все просто...

В джипе, как и предположил Алексей, при обыске нашли полиэтиленовые мешки, топорик, веревки. Оленей вскрыли и обнаружили при разделке картечь «Трио» и пулю калибра 7.62 мм. Все происходящее фиксировалось в протоколах и актах. А браконьеры все это время стояли поодаль, лишь одну за другой курили сигареты и молча исподлобья наблюдали за происходящим.

Оформив все документы, прокурор попросил егерей загрузить туши оленей в багажники служебных машин. С кислым лицом попрощавшись с Алексеем, он уехал производить обыск в доме Зубанова. От предложения поучаствовать в качестве понятого, Алексей категорически отказался:

— Я свою работу сделал. Теперь очередь за вами. До свидания.

Развезя егерей по домам, Алексей поехал в прокуратуру, где зарегистрировал протоколы в приемной, а потом с приемной же позвонил в службу собственной безопасности УВД, куда его сразу же пригласили на беседу. Скривившись и выругавшись про себя, все же поехал в Управление, где дежурный предложил ему пройти сначала в кабинет заместителя начальника УВД: «Там вас уже ждут». Подполковник Петровский вальяжно поднялся с кресла, что-то невразумительное прогнусавил в ответ на приветствие и сразу же перешел к упрекам:

— Ты что, Фомин, не мог сразу предупредить, что пошел воевать с сотрудником милиции?

— Не понял, товарищ подполковник?

— Все ты понял, охотовед. Дурака здесь не включай — не в лесу. Втихаря пас целого майора милиции, начальника отдела РОВД? Ты это как себе представляешь? А?

— Что значит «пас»? Я не пастух для него, товарища подполковник.

— А то и значит, Фомин. Ты именно его караулил ночью, не поставив нас в известность, о том, что наш сотрудник может быть причастен к охоте не в том месте и не в то время. Это что, по-твоему?

— Это злостное браконьерство. Это огромный ущерб. И я думаю, и я добьюсь, чтобы этот ваш сотрудник больше не был ни сотрудником, ни охотником.

— Фомин. Не скрою, разгорается огромный скандал. Мне поручено его потушить, и я это сделаю любыми силами и средствами. Ты понимаешь это?

— Тушите. А я причем?

— Где документы о нарушении?

— Все документы должным образом оформлены, запротоколированы, сактированы. Есть копии, если надо, могу ознакомить.

— Меня интересуют оригиналы. Где они?

— Оригиналы в прокуратуре. Можете — заберите.

— Ты что, издеваешься? Едь сейчас же в прокуратуру и привези к нам эти оригиналы. Понял?

— Та-а-к. Я все понял, и я иду к начальнику УВД.

— Генерал и без тебя обо всем уже знает.

— А то, что вы, подполковник милиции, толкаете меня на должностное преступление, генерал, я уверен, пока не знает, но сейчас узнает, и я вам и это обещаю. До встречи, господин подполковник.

Пробыв у генерала больше часа и рассказав ему подробно о проведенной ночи, о задержании браконьеров и о разговоре с заместителем, Алексей выслушал от начальника УВД слова благодарности за проделанную работу и только к обеду вышел из Управления. Приехав домой, отсутствуя почти пять дней, вяло выслушал упрёки жены, не прикоснулся к выставленному из холодильника обеду, ополоснулся в ванной и завалился спать, проспав беспробудно весь вечер и всю ночь.

Почти месяц приводилась проверка по нашумевшему делу о браконьерстве. Доказать в суде ранение третьего оленя задержанными лицами, к сожалению, так и не удалось, но возбужденное уголовное дело было доведено до суда, несмотря на колоссальное давление на директора охотхозяйства со стороны разных людей. Суд приговорил обоих браконьеров к двум годам лишения свободы — условно, с конфискацией оружия и автомобиля, а также к возмещению ущерба на сумму более двадцати пяти миллионов неденоминированные еще рублей и штрафа в размере пятисот базовых величин. Прямо в зале суда уволенный «по собственному желанию» Ходановский злобно, не стесняясь никого, хрипло выдавил, глядя на охотоведа:

— Ничего! Ты, гад, мне новую купишь.

Алексей усмехнулся и громко сказал: «Хорошо, договорились! „Запорожец“ с ручным управлением для инвалидов с больными ногами. И с такой же больной головой. Обращайся, помогу...».

Сразу же после суда он заехал в самый престижный ресторан, где заказал столик на двоих на сегодняшний вечер. Приехав домой и сообщив об этом жене, попал в ее радостные объятия и в суматоху приготовлений, просмотров нарядов, устройства ребенка на вечер к теще. В ресторане насилу отогнал мысли о работе, и вечер был посвящен только жене. Хотя не обошлось и без инцидентов: подвыпившие соседи по столикам непрерывно пилились на молодую красивую женщину, пытались приглашать ее на танец, уделяя откровенные знаки внимания. Таня улыбалась, глядя на хмурившегося Алексея, но все медленные танцы танцевала только с ним. Ей, конечно же, было интересно наблюдать за мужем, который, наконец-то, должен понять, какая у него прекрасная и красивая жена, а его откровенная ревность только подтверждала ей, что она любима и она единственная у него. Бутылка «Токайского» закончилась только к полуночи, но домой они сразу не пошли — гуляли по освещенному ночному городу, вспоминали какие-то веселые или значимые эпизоды из своей жизни, а Таня, пользуясь случаем, строила планы на будущее, в котором хитро отметала напрочь повседневную рутинную и опасную работу мужа в охотничьем хозяйстве. Приехав домой на такси, они не стали заезжать к теще, а оставшуюся

часть ночи посвятил только себе. Проснувшись утром, Алексей обнаружил, что все телефоны отключены, но лишь улыбнулся и махнул рукой — выходной...

Изумительно красиво выглядит заснеженный лес ранним декабрьским утром сразу после восхода солнца. Продолговатые тени от засыпанных снегом деревьев ложатся широкими и неровными полосами на блестящий снег, скрывая под собой мириады блёсток морозных снежинок и расчерчивая снег на открытых местах синеватыми полосами. Шустрые синички, юрко обследуя в поисках корма каждый сантиметр промерзшей коры деревьев, изредка переговариваясь между собой нежным и кажущимся таким мелодичным в этом замерзшем царстве писком, а еще и упавшая где-то с веток тяжелая шапка снега прерывают эту ватную, даже какую-то, кажется, вязкую тишину. А вот снег с веток, оказывается, падал непросто так. Это серо-рыжие белки, у которых зимний мех значительно отличается от летнего: сероватая, с сединой спинка, рыжие бока, ушки и хвостик, черные реснички и кисточки на ушах и белоснежный животик, гоняясь друг за дружкой по заснеженным ветвям, сбрасывают вниз взрывающиеся разноцветными искрами целые водопады сухого и искрящегося на солнце снега. Срывая с елок созревшие тяжелые шишки, белки ловко разгрызают смолистые чешуйки, доставая из-под них лакомство и пропитание — малюсенькие, но вкуснейшие для них питательные семечки елок. Рыже-коричневые лепестки-шелуха разгрызенных ими шишек густо усыпают снег под деревом. Эти белки уже и забыли на время о том, что их из уютного домика, изготовленного ими из веток сосны и елок на вершине сосны, совсем недавно выгнала хитрая и опасная куница, которая подкралась к гнезду, в котором белки ночевали, рано утром, еще в темноте. Чуткие, они не прозевали подбиравшуюся куницу, заслышав её по падающему с веток и шуршащему снегу и вовремя выскочили из гнезда, помчавшись по заснеженным веткам прочь от опасного хищника — извечного врага белок. А куница и не собиралась за ними гнаться. Поймав ночью прозевавшего опасность дремавшего на ветке рябчика, подслеповатого в темноте, и вдоль насытившись свежим и теплым мясом, куница еще немного побродила по глубокому снегу в поисках уже и ненужных ей мышей и, решив, что пришла пора искать место для дневки, ловко забралась на молодую сосенку, по ней — на большую разлапистую елку, пересекла по ветвям квартальную линию, зная, что впереди на большой сосне есть жилое гнездо белок, где ей можно спокойно провести весь день до сумерек. Из гнезда, услышав шум падающего с веток снега, выскочили напуганные белки и, несмотря на то, что куница могла попробовать поймать и съесть хотя бы одну из них, она не стала гоняться за белками, забралась в еще теплое их гнездо и, уютно свернувшись клубочком и уткнувшись носом в теплый и густой мех своей коричнево-шоколадного цвета шубки, улеглась спать на весь день, все же сквозь сон настороженно прислушиваясь к тишине утреннего леса. Вернувшиеся белки, обнаружив, что их гнездо заняла опасная соседка, возмущенно зацокали, прыгая с ветки на ветку вокруг занятого гнезда. Вскоре к ним присоединилась вездесущая сорока. Зоркие, они быстро обнаружили спящую в беличьем гнезде хищницу и подняли нешуточный переполох, прыгая с ветки на ветку на безопасном расстоянии от гнезда. Куница открыла глаза, прислушалась и, посчитав, что пока ей никто не угрожает, вновь задремала. Вдруг сороки затрещали еще громче и азартней. Куница насторожилась и сквозь треск сорок услышала шелест снега и поскуливание прямо под сосной. Выглянув из гнезда, она увидела суесящуюся у дерева черную с белым собаку с азартно закрученным в колечко хвостом. Собака тут же заметила куницу и зашлась громким и злобным лаем. Куница понимала, что собака не умеет лазать по деревьям, поэтому она ей сейчас не страшна и не опасна. Равнодушно посмотрев сверху на собаку, она вновь свернувшись клубком гнезде и приготовилась спать.

Но видимо спать ей сегодня здесь не придется: внизу послышался скрип снега, тяжелые шаги. Куница вновь выглянула сквозь ветки гнезда вниз и замерла: к дереву осторожно подошел человек. А человек, понимала куница, для нее всегда опасен. Она затаилась в гнезде, внимательно глядя на человека и собаку, готовая в любую секунду выскочить из гнезда и скрыться в густой кроне соседней елки. Человек внимательно разглядывал гнездо, потом поднял из-под снега палку и громко ударил по стволу сосны. Кунице показалось, что дерево загудело, зашаталось и вот-вот упадет. От страха она рывком выпрыгнула из беличьего гнезда и помчалась по стволу вверх, на самую макушку высокой сосны, подальше от опасности. Русско-европейская лайка внизу азартно запищала, заскулила, и сразу же раздался громкий звук выстрела... Цепляясь острыми когтями за сучья, куница медленно падала с дерева и наконец, не долетев до мягкого глубокого снега, попала в пасть подпрыгнувшей собаке. Но этого она уже не почувствовала — она была мертва. А Саян выстрела, кажется, и не слышал — он не сводил глаз с падающей куницы — своего извечного врага. Так случилось однажды, что еще семимесячным щенком Алексей взял его на охоту в лес. И как раз нашелся свежий след куницы, которая, пропетляв по лесу, залегла под кучей хвороста, сложенного поверх оставшейся макушки спиленного дерева. Саян почуял спрятавшуюся под наваленными в кучу хворостом и сучьями куницу, и природный инстинкт заставил его громко и азартно облаять метнувшуюся под сучьями тень зверька. Алексей и прыгал на куче хвороста, и просовывал под ветви палку, но куница выходить отказывалась — боялась собаки. Тогда пришлось разбирать хворост сверху почти до самого лежащего в снегу острроверхого куска дерева. И куница не выдержала, обманув собаку, она выскочила с противоположной стороны и, пробежав по глубокому снегу несколько метров, уже пыталась забраться на первое попавшееся по пути дерево, когда ее поймал за туловище Саян. Закувыркавшись в снегу, собака и зверек сцепились в смертельной схватке. Когда подбежал Алексей, они оба замерли, вцепившись зубами друг в друга. Причем Саян смотрел такими жалобными глазами на своего друга и хозяина Алексея, но он не стал помогать собаке, смотрел и ждал, когда тот сам решит свои же проблемы. И дождался: Саян резким рывком сбросил куницу, которая до этого висела, вцепившись ему в щеку, и перехватив за туловище, несколько раз жёстко встряхнул, поставив точку в этой смертельной схватке. С тех пор одним из самых желанных трофеев для Саяна стала именно куница.

— Ай, молодец, Саян! Ай, красавец! — Алексей забрал у лайки пушистого зверька и, завернув в чистую тряпицу, спрятал в рюкзаке. — Держи печенюшку, дружище, заслужил.

Он подал на ладошке собаке плитку сухого печенья, потрепал лайку по холке. А Саян аккуратно и не спеша прожевал печенье, схватил разгоряченной пастью сыпучего снега, несколько раз посмотрел вверх и побежал обследовать окружающий лес: охота есть охота. Вскоре учуял спрятавшихся за толстым суком белок и принялся обливать и их, но не так куницу, а весело, незлобно, хотя и азартно. Алексей, шедший следом, тоже заметил белок, улыбнулся, потрепал уворачивающегося от рук Саяна по шерсти: «Фу, Саян. Нельзя. Пошли дальше. Ищи след, ищи...», — и он ткнул пальцами в снег, в несуществующий след куницы или кого-то более значительного, чем белка.

Сегодня с утра они прошли уже с десятков километров, и Алексей уже заворачивал лыжи в сторону стоящей на дороге где-то в лесу машины, когда они наткнулись на свежие следы куницы. Саян тут же засуетился и бросился по следам зверька, а Алексей на лыжах поспешил за ним. Вскоре оказалось, что куница залезла на дерево и двинулась дальше по ветвям, оставляя на снегу небольшие лунки следов от падающего с веток снега. Алексей догадался, что где-то рядом есть гнездо или дупло, в котором куница должна залечь на день, специально спрятав свои следы, вскарабкавшись на деревья. Так оно и вышло: Саян залился лаем, который Алексей ни с чем не мог спутать — так он лаял только на куниц еще со времен своего собачьего детства. Так куничка-желтодужка оказалась в рюкзаке охотника. Желтодужка — это лесная куница, и она отличается от своей «двоюродной сестры», куницы каменной, тем, что у неё на

горлышке и части груди не белое пятно, как у «каменки», а желтое, а мех более густой, более шелковистый и окрашен в буровато-коричневый цвет, как молочный шоколад, в отличие от темно-шоколадного цвета меха куницы каменной. Открыв стволы и заменив стреляную гильзу на новый патрон с дробью, поставил ружье на предохранитель, нацепил лыжи, рюкзак трофеем и термосом забросил за спину и двинулся дальше по заранее спланированному маршруту. Редко в последнее время удавалось охотоведу вот так вот просто, одному и с собакой, вырваться в лес на охоту, посмотреть на природу глазами простого охотника, полюбоваться ее красотой, насладиться работой уже застоявшейся в вольере любимой собачки. Так вот сегодня и был обычный выходной, и он решил просто сходить в лес. Спозаранку съездил к тестю домой за Саяном и уехал в уголья, куда глаза глядят и куда душа зовет. Оставив машину на обочине лесной дороги, двинулся на лыжах в путь по большому кругу, надеясь после обеда вернуться обратно к машине. Сразу же в лесу Саян выгнал белячка прямо из-под елки, и, хотя в одном стволе ружья была двойка в контейнере — на лису, и можно было смело стрелять, Алексей только заулыбался. Не нужен ему белячок — их и так в последнее время, с появлением рыси и с масштабными вырубками усыхающих ельников, малоснежными, теплыми зимами становится все меньше и меньше в наших лесах. А Саян долго за зайцем гоняться не будет, не для лайки работа — заяц. Так и прошел Алексей по лесу до обеда, несколько раз дожидаясь ушедшего за дикими кабаном Саяна и, уже повернув к машине, случайно нашел следы куницы, которая сейчас приятно отягощала пустой, не считая полтермоса чая, рюкзак. Спустившись на лыжах в последний перед шоссе лог, Алексей обратил внимание на человеческие следы по снегу. Следы были вчерашними, и рядом со следами трех человек в резиновых сапогах большого размера путались следы двух крупных собак. Саян встревоженно закрутился и сразу же исчез в густом ельнике. Фомин понял, что люди неслучайно здесь бродили с собаками, а тем более, что вчера, в пятницу, охота в лесу была запрещена, и двинулся по следам людей, несмотря на то, что до машины оставалось чуть более двух километров. Вскоре следы разделились: один из них потянулся вправо, вдоль лога, а двое других пошли влево, углубляясь в старый еловый лес с густым подростом. С ними двигались и следы собак, как понял Алексей, находящимися на поводках. Охотовед насторожился: он знал, что в этом густом ельнике живет большое стадо диких кабанов, а за ельником находилось большое поле, на котором под снегом дикие кабаны находили незапаханные початки кукурузы, а каждое утро после жировки на поле возвращались в этот самый ельник на дневку. Вспомнилось, что сегодня утром он проезжал вдоль этого самого поля и почему-то не увидел свежих следов диких кабанов. А сейчас Алексея обдало жаром — это, наверное, вот эти самые браконьеры с собаками вчера кабанов и разогнали! Он быстрее двинулся по следам и вскоре убедился, что опытные браконьеры все делали четко, продуманно и организовано. Пройдя метров триста, он обнаружил кабанью тропу. Разглядывая следы, понял, что кабаны уходили с лежки, убегали галопом, разбрасывая по снегу частички и кусочки прилипшей на лежке к шерсти грязи, а за ними гнались браконьерские собаки. Саян вообще где-то исчез. Пройдя по следам диких кабанов, Алексей нашел отельный, уходящий в сторону след с капельками крови. Пройдя в обратную сторону по следам раненого кабана, Фомин нашел место, где по нему стреляли, собрал в пакетик пыжи, шерсть с кровью. Примерившись, вернулся на след человека, нашел место, откуда предположительно стреляли и, разбросав снег ногами, нашел и две стреляных гильзы. После этого замерил четко отпечатанный на снегу след стрелявшего человека и вернулся дальше к своим следам. И тут появился Саян. Он подбежал к хозяину, виновато заглянул в глаза — морда выпачкана кровью.

— Ну что, нашел? Я так и думал. Ищи, Саян, пошли, пошли! Показывай...

Саян все понял, нырнул в лес по своим следам в обратном направлении, а охотовед пошел быстрым шагом прямо за ним и вскоре увидел место разделки туши добытого взрослого дикого кабана. В снегу лежали внутренности, прикрытые его шкурой. Вокруг останков по окровавленному снегу натоптаны следы людей и собак. Закурив, Алексей внимательно осмотрел все следы,

обходя место разделки по кругу, подобрал несколько окурков сигарет «Космос» и «Прима», бросив их в новый пакетик. Замерил следы собак, записал данные в тетрадь и тут обнаружил торчащее из снега донышко зеленой стеклянной бутылки. Вот это удача! На ней сто процентов будут отпечатки пальцев. Бутылку бережно уложил в отельный пакет. После этого зарисовал место браконьерства, составил протокол о незаконной охоте и незаконной добыче дикого кабана неизвестными лицами в количестве трех человек, которые охотились с двумя собаками неизвестной породы. Здесь больше делать было нечего, и Алексей пошел по следам браконьеров, которые привели его к расчищенной трактором грунтовой дороге, ведущей в деревню Стайки. Здесь следы на расчищенной дороге терялись. Захватив на поводок Саяна, Алексей вернулся к машине и уже ближе к вечеру в глубоких сумерках приехал на УАЗе в деревню Стайки и наудачу постучался в калитку первой от леса хаты. Вскоре калитку открыл немолодой небритый мужчина, внимательно вглядываясь в одетого в белый маскхалат охотоведа.

— Здравствуйте, хозяин, — первым обратился к нему Алексей, протягивая свое удостоверение. — Я директор охотничьего хозяйства Фомин Алексей Алексеевич. Вот мое удостоверение.

— А какой там день? Уже вечер на дворе. А я вас знаю, Алексей Алексеевич, не надо книжечки красной. Что привело вас? Может, в хату зайдете?

— А как вас зовут?

— Зовут Василием.

— А по отчеству?

— А зачем вам оно, мое отчество? Все зовут Василием, и вы так и зовите.

— Можно, Василий, с вами поговорить откровенно?

— Ну так чего, нет. Говорите, раз приехали. Опять лес воруют или лосей стреляют?

— Вы почти угадали... Кто-то вчера убил кабана дикого и дотащили его до этой дороги, а на ней я следы и потерял. Но я хочу найти браконьеров и наказать их. А они на легковой машине, скорее всего иномарке, уехали прямо в Стайки. А ваша хата первая от леса. Может, видели что-то такое, что вас насторожило?

— Хм. Насторожило? Да-а-а, Алексей Алексеевич... Я про вас много слышал, товарищ директор, много знаю хорошего, а вот увидеть так близко и повторить доводится в первый раз. Отчаянный вы человек, Алексеевич, но все правильно делаете! Если их не ловить и не наказывать — всё перебьют, всё перепилят, ненасытные. А вы вот сейчас вчерашний день ищите.

— Думаете, поздно? Может, поможете чем-то?

— Как сказать... Кто ищет, тот всегда найдет, Алексеевич

— Можете звать меня просто Алексей.

— Алексей Алексеевич. Вы большой и важный человек. Директор. Я буду вас по отчеству звать, как положено. А заехали ко мне вы правильно. Конечно, я видел кое-что, и, наверное, вам расскажу, раз вы мне доверяете и к первому заехали. Но надо только зайти в хату, чтоб соседи меньше видели. Пойдемте...

Дома он рассказал, что видел браконьеров. Более того, они к нему пытались зайти, спрашивали, где можно купить самогона, а от самих разило сивухой. В машине скулили две собаки — рыжие с черным...

— Я им говорю, что нет у меня самогонки. А они спрашивают, можно ли в нашем магазине купить водки в это время.

— И что?

— А не торопись ты, добрый человек. Быстро только кролики плодятся. Ведь в это время магазин закрыт на обед! Значит, это было во сколько? А, понимаешь теперь? В обед! Понял?

— А! Понял, теперь, понял. Спасибо, Василий. Тебе бы в милицию следователем идти работать.

— Тьфу, тьфу, что ты! Я милицию на шаг не переносу. Но тебе взялся помочь — помогу. Наш ты человек. Так вот я рассказал им, как найти нашу продавщицу, и они поехали к ней домой.

— Ай да молодец, Василий. Вот это я понимаю — глаз наметан. А как они выглядели? А машина какая?

— Ну, люди как люди.

— Деревенские, городские?

— Двое, точно городские. Важные, хорошо одетые. А третий — так себе. Ага! Вспомнил. Третий шепелявил, как будто зубы выпали, и называли его как в анекдоте — «Вовочка».

— Вовочка? Шепелявый? Среднего роста, около сорока лет, смуглый, брови над переносицей срослись? Глаза черные, хитрые? Челюсть нижняя вперед выдаётся?

— Точно, глаза хитрые! И челюсть, и шепелявит. Это ты точно того подметил. Знаешь его, что ли?

— Знаю, Василий. Это злостный браконьер. Что было дальше?

— А дальше они поехали к магазиннице, наверное.

— Ну что ж, Василий, ты мне очень помог, и я твой должник. Даже не знаю, как тебя отблагодарить.

— Самая лучшая благодарность, товарищ директор, это чтобы вы дальше находили и ловили браконьеров. А мне ничего не надо. Только вот знаю, кони у вас есть в охотхозяйстве. Как бы мне весной огородик запахать?

— Да не вопрос. В любое время позвони мне или сам зайдёшь — будет тебе конь на столько, на сколько надо по времени, договорились?

— Конечно, спасибо вам. Куда вы теперь?

— Работать, Василий, работать. До свидания, ещё раз спасибо.

Алексей запрыгнул в кабину и поехал к магазину, который вот-вот мог закрыться, и успел вовремя. Продавец, сама местная и долго проработавшая в этом магазине, хорошо знала всех своих покупателей и даже тех, кто заезжал к ней за покупками из соседних деревень, сообщила, что Вова Зубанов вчера покупал четыре бутылки водки, и что он приезжал к ней прямо домой, поскольку было время обеда.

— А сколько их было человек?

— В машине — не знаю, а заходили двое с Вовой.

— А в чем одеты?

— Да по-военному, как с охоты или с рыбалки.

— А вы никого из них, кроме Вовы, не узнали?

— Да нет, я особо не приглядывалась. Хотя... Пойдите. Один из них, вроде, как дачник. Я его, кажется, летом видела у нас. Да, да, и весной! Он весной приезжал в магазин, коня искал, говорил, участок на даче надо запахать. Точно, он!

— И что, нашел он коня?

— Так я его к Яшке нашему отравила. У нас в деревне два коня, один — у Яшки.

— И что?

— Ну и не знаю дальше, как и что. А что случилось, Алексеевич? Может, я зря вам все рассказала, а то все ловите-воюете, может, опять своих браконьеров ищите, а они потом меня зарежут вот тут на отшибе.

— Ну что вы. Разве я вас подводил когда-нибудь? И было, спасал даже.

— Было, было, Алексеевич, помню, как вы пьяниц с ножом побили. До сих пор мурашки по коже. Спасибо, вовремя вы тогда подъехали, вовремя. Напугали они меня тогда, да чуть не порезали друг друга насмерть...

— Ладно, поеду к Якову съезжу. Только вы никому не говорите, о чем мы свами тут беседовали, хорошо?

— Боже, упаси, Алексеевич. Молчу, как мышь под веником.

Охотовед улыбнулся, попрощался и вышел из магазина. На улице стало уже совсем темно. Саян, казалось, мирно спит в машине, но при приближении шагов Алексея, он шустро вскочил и уставился через стекло на хозяина умными глазами: «Что, домой?»

— Нет, Саянчик. Еще не домой.

Поехав по деревне прямо к берегу Днепра, Алексей остановил машину у крайнего по улице дома пред Днепром — дома Яшки, посигналил. Яшка сам открыл калитку, молча поздоровался за руку с охотоведом, пропуская его без слов к себе во двор. Алексей давно знал этого хромого молчаливого старика, более того, закрывал глаза на мелкое «хулиганство» старика на Днепре. Яшка на своей самодельной плоскодонке мог иногда ночью выплыть на Днепр половить рыбу «пауком»³³, да жаки³⁴ ставил в тихой пойме Днепра. Во-первых, яжелый это труд — таскать на глубине и на течении паук, одновременно правя лодкой, но жил Яшка на самом берегу Днепра, поэтому Алексей особо не ругал деда за его не вполне законное занятие, а в ответ в качестве благодарности Яшка много интересной и полезной для охотоведа информации рассказывал ему при встрече. Яшка гордился своим положением «общественного инспектора», а его крестьянское мелкособственническое отношение к днепровским богатствам позволяло ему с помощью директора охотхозяйства сохранять относительное спокойствие на «его» участке Днепра, протяжённостью не менее десяти километров вниз по течению, беспощадно выживая браконьеров, если они постоянно и регулярно появлялись в «зоне его влияния». Это, естественно, устраивало и Алексея, ведро крупной рыбы, которое ловил дед за ночь — не такой уж и большой ущерб для Днепра, а вот пользу от его информации оценить материально было трудно: она была бесценна. И сегодня Яшка рассказал, что да, распахивал он участки на дачах этой весной и потом еще запахивал грядки на зиму. Того клиента, которого ему прислала Станиславовна, дай Бог ей здоровья, запомнил хорошо, потому что видел у него на даче сети, которые сушились на заборе, а на веранде висели рога лося — не сброшенные, а вырубленные топором вместе с лобной костью.

— Да еще, — вспомнил Яшка, — был случай, когда этот дачник вечером на машине проехал к Днепру один, а вернулся с Днепра под утро с полным салоном людей. То есть, людей этот человек забрал с реки.

— Ты думаешь, электроудочкой ловили?

— Может, электроудочкой, а может, сплавными³⁵ сетями.

— А чего ты мне не сообщил?

— Как не сообщил? Я сразу же тебе и позвонил домой, подняла трубку жена и сказала, что все передаст тебе, как появишься.

Алексей скривился, как от зубной боли.

— Ты мне можешь описать, как к нему на дачу проехать?

— Хм. Конечно. Я и номер машины записал, марку, правда, не знаю — иностранная, а номер я записал на календаре, подожди, сейчас принесу.

Он сходил в дом, принес листок из отрывного календаря:

— Вот номер машины, а вот имя и адрес на даче.

— Подскажи мне, пожалуйста, где там эта улица Виноградная, дом три, чтобы мне сразу легче было этот домик найти,

³³ Сетевой подъемник: сеть, размером обычно 2х2 метра, натянутая квадратом на концы металлических прутьев, вставленных в крестовину, к которой шнуром крепится подъемный шест.

³⁴ (Белорусск.) Специальная клетка, в старые времена сплетенная из ивовых прутьев, а в наши дни часто из металлической сетки — для ловли рыб под водой.

³⁵ Сети, которые не ставят в воду (ставные), а которые пускают вниз по течению реки параллельно берегам.

— Так это, если ехать от переезда в сторону торфоболта, то за перекрестком первая улица направо и третий дом от начала, тоже справа. Забор большой, а во дворе большой вольтер для собак и в нем две собаки — пегие гончие. И джип во дворе.

— Отлично! Спасибо, дорогой. О том, что я приезжал, никому ни слова. Понял? Особенно Станиславовне.

— Что, браконьеры?

— Да, и опасные.

— А я и так никогда никому не говорю, что с тобой дружу — себе дороже, упаси, Господи.

— Ну и правильно. Не надо никому это знать. Все, спасибо еще раз, я поехал.

Теперь охотовед точно знал, куда и за кем ему ехать. Он понял, что Вова Зубанов не забросил свои грязные дела, что продолжает браконьерничать с друзьями и что пришло время наказать его по полной программе, а светит ему теперь настоящая тюрьма. Позвонив из дома Яши егерям о срочном сборе, он в течение часа подобрал двоих егерей, шофера посадил за руль, успев оставить уставшего кататься Саяна у тестя во дворе. Дом номер три нашли сразу, да и джип стоял прямо у закрытых ворот. Алексей, Луговинов и Черных быстро вошли во двор через незапертую калитку и сразу поняли, что приехали они «по адресу». Во дворе никого не было, но у крыльца сразу бросилась в глаза большая колода с красным от крови топором в ней. В вольтере у собак с толстыми боками валяются обгрызенная голова дикого кабана с грубо отрубленной нижней челюстью, куски костей хребта. Собаки даже и не подумали залаять, увидев чужих людей. Луговинов вытащил из колоды топор и засунул его под крыльцо — от греха подальше. Зашли в веранду. В корыте и в тазиках в воде, покрытой коркой льда, замачивается мясо дикого кабана. В доме застали еле живых от выпитого спиртного и съеденного мяса браконьеров, среди которых оказался и сам Вовочка Зубанов. Браконьеры удивлённо и ошарашенно уставились на вошедших гостей пьяными, мутными глазами, но Вовочка пришел в себя быстрее всех. Неожиданно он схватил со стола самодельный финский нож и бросился с ним на Алексея с хриплым криком: «Убью, падла!». Ударом ноги в живот его остановил Луговинов. Как упал, так и замер, скорчившись на полу, Зубанов, а Алексей попросил егерей забрать в УАЗ стоящие у окна расчехленные ружья и поискать что-то похожее на всей даче. Черных быстро занес оружие в машину, а Луговинов собрал со стола, заставленного жирными тарелками с кусками мяса, с бутылками из-под водки и засаленными гранёными стаканами три ножа, маленький топорик для рубки мяса. Открыл буфет, откуда извлек десяток патронов с пулями и картечью. Там же хранилась и заводская лампа-фара для ночной охоты, ее трогать не стали. А вот систему для ловли рыбы электротоком, найденную в открытом сейфе для хранения оружия, Алексей поставил прямо на жирный стол. Обыскав машину и самих браконьеров, нашли и документы. На все про все ушло не более получаса. Алексей отправил шофера вызывать оперативную группу и прокурора, а сам не спеша достал из сумки протоколы и, устроившись на довольно чистом и дорогом диване, стал заполнять первые строки: точное место составления протокола, точное время, фамилии нарушителей, наименование документов, на основании которых установлены личности нарушителей, существо нарушения и какие нормы КоАП были ими нарушены, где, когда, каким образом. Браконьеры, кроме Вовы, лежащего на полу и, кажется, тихо спящего, быстро протрезвели и неумело пытались уговорить директора охотхозяйства не писать протоколы и замять дело. Тот лишь отмалчивался, а когда хозяин дачи, покопавшись в возвращённом ему портмоне, достало оттуда столетнюю купюру и протянул ее Алексею, обиденным голосом произнес: «Свидетели! Попрошу внимания — взятка!». А потом зло добавил, глядя в глаза стоящему напротив с протянутой купюрой браконьеру: «Себе на адвоката и сухари побереги — пригодятся!».

Через час приехала милиция и помощник прокурора района Лайков Алексей Григорьевич. Фомин отдал им копии протоколов, пописанные свидетелями и нарушителями, кроме Вовочки. Оружие, несмотря на протест оперативников, отдать отказался, ссылаясь на то, что

протоколы составлены им самим и он сам лично завезет изъятое оружие, копии протоколов, как положено, в РОВД и там сдаст все по квитанции. Возмущенному прокурору сказал просто: «Если что-то не так, не по закону я делаю, пишите на меня протокол, потом в суде разберёмся». Прокурор, поколебавшись, уступил, только и пробормотав: «Баба с воза — кобыле легче... Совсем страх потерял, охотовед...».

— Повестку можете не выписывать, — ухмыльнулся охотовед, я в понедельник к вам заскочу, посмотрю, как вы их будете выгораживать.

— Фомин, — строго прервал его прокурор, — я вас когда-нибудь призову за клевету.

— В армию?

— Что «в армию»?

— Призовете...

— Шутник? Смеется тот, кто смеется последним.

— Слава богу, это не я, гражданин советчик юстиции.

— Не советчик, а советник.

— А какая мне разница? Давайте прощаться, оставляю вам этих мясоедов. Мои вещдоки по делу с описью найдете в РОВД. До свидания. По машинам, мужики.

— Эй, а мясо?

— Мясо — это уже ваши вещдоки, занимайтесь им сами, товарищи милиционеры, следователи и прокуроры. Я все внес в протокол осмотра помещения, записал в акт, браконьеры и свидетели подписали. А дальше — дело ваше.

В машине егеря пристали к начальнику с вопросами о том, как он вышел на браконьеров, если машина приехала к даче по расчищенной от снега и укатанной следами машин дороге? Как он узнал о браконьерстве черт знает где, на дачах, если сам пошел с Саяном на охоту совсем в другую страну?

Он только хмыкнул и коротко ответил: «Работать надо, мужики». Егеря притихли: где-то директор был и прав — большинство случаев браконьерства и информацию по ним добывал всегда он сам и уже потом ставил всех перед свершившимся фактом...

Таня, несмотря на то, что приехал опять поздно, встретила его приветливым поцелуем, обрадовалась привезённой куннице, гладила и даже жалела ее, «бедненькую». Не спеша снял в ванной шкурку, натянул ее на правилку и поставил до утра на балкон, и только после этого сам принял ванну и, немного перекусив, завалился в теплую постель к жене: завтра воскресенье, можно будет и отдохнуть с семьей...

Утром проснулся, как обычно, в половине шестого. Тихо, чтоб не разбудить жену и ребенка, поднялся и ушел на кухню. Достал из холодильника мясо на косточке, фарш и, как это и было заведено в их семье самим хозяином, если он на выходные оставался дома, стал готовить завтрак и обед, пока все спят. Мясо отделил от косточки и саму кость бросил в кастрюльку с холодной водой — вариться. Бросил в сковороду кусочки сливочного масла и на масле обжарил куски нарезанной мякоти мяса, — мясо, обжаренное на масле с двух сторон до корочки, в супах и в кашах всегда сочнее, ароматнее, мягче и нежнее. Чуть позже добавил туда же нарезанные мелко кусочки лука. Поджаренные куски мяса вбросил в кипящий с косточкой бульон, а сковороду опять поставил на огонь и, дождавшись, пока растопится жир, разложил в ней квашеную капусту: она будет жариться и тушиться до тех пор, пока не примет слегка коричневатый оттенок. Задел для щей из кислой капусты готов. Второе блюдо на сегодня — перловая каша, которую в его семье мог готовить только он. Немногие любят и хвалят такую кашу, потому что: не замочили крупу с вечера или не промыли ее тщательно холодной водой перед готовкой, потому что бросают крупу не в холодную, а в кипящую воду, мало кто умеет вовремя заправлять кашу мясом, обжаренным с луком, морковкой, чесноком и тмином, и, уже готовую, оставляет ее томиться на часик под плотным покрывалом. Следующее блюдо — обычный компот. Алексей, промыв в проточной воде две пригоршни сухих яблок, забросил

их в эмалированную кастрюльку, залил холодной водой и поставил на газ. Закипевший компот сразу же снял с огня, вбросил чайную ложку сушеных лепестков красного чая каркаде и три ложки сахара: компот будет готов через часик. Последним штрихом кулинарного изыска на сегодня стали толстые блины, то есть обычные блины на погашенном содой кислом молоке. Но Алексей не жалел для них яиц и пред самым снятием со сковороды ненадолго прикрывал их крышкой, чтобы разбухли. Блины получались толстыми, ароматными, аппетитными и надолго никогда не залеживались в тарелке на столе. Когда завтрак и обед были в принципе готовы, он достал из антресолей свой рюкзак, где постоянно хранился рулон пищевой фольги, решив сходить с семьей сегодня в рощу и там на костре приготовить жареное в фольге мясо. Он достал из холодильника куриные бедрышки и крылышки, смазал их сливочным маслом, солью, чесноком и перцем, завернул каждый кусочек плотно в фольгу, перемеживая кольцами лука и тоненькими ломтиками сырого картофеля. Десять таких «конвертов» посчитал достаточным на троих, спрятал их в рюкзак, где булькнула подозрительно тяжелая фляжка. Вскоре притопал сначала сонный сынок, а за ним и улыбающаяся жена. Таня поцеловала мужа:

— А что нам папа сегодня приготовил такого вкусного?

— Умывайтесь и садитесь к столу: завтрак и обед готовы. А для тех, кто хорошо покусает — поход в лес. Костер, снежную бабу и белочек на соснах я обещаю.

— Ура, ура, мы едем с папой в лес, — запрыгал радостно сын и сразу же попытался усесться на свое место за столом, но быстро был водворён в ванную мамой мыть руки и чистить зубки.

После завтрака Алексей сходил в гараж, прогрел «Волгу» и подогнал к подъезду, где его уже дожидались экипированные для такого случая жена и сын. Костер, жареное на углях в фольге мясо с домашними блинами, горячий, сладкий, с кислинкой от каркаде яблочный компот из термоса, тайком от сына глоточек-второй спирта из фляжки, неудачная попытка слепить снежную бабу из сухого снега и «разговор» с шустрыми белками — так и пролетело полдня до обеда, пора уже и домой. На обратном пути по расчищенной от снега дороге из рощи, растущей прямо за древней, в которой и жил с семьей Алексей, заехали к Днепру. Днепр зимой, даже скованный льдом и укрытый толстым слоем снега, казался могучим спящим сказочным великаном. И Алексей, конечно же, знал и представлял, какая неистовая сила кроется сейчас подо льдом, какая разнообразная и насыщенная жизнь днем и ночью протекает в холодной глубине этого на вид безмолвного и сонного царства под толстым слоем снега и льда. И не только подо льдом. Норки, например, истоптали заснеженные лед и берег у льда своими тропками, даже заяц перебежал с берега на берег, видимо решив поискать вкусных кормов и заячьего своего счастья на противоположном берегу, куда летом ему дорожки перекрыты водой. Алексей молча любовался заснеженной долиной Днепра, а его жена и сын тоже притихли, глядя на синюю полосу заснеженного леса за днепровским лугом на той стороне, на следы норок у берега, на летящего куда-то по своим дела черного ворона в почти бесцветном холодном небе. Фомин оглянулся на притихших жену и сына, улыбнулся, увидев красные щечки сына, счастливые глаза жены: он счастливый человек, потому что с ним безотлучно его любовь — любовь в семье, любовь к природе, к работе. Словно угадав его мысли, жена прижалась к его холодной щеке своей и прошептала: «Я очень люблю тебя, Фомин...»

Суд отправил-таки Вову Зубанова на два года в колонию. Как он не изворачивался, как не пытался обелить его защитник, как не пытались его оправдать общественные защитники — его «коллеги» с рынка, срок он получил. Подельники, которые присутствовали в суде, заявили, что дикого кабана застрелил Володя, а они только ждали его на машине в лесу. Было видно, что такой спектакль, чтобы избежать отягчающих вину обстоятельств «группы лиц по сговору»,

задумали сами браконьеры со своими адвокатами, и им это почти удалось. Суд назначил им относительно мягкие наказания: штрафы за участие в транспортировке и разделке мяса незаконно добытого дикого кабана, а также солидарный иск в возмещение нанесенного природе и охотхозяйству ущерба. Директор охотхозяйства Алексей Фомин, присутствующий на суде, не стал обжаловать приговор — тяжбы в суде были ему на самом деле в тягость, а юрист в охотхозяйстве — непозволительная роскошь. Главное, считал Алексей, что браконьеры вычислены, пойманы и привлечены к ответственности, возмещен ущерб и наступило хоть какое-то возмездие и социальная справедливость.

Зима в тот год выдалась снежной. После января, когда главная охота на копытных закончилась, основным направлением работы охотничьего хозяйства стала выкладка кормов для диких животных, охрана угодий от браконьеров и охота на волков. Кроме того, егерями начались проводятся первичные, предварительные учеты диких животных в своих егерских обходах: на подкормочных площадках, на постоянных переходах — по следам, в местах естественных кормежек — с вышек визуально. На подкормочные площадки выкладывались тонны кукурузы, зерноотходов, картофеля, сотни килограмм желудей и яблочек-дичек, собранных осенью школьниками и егерями. В кормушки для косуль и оленей закладывалось лесное сено, подсоленные при сушке веники из веток осины и ивняка, сама соль. В эти кормушки, было видно по следам, даже запрыгивали зайцы-беляки и белки. Для лосей, с разрешения лесхоза и по их лесорубочным билетам, подрубались осины в местах, где планировались санитарные выборочные или сплошные рубки. Дикие звери с наступлением сумерек направлялись к своим подкормочным площадкам, оставляя на рыхлом снегу глубокие следы или широкие тропы. Поедая корма на подкормочных площадках, они протаптывали снег до самой земли; бывало, что приезжающие на подкормочную площадку утром егеря заставали прямо там спящих днюющих диких кабанов или выбирающих из кормушек сено капризных косуль.

В один из таких морозных дней директор охотхозяйства уже не в первый раз на лошади, запряженной в сани, объезжал угодья одного из егерских обходов с целью посчитать диких копытных, посещающих подкормочные площадки, посмотреть на саму выкладку кормов и проверить наличие кормов в кормохранилищах на этом участке. Машину не стал брать, так как большой снег и скрытые под снегом ямы и колеи на дорогах вызывали большой расход топлива. В это время шофер Саша, как обычно, проводил техническое обслуживание автомобиля в гараже охотхозяйства на базе. Алексей Фомин только по одним следам мог определить, какой здесь зверь прошел, его возраст, время, когда зверь здесь был в последний раз. Даже если прошло целое стадо, он спрыгивал с саней в глубокий снег и столько шел за стадом по следам, пока не находил место, где звери разделялась, расходилась на подкормке или в местах дневной лежки, и уже там он тщательно и скрупулезно пересчитывал их по одиночным следам. И хотя до официальных учётов в феврале еще было далеко, но каждый егерь уже приблизительно, с точностью плюс-минус десять процентов мог доложить охотоведу, сколько крупных и мелких диких охотничьих животных обитает постоянно именно в его егерском обходе. А Алексей сверял их данные со своими записями и наблюдениями, и, если находил несоответствие или большую разницу, то сразу же поднимал вопрос перед егерем и ждал его объяснений и аргументации его информации. Егеря это знали и всегда были готовы к каверзным вопросам со стороны охотоведа.

Проверяя одну из подкормочных площадок, еще на подъезде к ней он обратил внимание на следы человека, который на лыжах вышел прямо к подкормочной площадке, истоптанной до самой земли дикими кабанями. Привязав коня, Алексей прошел по следам человека и понял, что тот внимательно изучал тропы диких кабанов именно на подходах их к подкормочной площадке, а так делают только браконьеры, готовясь установить на таких тропах петли. Пройдя по следам лыжника километра два, Алексей понял, что тот изучал все подходы диких кабанов и даже нашел места их дневных лежек, а потом завернул к деревне Липовка. Вернувшись к

подкормочной, где его дожидался флегматично жующий подброшенное под ноги сено служебный конь Малыш, Алексей развернул коня в направлении дома. Почувствовав, что возвращается в свою уютную и теплую конюшню, коник побежал резвее, и уже до темноты Алексей оставил коня на базе и пересел на УАЗ. В сумерках приехал в Липовку, объехал деревню с большим трудом по нетронутому снегу за огородами от леса и нашел-таки следы лыж, ведущие к одному из домов. Вернувшись своим следом на главную улицу деревни, он подъехал к дому, к которому вели следы лыж, остановился у калитки и посигналил. Вскоре из калитки вышел к машине высокий, слегка сутулый молодой мужчина, остановился, оглядывая машину, а потом сам открыл боковую дверцу со стороны пассажирского сиденья:

— Здорово, охрана природы! Какими судьбами? Что принесло незваного гостя ко мне так поздно?

— Здорово, Семен... Грубишь? Вижу я, ты спортом стал заниматься!

— Ха-ха, литробо́лом, егерь, я давно занимаюсь, а не только начал.

— Нет, Семен. Я имею ввиду лыжным спортом.

— А при чем тут лыжи?

— Так я смотрю, ты вчера весь лес на лыжах исколесил, значит, ты спортсмен-лыжник.

— Что за базар, егерь? Это не твое дело: где хочу там и хожу. Лес не твой, не укажешь.

Ты, что, купил его, этот лес?

— Семён. Ты зря начинаешь тоску наводить. Я видел, что ты по кабаньим тропам таскался, а это плохо, Семен. За петли большой штраф, а за кабана и посадить могут, а ты уже сидел, знаешь, что это такое.

— Слушай сюда, охранник хренов! Если я и удумал петли поставить, то ни у кого спрашивать не буду, а тем более у тебя! Я здесь родился, я здесь вырос, и кабаны эти не твои, а мои, понял? А ты за людское добро этих же людей в тюрьму сажаешь. Смотри, доездишься ты когда-нибудь, уже много людей на тебя огорчены. Ты что, бессмертный? Вали отсюда по хорошему, от греха подальше.

— Я-то свалю, Семен, но ненадолго, имей это виду. Я к тебе приехал предупредить: не лезь, куда тебя не просят и куда собака свой... нос не совала, а то я тебя все равно поймаю. Попадешься — не просись. Лучше своим литробо́лом занимайся.

— Да ты... меня... пугать?

— Я тебя не пугаю, я приехал предостеречь тебя и твоих поделщиков: не занимайтесь беспределом. И все, Семен, на этом базар с тобой закончен. Дальше, как хотите.

— Да пошел ты...

— Ну вот, поговорили. Иди в хату, а то последние мозги отморозишь. А я поехал, как ты и просишь.

Алексей завел машину, включил свет фар и плавно тронулся с места, оставив кипящего злобой Семена стоять в растерянности на улице. Он знал, что проведённая сегодня беседа будет обсуждаться вечером. Придут к Семену его друзья-собутельники, они выпьют и начнут строить планы, как отомстить охотоведу и как добыть мяса, не попавшись охране. И в лесу, если надумают все-таки идти на браконьерство, будут осторожничать, бояться, а значит, надеются на ошибку, что было проверено уже не раз на деле. Профилактика браконьерства благое дело: если и не удастся отговорить нехороших людей от нехороших поступков, то уж припугнуть, заставить торопиться, ошибаться — это и есть смысл такой работы. И Алексей никогда не жалел времени на то, чтобы поговорить с браконьерами о незаконной их деятельности, о которой имел точную и достоверную информацию, где-нибудь на улице, у пивбаров, на рынке — там, где случайно встречались. Конечно, он выступал на собраниях, печатал объявления и разъяснения в СМИ, объявлял по радио свои предупреждения о недопустимости незаконного использования природных ресурсов. Люди знали его, знали машину, знали егерей, знали и требования по охране природы. Большинство простых людей эти требования уважали и под-

держивали, но находилась, конечно, и те, кто держал зло на него, на егерей. Но Фомин знал, что личные встречи и профилактические беседы намного эффективнее таких вот увещаний в газетах и по радио. В таких вот беседах один на один браконьеры, иногда сами того не подозревая, выдавали ему ценную информацию типа: «Вот ты меня ловишь, а Васька — такой-то — всю жизнь рыбу ловит, (или лес валит и продает, или петли ставит, или еще что-то нехорошее делает) а ты его не ловишь: договорились, взятку взял?». А уже будучи предупрежденными, а потом и задержанными, такие люди, как правило, сопротивления большого уже и не оказывали, обреченно давая показания для протокола. Сейчас, несмотря на злые угрозы Семена Зайцева, охотовед ехал и улыбался — дело сделано. Семен уже знает, что за ним охотится охотовед, поэтому будет осторожным, сомнения его начнут одолевать, может, и откажется от затеи добыть дармового мяса в лесу. А нет — будет пойман и наказан. Так было всегда, так будет и дальше.

Заехав к егерю Романенко, он предупредил того о «непрощенных гостях» в его обходе и поручил каждый день на лошади объезжать участок с целью контроля и охраны угодий и подкормочных площадок в особенности, а вечером докладывать о ситуации, особенно вокруг Липовки. Прошла неделя, Василий Степанович каждый вечер по телефону докладывал о ситуации в обходе. И вот в очередной раз он, позвонив ближе к обеду на базу, он сказал, что видел с утра следы двоих лыжников, но полностью проследить их продвижение не смог, так как лыжники шли не по дорогам и не по квартальным линиям, а прямо по лесу, и следы затерялись где-то в непроезжем на коне Липовском болоте. А именно там, на его краю, находится одна из дальних и малодоступных подкормочных площадок, куда он по большому снегу проехать не смог, поэтому вернулся на ферму, откуда сейчас и звонит. Не теряя времени, Алексей предложил егерю оставаться на ферме до его приезда, а сам вызвал шофера и поехал на Липовское поле, откуда был самый короткий путь к Липовскому болоту, куда предположительно ушли с утра браконьеры. Ход хороший, хитрый, — думал охотовед по пути к полю: мало оставляют следов, самый короткий путь к лесу, да и обсесть их по кругу будет очень трудно. Саша уверенно вел машину по глубокому снегу, включив передний мост и «раздатку»³⁶. Он тоже молчал, видя, что директор молчит, думает, давно изучив, что если директор молчит, то лучше не мешать ему думать. Проехав поле и найдя санный след егеря и следы лыж, Алексей попросил остановиться на высоком взгорке и в бинокль проследил, откуда, из каких домов ведет лыжня к лесу. Передав бинокль шоферу, спросил:

— Саша, а кто живет в третьем доме от начала деревни, не знаешь? Посмотри по лыжне.

— Знаю, — вздохнул Саша, вернув бинокль, — там живет отставной прапорщик, Володя Смирнов, который года два как ушел на пенсию, сейчас промышляет торговлей спиртом.

— Спиртом? Не самогоном?

— Да, спиртом. Он работал в лётной войсковой части, на складах. Думаю, спирта у него в загашнике целая цистерна.

— Хороший хоть спирт?

— Ну вроде никто еще не умер... Он еще дрова людям продает. Маленький трактор у него, он сам заготавливает и развозит по деревням.

— А лесорубочный билет есть?

— Не знаю. Вряд ли.

— Ты его в лесу опознаешь?

— Конечно.

— Ну и хорошо. Поехали, Саша, назад. Проедем до кладбища у леса, там оставим машину и пойдем им наперерез. Обрежем со стороны от деревни Косичи.

— Я думаю, Алексеевич, нам надо идти по их следам.

— Почему? Что ты задумал?

³⁶ Вал отбора мощности.

— Ну, допустим, пойдем мы им наперерез. Встретим. И что? Гуляют люди по лесу, свежим воздухом дышат...

— А по следам мы найдем их петли как доказательство их вины, так думаешь?

— Конечно. Посчитай, Алексеевич. Поставить одну петлю — не менее пяти-семи минут надо. У каждого «нормального» петельщика будет сбой не менее двадцати петель, а то и больше. Чтобы расставить все петли, им надо не менее трех-четырех часов, а ушли они утром. Значит, они уже где-то идут к нам навстречу. Поймаем и составим протоколы — по факту и по следам на месте преступления. Я — свидетель, если что.

— Ну, скажем, не преступления, а административного правонарушения. А так, дай подумать, может, ты и прав. Давай так и сделаем, Саша. Поехали по их следам до леса.

Они с трудом доехали до леса и, оставив машину и закинув за плечи служебные ружья, на лыжах по протоптанной чужой лыжне углубились в лес. Вскоре следы лыж, по которым они шли, разошлись в разные стороны. Охотовед и шофер, включив радиостанции, тоже разошлись в разные стороны по протоптанным следам чужих лыж, договорившись включать радиостанции через каждые десять минут, чтобы сэкономить питание на морозе. Проехав по лыжне примерно километр, Алексей увидел, что человек, по следам которого он шел, свернул по кабаньей тропе в сторону. Пройдя по этой тропе, Фомин обнаружил установленные петли: пять петель были установлены в молодом еловом подросте, аккуратно замаскированные в густых лапках елочек прямо на кабаньей тропе. Следы диких кабанов были свежими, да и до подкормочной площадки оставалось немного. Эта подкормочная площадка была запасной, резервной, так как подъезд к ней осенью и зимой был очень сложным. Корма завозились в кормохранилище главным образом осенью на лошадях, зерноотходы складывались в конце лета целыми прицепами под навес, а более ценные корма — в бочки и деревянные ящики в самом хранилище. Василий Степанович зимой добирался до подкормочной на лошади, а то и пешком, выкладывал корма раз в неделю, в то время как дальше в лесу были подкормочные, на которых корма выкладывались буквально через день. Алексей быстро развязал и снял петли, составил на скорую руку протокол о петлях, найденных в угодьях, дождался назначенного времени и вызвал по радиостанции шофера:

— Второй, ответь первому.

— На связи...

— Нашел что-нибудь?

— Да. «Проволока» — десять штук. Что делать?

— Снимай. Пиши протокол о бесхозных петлях, снимай быстро и иди дальше, возможно, скоро встретимся с нашими клиентами. Кстати, ты где?

— Я возле горелого дуба.

— А, так мы рядом! Хорошо! Я уже возле подкормочной.

— Так и мои следы ведут уже туда же, к подкормке.

— Отлично, значит, шуруй быстро по следам, скоро тут станет жарко.

— Да мне и так же жарко, пар валит.

— Давай, давай, скоро начнется кино с дракой и погоней. Связь больше не выключай, если догонишь браконьера, дай знать сразу же выстрелом вверх, как понял?

— Понял. Вы тоже так?

— Да, до встречи, конец связи.

Пройдя около двухсот метров, услышал впереди характерное шуршание снега под широкими лыжами: ему навстречу двигались люди. Забросив в стволы два патрона дробин, Алексей вызвал шофера по радиостанции:

— Ты где?

— Уже рядом с подкормкой.

— Отлично. У меня гости, жди сигнал и сразу же шуруй ко мне напрямую по лесу, как понял?

— Понял, я уже и так начинаю срезать наперерез, Алексеевич, держись там.

— Подойдешь осторожно, пусть тебя увидят в последний момент, конец связи, — уже шепотом закончил Алексей.

Скрип снега приблизился, Алексей, в белом маскхалате сошел с тропы, спрятался за дерево и вскоре увидел идущих на лыжах ему навстречу двух человек. Первого узнал сразу — Семен. Второй, полный и высокий мужик, шел за Семеном легко, размашисто вскидывая лыжные палки. Когда до браконьеров оставалось метров пятнадцать, охотовед вышел из-за дерева и выстрелил вверх. Заметил, как дёрнулись браконьеры, и усмехнулся:

— Я директор охотничьего хозяйства Фомин. Вы задержаны при установке петель на диких кабанов в угодьях охотничьего хозяйства, что запрещено законом. Вот мое удостоверение. Предупреждаю: при первой попытке оказать сопротивление, буду стрелять на поражение. Убивать не буду, но ноги отстрелю. — И в подтверждение своих твердых намерений, он преломил стволы и выбросил стреляную гильзу в снег, заменив ее на снаряженный дробью патрон.

— А теперь ходим ко мне по одному: будем знакомиться и составлять протоколы об установки вами петель. Гражданин Зайцев — первый. А вы, гражданин Смирнов, стойте пока в стороне и не дергайтесь. Оказание сопротивления — отягчающие вину обстоятельства для следствия и для суда.

Браконьеры уже пришли в себя, и Зайцев заорал:

— Какого, на хрен, следствия? Какого суда? Ты чего стреляешь и пугаешь честных людей в лесу, а? Сам пойдешь под суд.

Он двинулся на Алексея, но тот понял ружье, направив стволы на Семена: «Стоять на месте, Зайцев!»

Но Семен и не думал останавливаться, он прямо на лыжах бросился на Алексея, схватил ружье за стволы и попытался вывернуть их из рук охотоведа. Но Алексей выдернул из его рук стволы и, в доли секунды развернув ружье, ударил браконьера прикладом ровно в лоб. Ахнув, Зайцев схватился за лицо и присел в снегу. Сквозь пальцы показалась полоска крови, и он начал снегом размазывать кровь по лицу

— Я же тебя предупреждал, Семен, что сопротивление усугубляет твою вину, — прорычал Алексей, застегивая наручники на выпачканных кровью запястьях, — а ты мне не верил. Я говорил тебе не ходить в лес с петлями, а ты пошёл и соседа с собой протянул, на беду. Теперь будете отвечать за деяния группой лиц — я вам это устрою. Теперь ты, Смирнов, понимаешь, куда ты влез? Накроется твоя торговля спиртом, накроется твой дровяной бизнес. Уже сегодня у вас обоих дома произведут обыск — это я вам обещаю. А теперь иди сюда ты, Смирнов, покажи свой рюкзак.

В это время из-за деревьев, свалив с елочек лавину снега, на лыжах выкатил Саша и, увидев сидящего на снегу Семена, подскочил к Смирнову:

— Здоров, Вова-кусок! Попался, спиртовоз?

— Саша. Он хочет признать свою вину и смягчить ответственность. Так, гражданин Смирнов?

Смирнов, затравленно оглядываясь по сторонам, вдруг запросился:

— Саша! Ты же меня давно знаешь. Было, вместе рыбачили на Днепре. Я не виноват, скажи своему директору, Саня. Это вот Семка попросил с ним скататься за мясом. Сказал, что с охотоведами и егерями у него все схвачено, подлец. Я по пьяному делу согласился — без умысла и без групповухи, честное слово. Я протокол подпишу и чистосердечное признание сделаю, что петли ставил с ним — не надо обыска, товарищ директор. Спиртом угощу, настоящим, медицинским, целую флягу дам — только отпустите. Любой штраф заплачу.

— Тамбовский волк тебе товарищ, но добровольное признание вины — это хорошо. Подойдите ближе, гражданин Смирнов, представьте свои личные вещи для досмотра и ответьте на вопросы для последующего составления протокола о нарушении Правил охоты...

Смирнов открыл свой рюкзак, в котором лежали петли, топор, нож, бутылка спирта и закуска, все вытряхнул не снег. А Саша открыл рюкзак Семена: петли, топорик, еда, нож. А вот в кармане куртки Саша нашел самодельный мелкокалиберный пистолет и патроны к нему.

— Ого, Семен, — удивился Алексей, — а это уже уголовное дело. Придется-таки тебе сухари сушить. А я же тебя предупреждал, помнишь?

— Сухари я не первый раз сушу, егеря, а вот тебе теперь придется бояться. Я тебе не Вовочка Зубанов, готовься.

— Еще хочешь по лбу, фраерок? Что молчишь? Думай лучше, кем ты в очередной раз из тюрьмы выйдешь. А пока не мешай работать, пока я тебе рот чем-нибудь не заткнул.

Он допросил Смирнова, составил протокол, а в графе «пояснения нарушителя» Смирнов честно написал, что ставить петли ему предложил его сосед Семен Зайцев. Петли изготовил тоже Семен Зайцев. Пистолет у Семёна он видел и раньше. Вину признает и раскаивается.

— Ну, что ж. Теперь твоя очередь, Семен, каяться, — Алексей открыл чистый лист нового протокола.

— Ты что, поп, что б я тебе каялся? Пошел бы ты..., — Семен сплюнул под ноги охотоведу.

— Не хочешь — воля твоя. Хотя, твоя воля уже недолгая. Так и запишем: «От показаний и от подписи отказался. При задержании оказал вооружённое сопротивление. Свидетели, подпишите.

— Ты что, сука, в свидетели пошел? — заорал Семен на Смирнова, — я тебе хату спалю, гад...

Побелевший Смирнов подошел к Семену и тихо-тихо, почти шепотом сказал ему: «Увижу, пьянь подзаборная, тебя ближе ста метров от моего забора — убью и своим кабанам по кусочкам скормлю. Слышишь? Зачем ты пистолет взял, урод? Ты хочешь, чтобы я с тобой под уголовную статью попал? Этого не будет: за то, что с тобой пошел — отвечу, а больше я тебя не знаю. Расход, Сема, мне детей поднимать надо, а не по тюрьмам с тобой шататься, не обессудь...».

— Ну вот и поговорили, точки на i поставили. Молодец, Смирнов. Ты — мужик, я вижу! Твой барыжный спирт мне неинтересен, а вот с лесом на дрова, что ты продаешь людям, — подвязывай. Проверю, имей ввиду.

— Товарищ охотовед. Я дрова продаю законно. За работы по уходу в молодняках получаю лесорубочный билет на заготовку дров при расчистке лесосек вместо денежной оплаты. Этим и зарабатываю — молодняки триммером обкашиваю и в этом тоже польза лесу.

— Ну ладно. Проверим имей ввиду. А сейчас уже темнеть начало. Я вас отпускаю — ждите повесток в РОВД и в лесхоз.

— Как отпускаете?

— Просто. Вам, Владимир, пора домой, а этот псих пусть тут подумает о жизни.

— Э, егеря. Ты так не шути. Сними браслеты и отпусти подобру-поздорову. Сам в милицию приду.

— Все слышали? Ну тогда ладно. Дернешься еще — привяжем здесь к дереву.

— Не дернется он, гражданин охотовед. И в милицию мы оба придем. Вы идите, а мы сами тут поговорим немного о жизни и пойдем домой потихоньку. Да, сосед?

Но Семен даже не глянул в его сторону.

— Ну, смотрите сами. Мы пошли. А ты, Володя, найди время и заедь ко мне на базу, есть нам о чем поговорить, есть у нас общие интересы, как мне кажется...

— Спасибо, я уже и сам подумал, обязательно приеду.

— Ага! И спиртяги «палёной» не забудь ему привезти, чтоб подох, гад.

— Заткнись, Сема, последний раз тебя прошу.

— Ну вы решайте тут свои вопросы, а нем некогда. Жду тебя, Володя. Пошли, Саша...

Когда они добрались до машины, уже совсем стемнело. Василий Степанович ждал на ферме. Он уже договорился со сторожем оставить коня на ферме, чтобы завтра забрать его с утра, а сам поехал с директором: надо же узнать подробности начатого им дела, авось и премия выгорит за бдительность.

На следующий день Фомин приехал домой с работы уже в темноте. Насторожили стоящие у подъезда чужие машины.

— Алексеевич! Наверняка к тебе гости. Может, я подожду малек?

— Ну, постой, если не торопишься. Кто такие, не знаешь?

— Вижу, кто-то в военной форме — подполковник какой-то.

— Ну, значит, точно это ко мне. Может, летчики с Быкова? Ладно, Саня, постой немного.

Он вышел из машины, и сразу же открылись двери у стоящих у подъезда машин, из них стаи выходить люди и с натянутыми улыбками направились сразу к Алексею. Среди них он узнал бывшего прапорщика Смирнова, которого задержал накануне в лесу.

Именно Смирнов первым и заговорил:

— Здравствуйте, Алексей Алексеевич. Вот, как обещал, так сразу и приехал.

— Хм. Хорошо, что приехал, но почему так поздно и почему домой?

— А мы подумали, чего откладывать?

— Мы?

— Ах, да. Познакомьтесь, пожалуйста. Это бывшие мои сослуживцы: подполковник Максимов Геннадий Михайлович — заместитель командира части по политподготовке, — один из офицеров протянул руку, — и подполковник Егоров Игорь Петрович — заместитель командира по тылу, — и второй офицер поздоровался за руку.

Замполит улыбнулся и предложил:

— Алексей Алексеевич. Приятно познакомиться, о вас давно слышали, но все как-то не выпадало подъехать... Я, кстати, тоже охотник. Уже поздно, а мы Вас тут почти час прождали, немного замерзли. Домой не напрашиваемся — давайте к нам в машину или к вам на базу. Немного перекусим, по чарке за знакомство, как Вы?

— Я против, уже поздно пить. Вы извините, рад знакомству, но, думаю, вы приехали не просто познакомиться. Давайте перейдем к делу.

— Да дел как-то особо и нет. Мы хотели познакомиться, поговорить. Может, вам помощь какая от нас понадобится. Спирта вот привезли канистрочку — пригодится в хозяйстве. Закуски хороший набрали прямо из нашей базы военторга. Раз Вы устали, мы не настаиваем. А вот сумочки наши примите, пожалуйста, — за знакомство.

— Сумочки ваши я не приму, спасибо, конечно, за предложение. Я таких подарков не принимаю, не обессудьте. А вот знакомству рад. И сотрудничеству буду тоже рад. Если есть желание, давайте договоримся о встрече официально. Приезжайте ко мне на работу — там все и обсудим. Устраивает?

— Конечно, конечно, хотя, сумки-то возьмите, не обижают нас, мы же охотники, почти коллеги.

— Нет и еще раз нет. Если у вас все, то давайте пока закругляться, товарищи, извините, что не приглашаю в дом, жена не ждет гостей.

— Э-э, Алексей Алексеевич. А можно один вопросик? — Замполит бросил сумку обратно в открытую дверцу машины, в ней что-то звякнуло.

— Конечно, конечно. Слушаю Вас.

— Я бы хотел поговорить о Володе Смирнове.

— Слушаю Вас.

— А можно ли как-то протокол на него убрать?

— В смысле «убрать»?

— Я не знаю. Может, просто порвать его, а Володя потом отработает в охотхозяйстве столько, сколько надо.

— На эту тему я с вами говорить не буду. Те, кто меня знают, они точно не пошли бы ко мне с такими вопросами. Смирнов попался — и он ответит. И так я не накручивал ему по полной, потому что он сразу понял, что не с теми людьми связался. Штраф заплатит — и ладно. А вот подельника его, я знаю, уже милиция в клетку забрала. Кстати, а вы, Смирнов, были в РОВД?

— Конечно, были, — за него ответил замполит, — и мы там все утрясли. Осталось дело за вами.

— То есть?

— В РОВД согласны наказать Смирнова по-своему, им надо, чтобы вы свой протокол на него отозвали. И они согласны спустить ему все грехи, если говорить честно, но при условии, что вы заберете протокол.

— Эх, товарищ Максимов. Милиция ввела вас в заблуждение. Я протоколы зарегистрировал, и их никак нельзя уже забрать обратно. Никак. Так что здесь я вам помочь и не могу, и, если честно, и не хочу. Есть еще вопросы ко мне?

— Жаль, конечно, Алексей Алексеевич, что так получилось с Володей. Мы с ним друзья, может, подскажете, что можно сделать?

— Хм. Перестать спирт продавать на дому — раз. Не наглеть при разработке лесосек — два. Заплатить штраф по решению суда — три. Вот и все условия, товарищи офицеры. На этом честь имею. До свидания.

Он пожал протянутые руки, махнул Саше: «Езжай», но Саша дождался пока не уехали машины незваных гостей. Алексей ушел к себе в подъезд, и только теперь вспомнил, что обещал жене ящики под рассаду: опять будет ворчать. Но Таня сама, наверное, забыла про ящики и начала рассказывать, что к нему приезжали очень интеллигентные военные, вежливые, культурные, предлагали оставить в квартире для Алексея большой саквояж, но она наотрез отказалась, зная, что он этого не одобрит. Накрывая на стол ужин, она расспрашивала о том, как прошел у него день, кто это за люди, что приезжали, что они натворили, раз саквояж предлагали. Алексей неохотно рассказал об инциденте с браконьерами, похвалил ее за проницательность и напомнил о том, что ничего и ни у кого брать нельзя, даже нарочно припугнув, что там может быть граната. Таня согласно кивала, а когда прижалась к нему в своем пестром халатике, он подумал, что хорошая у него жена: не всякая женщина вытерпит такого мужа и такую его работу. Вспомнил, что договорился с начальником отдела культуры горисполкома о билетах на концерт приезжающей в ближайшее время в город эстрадной поп-звезды, но говорить не стал: пусть будет сюрпризом для любимой женщины. Она и так уже смирилась с тем, что мужа иногда нет дома сутками, хотя некоторые из подпруг-одноклассниц, знал Алексей от нее самой, нашептывали ей, что не потерпели бы такого вот к себе отношения, что, мол, не может быть, чтобы не бегал по бабам, приезжая то ночью, то под утро: «Ой, такими глазищами иногда твой муженек как глянет, что хочется самой раздеться. Точно — бабник!». Ее такие вот разговоры обижали, и подруг у нее становилось все меньше и меньше, а оставшимся она, смеясь говорила: «Мой Фомин — однолюб. Он любит только меня одну!». Знала Таня, что большинство людей в округе уважают ее мужа, а сплетни были и будут. Больше пяти лет они уже вместе, а кажется, что один день. Сейчас, глядя, как голодный муж уплетает горячие макароны с котлетами, она выговаривала ему, что как всегда утром он забыл приготовленный в дорогу «термосок», что вечно голодный целыми днями по лесам ездит. Или кто-то там в лесах, может, его подкармливает? Он улыбался, отрицательно махал головой, запивая макароны холодным яблочным компотом. Она безумно любила его, но, в очередной раз ложась в холодную постель

одна, когда он не возвращался к ночи домой с работы, наутро устраивала ему, вернувшемуся холодным, голодным, пропахшим бензином, сигаретами и уставшим, очередной скандал, хотя потом и жалела об этом, переживала, зная, что он любит ее своей особой настоящей любовью, что работа его — это его настоящая жизнь, это его выбор и кто-то все же должен делать эту важную и ответственную работу, а значит, с этим придется мириться. Но женщина есть женщина. Упрямая, красивая, гордая, она привыкла к вниманию, поэтому периодически и возникали у них дома неприятности в виде выяснения отношений. Сейчас, поужинав и вымыв за собой посуду, он подошел к ней, поцеловал, прижав к себе и виновато улыбнулся:

— Тань, ты стели и ложись. Я чуть позже подойду, надо кое-какие бумаги дописать.

Таня вздохнула: а ведь никто не отменил и его директорскую работу. Он и бухгалтер, он и экономист, он и кадровик — все в одном лице. Планы, сметы, отчеты, акты, приказы, путевые листы, списание средств, начисление зарплаты — она наперечёт знала, какие деловые бумаги пишет по ночам ее муж. А еще — ревизии, проверки. А каждое свое рабочее утро ее муж обязан был начинать в рабочем кабинете, в приёмной которого его всегда ждали разные люди: охотники, владельцы охотничьих собак, деловые люди с разными вопросами и даже жены охотников. Она расстелила кровать, проверила, как спит сын и тихонько легла. Засыпая, ощутила легкие прикосновения и поцелуи шеи, уголка губ. Не открывая глаз, улыбнулась, обхватила руками его за шею и притянула к себе... Уснув, она и не заметила, и не услышала, как он тихонечко поднялся, оделся и ушел на кухню, где лежали на столе неразобранные бумаги. Включив калькулятор, посчитал прибыль гостиницы охотбазы, составил табель учета рабочего времени егерей, водителя и горничных, составил акты списания кремов, выложенных для подкормки животных за месяц. Двадцать кубометров доски, которые они получили, распилив на колхозной пилораме практически бесплатный сухостой, продали, возместили все затраты охотхозяйства по подкормке за месяц, включая и топливо, которого в зимний период уходит в полтора больше, чем летом. Посчитал, что пятьдесят процентов от оклада в этом месяце можно начислить егерям в виде премии. Составив план на следующий месяц для совещания с егерями, сложив документы в папку, в два часа ночи пошел спать в уютную и теплую кровать.

Встав, как всегда в половине шестого утра, обнаружил, что телефон отключен: эх, Таня, Таня. Подключил телефон, и сразу прозвучал звонок.

— Алексеевич, — позвонил егерь Черных, — извини, что так рано. Но я знаю, что ты встаешь в это время.

— Так! Что случилось?

— Волки пришли.

— Где, когда, откуда?

— Вчера мне позвонили с фермы из деревни Косичи. Работники видели волков, когда ехали на дойку.

— Точно видели волков, а не собак?

— Говорят, точно.

— Куда они шли?

— Волки шли открыто по полю в сторону скотомогильника³⁷

— Ага! Верю. Что дальше?

— Я думаю, что они могли залечь на день, как обычно, в молодом сосняке, помнишь?

— Конечно. Планы?

— Как скажешь, шеф. Надо ехать искать.

³⁷ Специальный карьер или отдаленное недоступное место, куда целиком сбрасываются туши случайно погибших или падших от болезней животных с ферм колхозов и частных подворий.

— Хорошо. Собирай егерей, берите флажки³⁸ и езжайте в Косичи. У меня сегодня приемный день, поэтому я смогу подъехать только к обеду, не раньше.

— Хорошо, понял. Мы уже созвонились, все ждут команды. Так мы поехали?

— Как и на чем?

— До Косич поедem на моей машине, а там в колхозе, может, возьмем коня, и Степаныч туда подтянется. Перекинем флажки — и дальше на санях.

— Где встречаемся в час дня?

— Где? Давайте на углу молодняка у высоковольтки.

— Договорились. Ни пуха вам...

— Алексеевич. Я вслух всего вам не скажу, но уже подумал... хе-хе...

— Давай, давай, шептун. До встречи.

Бросив трубку, он увидел, что на кухне суется жена в ночной пижаме. Подошел к ней, обнял за талию:

— Ты чего так рано. Я тебя разбудил, извини.

— Ты уже уезжаешь? Сейчас, подожди минутку, я соберу тебе перекусить, неизвестно, когда вернешься.

— Ах ты моя заботушка. Ну, давай, пригодится, наверное. Володя Черных волков нашел, я беру оружие, из города сразу поеду в лес.

— Я даже не спрашиваю, во сколько ты приедешь, Леша, но буду ждать тебя. Что тебе вкусенького приготовить на ужин?

— Мать! Самое вкусенькое у меня — это ты! Дай поцелую.

— Ты опоздаешь, собирайся. Я тебе к вечеру твоих любимых колдунов приготовлю, с грибочками.

— И себя...

— Ну тебя, ты все об одном, — она засмеялась и ласково потрепала его по шевелюре, — береги себя и возвращайся скорее. Я тебя очень жду. Мы тебя вдвоем любим и ждем...

Какое замечательное, волшебное и необычайно красивое это зрелище — снегопад зимой. И никогда он не бывает скучным, неинтересным или однообразным так же, как и не бывает в самой природе ничего абсолютно скучного и одинакового. Стоит только подумать, только захотеть и только присмотреться, чтобы увидеть, понять и залюбоваться необычно фантастической снежной феерией снегопада. Вот, тихо и плавно кружась, падают крупные сверкающие снежинки и мягко ложатся на немного посеревший и слежавшийся снег. И если хорошо прислушаться, то можно услышать их тихий шелест-шуршание, как будто оживленно шепчутся они между собой, а может, тихо смеются, радуясь веселому, плавному кружению и своему долгожданному прибытию на землю после долгого путешествия в облаках. А иногда в тихую и безветренную погоду можно заметить медленно падающие очень крупные, прямо как из ваты, снежинки и, подставив ладошку и поймав такую красавицу, можно успеть рассмотреть и недолго полюбоваться роскошным ажурным плетением лучиков-кристалликов, созданных самой природой почти только что у тебя на глазах. Но, попав на теплую ладошку, такая снежинка, словно несбыточная мечта, медленно и незаметно тает, растворяется и исчезает навсегда, превратившись в холодную капельку кристально чистой, прозрачной воды: непонятно ей, холодной красавице, наше теплое и ласковое прикосновение и восхищенное любование ее нежными, но

³⁸ Окладные флажки — это куски материи, обычно красного цвета, пришитые к длинной, в несколько километров толстой бечеве или капроновой нити и затем намотанные на специальные катушки. К слову, волки цвет не различают, и красный цвет флажков — это всего лишь дань традиции людей-охотников.

ледяными лучиками. Слетев капелькой с ладошки в снег или испарившись в морозном воздухе, она чуть позже вновь обязательно вновь вернется на землю неповторимым ажурным плетением полупрозрачных, почти призрачных и невесомых кристалликов.

А иногда, где-то замешкавшись, спешит, торопится природа с воплощением в жизнь своих зимних планов — и несется по земле настоящая зимняя метель, крутит снежная пурга, и разбрасывает вьюга снежной пылью мелкие и колючие снежинки. Кажется, сами снежинки торопятся вместе с природой: в снежном вихре намечают они сугробы, замечают лед на реках и лесные опушки. Летит, закручивается по лесам, по полям и улицам снежная карусель, укрывая белыми шапками и шубами деревья, машины, заборы и крыши домов. Ни неба, ни земли не видно из-за неисчислимой снежной армии малюсеньких колючих и холодных снежинок, только что спустившихся с серых облаков. А веселый и озорной ветер подгонят все новые и новые тяжелые серебристо-серые облака, чтобы, проснувшись однажды, мы, люди, с улыбкой в лучах яркого, хоть и холодного февральского солнышка, с восторгом увидели сверкающее разноцветными приливами великолепное убранство принесенного матушкой зимой белоснежного сверкающего покрывала. А какая это красота — заснеженный зимний лес! Это какое-то неземное, сказочное царство кажущегося белого безмолвия среди накрытых белыми шубами пушистых «стожков» молоденьких, и не очень, елочек. Крикнешь, а в ответ «ватная», глухая тишина. Словно эта вата поглотила звук, словно исчезло, замерло или замерзло здесь все живое. Но это безмолвие только кажущееся: вот посыпался с ветки снег — это лесная синичка весело заскользила по стволу старой сосны, тихо шурша замерзшей корой. А вот звонко заскрипел снег и на полянку выбежала пара белоснежных зайцев-беляков, которые, весело гоняясь друг за другом, оставляют на нетронutom покрывале снега цепочки своих следов. На рассвете с высокой елки полетала на снег рыжая скорлупа еловых шишек — белки выбрались из своих уютных гнезд подкрепиться после снежной метели, которую они переждали в своих гнездах из переплетенных на развилке толстых сучьев веток и утепленных травой, папоротником и своим мехом...

Вдруг неожиданно возникший тихий и мелодичный посвист идеально вписывается в гармонию умиротворенной зимней природы. Такой нежный, такой мягкий, такой естественный, он слился с шелестом падающих снежинок, с шуршанием и скрипом снега под ногами, с блеклой синевой зимнего неба. Это поют снегири. Они — птицы зимы, они, можно сказать, символы зимы, вместе с этими пушинками, с этим скрипом, с этим холодным небом. Как и сама зима, они появляются неожиданно, но своим прилетом они, как это ни странно, согревают наше сердце и душу, радуют глаз и слух оперением ярко-красных грудок и нежным пением. У снегирей своя жизнь и свои заботы. Неспешно, без суеты кочуют они с места на место маленькими стайками, находят семена только им известных растений, лакомятся красными и подслащенными морозом ягодами рябин и калины. Они пролетели сотни и тысячи километров по холоду, по метелям, по морозу, потому что природа придумала нам такой подарок: одни птицы улетели в дальние страны, спрятавшись на время от зимы, а другие — прилетели из далеких мест к нам, хоть и в зиму. Ярко-красные ягодки, склеванные снегирями, иногда падают капельками в снег и остаются там до весны. Придет весна — далеко улетят вместе с зимой снегири. Другие птицы прилетят, вернуться с юга. А алые капельки ягод прорастут и превратятся во взрослые, спелые кусты, которые через годы увенчаются рубиновыми гроздьями под белоснежными шапками и станут неотъемлемым символом настоящей зимы вместе с морозами, сугробами, метелями и уникальным подарком природы — снегирями.

Проходят сутки, двое, пурга и метель неожиданно стихают. И лишь только опустились сумерки на заснеженный лес, со своих лежек в снегу поднимаются голодные дикие кабаны. Оставляя в рыхлом снегу глубокие борозды, они пробираются к подкормочной площадке для диких зверей, устроенной людьми. Здесь насыпаны бурты зерноотходов, кучки картофеля, початки кукурузы, дикие яблоки и желуди. В крытые еловым лапником кормушки-ясли зало-

жено лесное сено и подсоленные осиновые веники, а в поваленной на краю поляне осине, в специально вырубленных в стволе корытцах, выложена крупная каменная соль. Подойдя к подкормочной площадке, дикие кабаны сначала остановились в лесу у края поляны и замерли, прислушиваясь и принюхиваясь, ожидая команды — разрешения вожака на выход к подкормке. А на поляне у кормушек с сеном уже кормятся несколько косуль. Им особенно тяжело в эту пору глубоких снегов, поэтому и не уходят они вовсе далеко от подкормки, устроенной людьми. Первыми не выдерживают искушения ароматной, пахучей пищей молодые поросята. Пренебрегая опасностью и угрожающим сопением хозяйки-вожака, они бросаются по старым, заметенным тропам к навесам, смачно чавкая, начинают лакомиться зерном. За ними, не выдержав, выходят на открытое место и другие дикие кабаны. Последним к подкормке подошел самый осторожный дикий кабан — огромный секач. Подняв шерсть на загривке, он разогнал в стороны сородичей, разрыл рылом с мощными клыками бурт зерноотходов, смешанных с желудями и дичками-яблоками. Из бурта с писком в разные стороны бросились мыши — полевки, прячась в глубоком снегу. Но всем спрятаться не удалось: из стоящего невдалеке кормохранилища мгновенно выскочила лесная куница, в прыжке поймала под снегом зазевавшуюся плевку и тут же, зажав в зубах извивающуюся добычу, скрылась под надежную защиту дощатого убежища кормохранилища. Дикие кабаны, увлеченные поеданием кормов, казалось, не заметили удачной охоты куницы, а вот испугнутые кабанами и внимательно наблюдающие за происходящим сверху белки подняли нешуточный переполох, завидя куницу: громко «цокая», они забегали по заснеженным ветвям елей, сбрасывая вниз целые лавины сухого снега. Сквозь толстое снежное одеяло нависшего на ветвях снега донесся волчий вой. И хоть старые дикие кабаны знали, что этот вой им не опасен, что в это время у волков «свадебные» игры и турниры, — этим и вызван этот страстный вой, — стадо всё же покинуло поляну и углубилось в лес — подальше от появившихся грозных хищников. Заяц-беляк добежал до края болота и остановился почти под ногами трех лосей, обгладывающих кору с поваленной ветром толстой, старой осины. Заяц знал, что под такой надежной защитой ему нечего бояться. И прибежавшей по свежему заячьему следу запыхавшейся лисице ничего не оставалось, как разочарованно и зло твякнуть хриплым голосом на лосей, на зайца и, замечая следы пушистым хвостом, убраться восвояси. Мороз крепчает. На черном небе, сквозь высокие, белоснежные и такие же пушистые как снег облака, выглядывает золотой диск Луны. Где-то жутко и тревожно заухал филин; еще чаще затрещали выстрелами от мороза деревья. Не замирает и не замерзает жизнь в ночном зимнем лесу. Наоборот, лес наполняется движением коренных своих обитателей, а белоснежное покрывало девственного, искрящегося мириадами алмазов-снежинок снега, все больше и больше расчерчивается полосами, бороздами, цепочками их следов спустя всего лишь сутки после затянувшейся метели...

Хотя гон у волков³⁹ еще не начался, но пара волков уже ушла из своей стаи. Матерый семилетний волк и его шестилетняя подруга, с которой они вместе были уже четвертый год, решили в этом году больше не участвовать в волчьих турнирах, поединках. Они — семья и, хотя волк был в стае вожаком, а она его первой помощницей, можно сказать, вторым по значимости и влиянию членом стаи, сейчас они почувствовали необходимость остаться одни и уйти в те места, где волчица когда-то сама родилась и где она уже три года подряд приносила их общее потомство — пепельно-черных, славных, хотя сначала еще слепых и беспомощных щенят. Четверо из одиннадцати волков их стаи были как раз последним их выводком прошедшей весны, еще три — взрослые уже волчата двух весен отроду, остальные — прибавившиеся к стае когда-то чужие волки. Принятые в стаю чужие волки полностью подчинились власти матерого и волчицы, но приход гонного «свадебного» месяца февраля вскружил голову молодым волкам, они стали заигрывать с волчицами прошлого и позапрошлого выводков — это

³⁹ Февраль — период брачных турниров, сезон спаривания, «свадеб» у волков.

закон природы: приближалась пора «волчьих свадеб». Каждую ночь самцы, стараясь показать свою силу и ловкость молодым волчицам, устраивали между собой драки и показательную грызню между собой. Обиженные и побежденные, лишенные внимания самок волки взывали в ночное небо, бродили вокруг стаи, оставляя на снегу многочисленные следы, в отличие, например, от обычных переходов волков, когда они очень большие расстояния, до двадцати-тридцати километров, идут цепочкой, точно след в след так, что даже опытному охотнику не всегда сразу удаётся узнать количество прошедших цепочкой по тропе волков.

Уйдя из беспокойной стаи, волк и волчица знали, что осенью они все, кто не погибнет от грозных и острых клыков секача, от мощных копыт лося или от руки коварного человека, обязательно здесь же встретятся и вновь создадут большую и грозную стаю из тех, кто был в ней раньше, и тех волчат, которые обязательно должны будут родиться у всех волчиц предстоящей весной. Матерый и волчица держали путь к большому моховому болоту, среди которого располагались сухие высокие гряды-острова, заросшие старыми елями и соснами вперемежку с ольхой, березами и осинами, густым малинником и высокими папоротниками. Там они собрались встретить весну, и там же, на одном из островов у волков было их логово, в котором волчица собиралась принести на свет свое потомство. Были на островах и запасные логова, которые волчица устроила на всякий случай, как учила ее этому когда-то ее мать. По пути к болоту волки наткнулись на широкую и глубокую полосу-борозду следов диких кабанов в снегу: стадо прошло совсем недавно. Волк, шедший первым, остановился, потянул воздух чутким носом: в воздухе витает резкий запах самца дикого кабана и приятный, терпкий запах молодых свиней. Волк оглянулся на волчицу: стаи нет, а они уже вторые сутки, кроме пойманного зазевавшегося белячка, который достался почти целиком одному волку, ничего не ели. Волчица, не опустив по обычаю хвост перед взглядом матерого волка, смело посмотрела ему прямо в глаза своими желто-зелеными глазами. Волк понял ее взгляд поддержки и, постояв секунду, заспешил по кабаньим следам, пригнувшись и постоянно чутко прислушиваясь к звенящей ночной тишине февральского леса. Когда запах диких кабанов стал очевидным и даже нестерпимым, волк вновь оглянулся на сосредоточенную волчицу и сошел с тропы, «поплыл» по глубокому снегу, против ветра обсекая расположившееся на днёвку стадо. Оставшись одна, волчица немного постояла, а потом медленно пошла по кабаньей тропе прямо к самому стаду. Сытые кабаны, вернувшись с подкормочной площадки, расположились на днёвку в густом ельнике на краю большого лога, поросшего толстыми осинами. Некоторые из них еще ковырялись в незамерзающей даже в лютый мороз грязи лога, отыскивая солоноватые грязные корешки, остальные, разрыв снег до теплой и мягкой лесной подстилки, расположились в таких ямах-окопах на весь предстоящий день. Волков в округе не было давно, гон у диких кабанов уже закончился, поэтому исхудавшие за зиму и за время зимних брачных боев за самок секачи легли не в стороне, как обычно под ветер, а в самом стаде. Этим и воспользовались волки. Незамеченным, матерый волк обошел стадо и притаился в снегу напротив предполагаемого ухода диких кабанов от волчицы, а сама волчица, почуяв волчьим чутьем, что волк уже должен быть на месте в засаде, решительно и с шумом скрипящего снега, бросилась прямо в стадо. Первые из диких кабанов, кто заметил приближавшуюся волчицу, вскочили со своих лежек и, заухав-зарывав, бросились в разные стороны, за ними стали разбегаться и другие дикие кабаны, не понимая пока еще причины паники. Волчица выбрала себе молодого подсвинка и поймала его за сухожилие задней ноги. От боли тот завизжал и попытался сесть на задние ноги и, развернувшись, укусить врага. Но волчица изловчилась и вцепилась ему прямо за нос. Визжа, поросёнок пытался освободиться от мощных челюстей, но хватка волчицы не ослабевала, и упускать добычу она не собиралась. Но тут неожиданно из-за елочки, ссыпав целую гору снега, выскочил огромный секач и сразу, подняв шерсть на загривке, звонко клацая огромными и острыми желтыми клыками, бросился на волчицу, спасая поросенка. Пришлось оставить поросенка и отпрыгнуть в сторону, спасаясь от острых клыков секача. В это же время завизжал

дикий кабан в другом месте. Секач хотел бежать и туда на помощь, но и его, развернувшегося, полоснула своими клыками мгновенно бросившаяся за ним волчица. Секач присел, мгновенно развернулся и, рыча, громко сопя, стал гоняться за вёрткой волчицей, а между тем визг в ночи потихоньку перешел в храп и чуть позже совсем затих. Секач, убедившись, что все кабаны разбежались, а волчицу ему не догнать, громко зарывав и с достоинством подняв кверху толстый хвост с кисточкой на его конце, скрылся в заснеженных зарослях молодого ельника. Наступила тишина. Волчица пробежала по кровавым каплям на следах удравшего от нее порося, поняла, что его уже не догнать, и вернулась к месту лежки стада. По запаху нашла своего волка, который разорвал кожу на животе добытого им подсвинка и наслаждался вкусным теплом жирных потрохов. Волчица, поджав хвост, сторбившись, приблизилась к волку, глотая слюну, но тот зарывал и осалил клыки, давая знать, чтобы она пока не смела подходить. Обиженно оскалив в ответ свои клыки, волчица тем не менее прилегла на снег рядом и стала ждать, не сводя глаз со своего волка: закон есть закон, он — вожак. Волк, наконец немного насытившись, вырвав печенку, отошел с нею в сторону, дав возможность и волчице приступить к трапезе. Позже они уже вдвоем грызли тушу, иногда рыча и оскаливая клыки друг на друга. Ближе к утру от кабанчика осталась шкура в ошметках и красные толстые кости. Отлежавшись весь день недалеко от места добычи порося, вечером волки продолжили путь по заснеженному лесу к конечной цели своего пути. На рассвете, переходя чистое поле из одного массива леса в другой, волки увидели вдали большую машину, которая ехала по расчищенной в снегу дороге. Машина ненадолго остановилась, но потом вновь поехала дальше. Постояв, пропуская технику, волки по старой памяти пошли к скотомогильнику, хотя голода пока еще и не чувствовали. Скотомогильник много раз выручал волков в прошлые годы. Волкам было невдомек, почему люди туда выбрасывали туши падших животных, но для них это было местом легкой добычи качественного для них пропитания. Чуть подгнившее, издающее сильный и резкий запах мясо волки съедали охотно и много: им же кормили своих подрастающих щенят, так как логово находилось на расстоянии половины ночного перехода от этого карьера. Пробежав по кустарнику вокруг карьера со скотомогильником в поисках возможной опасности и не найдя ее, волки спустились в карьер. Здесь и нашли съеденную наполовину тушу коровы, которую нагло объедали три «родственницы» — рыжие пушистые лисы. Разогнав лис, волки немного погрызли замерзшее мясо, а потом направились к своему болоту. Но на пути их застал рассвет, и волки решили на дневку остановиться в подростом густом сосняке в трех-четырёх километрах от логова, тем более что к логову им идти еще не было никакой надобности: волчица только-только стала чувствовать изменения своего организма в подготовке к главному событию их семьи этой поры года...

Егеря Луговинов и Черных приехали в деревню Косичи на машине Черных. Здесь с разрешения председателя колхоза они запрягли в сани колхозную лошадь, загрузили туда же окладные флажки и поехали на санях к карьере, где был устроен скотомогильник. Где-то там их должны были ждать на лошади егеря Романенко и Леднев. По пути заехали в магазин, где купили «перекусить», а если точнее, то две бутылки водки к имеющимся в достаточном количестве салу с луком, вареным яйцам с хлебом от сердечных своих жен: «Мороз на улице, как они там, бедные, в лесу». А о спиртном с женами, естественно, и речи быть не могло. Дорога к карьере была набита техникой, коник на морозе бежал скоро, поэтому к десяти утра егеря встретились у самого карьера, где Романенко сообщил, что действительно двое волков, побывав под утро в карьере, ушли в сосняк, скорее всего, на лежку. Сразу же, не мешкая, приняли решение объехать сосняк на лошадях и определить, остались ли волки в лесу или ушли чрез поле в другой лес, в сторону большого болота. Как определили егеря, следы были утренними. Поехав в сторону сосняка, с удивлением обнаружили, что на углу, где идет граница с соседним Быковским районом, стоит зеленый УАЗ с будкой, и на ветру колышутся красные флажки, растянутые прямо по опушке леса, куда вели следы волков.

— Да ну ты что! — заругался Луговинов, — кто-то нас опередил в наших же угодьях. Что будем делать, мужики? Директора же нет, а как приедет, нам нагоняя даст за опоздание?

— Поехали, посмотрим, а там видно будет, — рассудительно ответил Романенко, и двое саней закрипели полозьями по наезженной дороге в сторону непрошенных гостей. Подъехав к машине, обнаружили, что люди ушли растягивать по лесу окладные флажки на волков, а в машине остались пустые чехлы от оружия и вещмешки с рюкзаками охотников.

— Это машина Быковского лесхоза, — определил Романенко, — я их знаю.

— Кто такие? Почему у нас и без нашего разрешения?

— Сейчас узнаем, вон они уж чешут к нам на всех парах.

И вправду, к машине на лыжах приближались люди в белых маскировочных комбинезонах, с оружием за плечами. Когда они подошли к саням, стоящим недалеко от машины, Луговинов, достав удостоверение, вышел им навстречу и представился:

— Здравствуйте. Я егерь охотхозяйства Луговинов Александр. Вот мое удостоверение. Кто у вас старший, представьтесь, и все приготовьте свои документы для проверки.

— Здравствуйте, добрые люди. Хорошо работает лесная охрана у Фомина, завидую! — вперед вышел вспотевший охотник, достал из-за пазухи свои документы. — Мы коллеги. Я охотовед Матвеев из Быковского лесхоза. Со мной официальная бригада по борьбе с браконьерами и хищными животными. Вот мои документы и наш список с печатями, а документы на оружие у всех охотников на руках, они их представят, если это понадобится. Извините, коллеги, за вторжение — мы по следам идем за волками уже второй день с нашей территории и вот нашли их у вас. Не знали, что вы так быстро нас засечете. А где же сам Алексей Алексеевич? Будет нам порка, — высокий, поджарый, в камуфлированном костюме под военным офицерским бушлатом, подвижный и энергичный, несмотря на уже где-то давно за пятьдесят с виду, Матвеев виновато улыбнулся.

— Вы тот самый Матвеев? Приятно с вами познакомиться. А наш директор будет скоро, не сомневайтесь, — буркнул Луговинов, рассматривая документы. — Прошу всех предоставить оружие и документы на него, а также и охотничьи билеты для проверки.

— Так, мужики, — скомандовал охотовед Матвеев, — достаем все документы, не надо перечить представителям закона на их территории. Пожалуйста, товарищ егерь, смотрите, проверяйте.

Луговинов внимательно изучил все документы, несколько раз выборочно сверял номера оружия с предъявленными документами. Вся проверка заняла не более пятнадцати минут.

— Что ж. Все документы в порядке. Вы охотитесь на законных основаниях, но это наша территория, поэтому мы включаемся в охоту.

— Никто не спорит. Предлагаю вам возглавить охоту и поставить номера...

— Ну что ж, хорошо. Представляю наших егерей, — и Луговинов представил каждого из присутствующих егерей, включая самого себя. — Поскольку территория наша, как и договорились, номера буду ставить я, и охотой руководить буду тоже я. Есть возражения? Нет...

— Одну секунду. А кому достанется трофей? — раздался не очень довольный голос со стороны приезжих охотников.

— Не стоит делить шкуру неубитого медведя. Или волка. Но на ваш вопрос отвечу: трофей достанется тому, кто добыл зверя сам или тому, кто добрал подранка. Согласны?

— А куда нам деваться! Флажки хоть поможете собрать после охоты?

— Хм, собрать на лошадях, конечно, быстрее. Поможем, куда и нам деваться. Давайте я проведу инструктаж — и с Богом.

— У нас, правда, не хватает двух человек пока, — заметил Матвеев, — они напросились еще раз пройти вдоль флажков, поверить все.

— Хорошо, надеюсь, у них с документами все в порядке — я же все равно потом проверю.

— Не сомневайтесь, это офицеры, порядочные люди.

— Ну ладно. Время идет. Начнем.

Луговинов достал свою полевую сумку, записал в блокнот фамилии всех охотников и прочитал первичный инструктаж при коллективной охоте на волков в окладе. И в это время все услышали, что где-то нутужно ревет двигатель еще одного УАЗа, а вслед за этим из-за угла леса со стороны Бовшево выскочила машина охотхозяйства.

— А вот и наш директор, — засмеялся Василий Степанович, — кто бы сомневался, что он приедет!

На полном ходу, взрывая волны сыпучего снега из-под колес, УАЗ подъехал к охотникам, и из остановившейся машины выпрыгнул директор Фомин с карабином в руках. Тепло и приветливо поздоровавшись за руку с Матвеевым, с егерями и с приезжими охотниками, он обратился с Луговинову:

— Саша, как дела? Документы проверил? Протокол на Матвеева составил? Шучу, шучу, надеюсь, Юрий Геннадьевич нас не подвел? — он глянул на Луговинова.

— Да, с документами все в порядке, Алексей Алексеевич. Два волка в окладе, со слов наших коллег. Правда, двух охотников не хватает — они обходят флажки. Инструктаж я провёл и собирался уже ставить людей на номера, — доложил Луговинов.

— Ну что ж, Юрий Геннадьевич, ты своих людей знаешь. Скоро вернуться твои следопыты? Или ты уже своим глазам не доверяешь, — поддел он охотоведа лесхоза.

— Они идут по нашим следам, проверяя постановку флажков и оставляя свой запах на флажках, пропуская их через ладони⁴⁰. Мы по пути их встретим, они и станут на номера, куда покажете.

— А откуда волки пришли, Геннадьевич?

— Да мы их уже второй день преследуем. Они с нашего района к вам двинули, сбив нас с толку. Мы искали стаю, а стая была точно. Видимо, эта пара отделилась ночью и рванула к вам, а стая осталась где-то у нас. Прозевали, упустили, вот к вам и приехали. Виноваты, будем наливать. У нас, кстати, спирт хороший с собой. Может, по чуть-чуть: «на ход ноги, за вострый глаз»?

— Хм. Вы там в Быкове все живете на спирту лётном или водку когда-нибудь покупаете?

— На охоте спирт — важное дело. Раны там перевязать, от холода согреться. Удачу замочить, костерок разжечь...

— Хитер ты, Геннадьевич. Но у нас табу на спиртное до охоты, так что не обессудь. Да и мы в том году волков прозевали. Где-то было у нас логово, но мы поздно спохватились, в августе только нашли здесь же, на скотомогильнике, следы волчат, и они увели в вашу сторону. Там за сосняком есть большое болото, но это уже ваша зона. Я в том году хотел там поискать логово, но постеснялся нарушать границы.

— Все может быть. Волчица могла прийти сюда опять со своим кавалером. Следы на снегу — волка и волчицы.

— Да, скоро гон у волков. Возможно, все та же пара. Оставили прибылых⁴¹ на попечение переярков и старших, а сами смылись на свою свадьбу.

— На медовый месяц, — улыбнулся Матвеев.

— Ну да. Не на Канары, конечно, но для волков и для их охоты места здесь хорошие, зверя много у нас.

— Ну что ж, Алексеевич, тогда и мы начнем свою охоту?

— Давайте, пора...

Пожелав всем традиционно «ни пуха, ни пера», Фомин поручил Луговинову расставить номера в окладе и ему же идти в загон по волчьим следам, чтобы поднять их с лежки, а сам

⁴⁰ Волки боятся не столько самих висящих тряпочек-флажков, сколько запаха человека, исходящего от них.

⁴¹ Волчонок этого года рождения.

предупредил всех, что лично он будет стоять с карабином на высоковольтной линии внутри оклада. Дойдя до ЛЭП⁴² с Василием Степановичем, который остался караулить машины и для связи, отправил его на угол леса, где и проходила административная граница двух районов, разжечь костерок, греться и ждать окончания охоты или дальнейших указаний. А сам, снарядив патронами магазин своего «Лось-4», загнав патрон в патронник и поставив оружие на предохранитель, зашагал по глубокому снегу внутрь оклада, пробираясь опушкой леса по кромке широкой линии ЛЭП. Алексей хорошо знал эти места и с выбором места для номера проблем у него не стояло. Дойдя до самого высокого места на высоковольтке, он спрятался за заснеженную елочку, застегнул на все пуговицы и завязки свой белый маскхалат, накинул на вязаную шапочку белый чехол, пошитый вручную женой, втоптал под ногами снег, чтобы не скрипел, и замер. Постояв немного, провел мелком по стволам карабина, дабы не так бросался в глаза издали, вскинул карабин к плечу и стал рассматривать широкую линию ЛЭП и прилегающий лес в оптику. Линия спускалась от этого места вниз, а там, по логу, знал Алексей, метрах в ста от него, постоянный переход для любого зверя. Примерно через час глухо прозвучал гудок в стволы ружья⁴³ егеря Луговина о том, что он нашел лежку в окладе, поднял зверей — охота началась. Как и всегда в таких случаях исчез мороз, пропал холод, и наступило самое настоящее волнение, адреналин всколыхнул нервы и кровь, обострилось зрение, напрягся слух — охотник превращается весь во внимание. Алексей снял карабин с предохранителя и, опустив приклад к бедру, ствол приподнял на уровне глаз. Такая стойка для быстрой вскидки и мгновенного выстрела выработалась у него уже очень давно, и сейчас все это он делал практически на автомате, даже не задумываясь об этом. Оптика пристреляна на сто пятьдесят метров прямого выстрела. Если цель будет намного ближе, стрелять придется под обрез, если дальше — немного выше. Но на расстоянии от ста до двухсот метров погрешность небольшая, можно не заморачиваться, стрелять по центру. Полуоболочечная пуля, скорость которой превышает тысячу метров в секунду, не даст возможности зверю уйти или уйти подранком. Расстояние на ЛЭП легко определить визуально: от столба до столба — двести пятьдесят метров...

Вдруг на опушке леса, метров за сто пятьдесят от себя Фомин заметил какое-то шевеление: что-то серое мелькнуло среди маленьких ёлочек, посыпался снег. Моментально вскинул карабин и сразу поймал в оптику... косулю. Алексей прервал задержание дыхания, улыбнулся. Самец косули с маленькими мохнатыми рогами грациозно прыжками по глубокому снегу стал перескакивать линию, а за ним, кажется, зависая на мгновения в воздухе, перескочили ЛЭП и три самочки косули. Серые зимой, они в кустах напоминают волков — надо быть аккуратным и осторожным на охоте. И тут в лесу глухо прозвучал выстрел. Алексей опять сжал в руках карабин, приготовился к стрельбе. Но... Прошло полчаса, и прозвучал сигнал в стволы «Отбой охоты, сбор». Значит, догадался Фомин, как минимум один из волков ушел через флажки. Что ж: охота есть охота. Он поставил карабин на предохранитель и своим следом пошел обратно к Романенко. Скоро егеря соберут с номеров всех охотников, и тогда станет ясно, как прошла эта охота и кто отличился. Один выстрел — это, скорее всего, неудача. Возможно, кто-то сошел с номера и стрелял по волкам или по волку, проходящему между охотником и флажками. В таком случае волку, если он не добыт, ничего не остается, как уходить за флажки — человек с ружьем намного страшнее его запаха на флажках. Поэтому позицию для номера охотника руководитель охоты выбирает у старых волчьих троп и стрелка ставит внутри оклада ближе к флажкам, чтобы зверь не вышел на охотника со стороны спины и в случае неудачного выстрела не получилось бы пугнуть-выгнать волка из оклада через флажки.

Василий Степанович, сидя у костра на очищенном от снега старом пне, жарил на палочке сало. Губы и борода уже блестели от съеденных ранее жареных шкварок, поэтому Алексей, не

⁴² Линия электропередач

⁴³ Охотники зачастую используют для подачи звукового сигнала ствол охотничьего ружья как сигнальный горн.

смущаясь угрызениями совести, вытащил торчавшую в снегу палочку с поджаренными кусочками сала с луком и, обжигаясь расплавленным жиром, стал откусывать маленькие кусочки ароматного и изысканного для большинства охотников и туристов лакомства.

— Ну что, Алексеевич? Замерз?

— Да нет, Степаныч. Ты выстрелы слышал?

— Какие выстрелы? Ах, да, там в лесу кто-то стрелял несколько раз.

— Что? Ты точно слышал?

— А как я, Алексеевич, сидя у костра, что-то услышу, а?

— И то правда. Ладно.

— А кто-то стрелял, Алексей Алексеевич?

— Кто-то стрелял. Один раз. Ждем...

— Помнишь, Алексеевич, в позапрошлом году именно на этой высоковольтке ты хорошего волка взял?

— Да. А лосей сколько именно на этой линии мы взяли. Эх. Хорошие здесь места...

Вскоре подъехал УАЗ охотничьего хозяйства, за рулем которого с невозмутимым видом восседал егерь Луговинов. Остановив машину у самых ног Романенко, он весело выпрыгнул из машины и поддел Степановича:

— Хотел снег со своих валенок сбить, а то сидишь как дед Мороз с куском сала.

— Ну что там, Шура? Как охота? С чем поздравить? — Нетерпеливо спросил охотовед, заметив еловую веточку в шапке егеря

— Ну, как, Алексеевич... Расставил я номера, а сам пошел в загон. Искал лежку, нашел, но волки уже были на ходу. Я дал сигнал и пошел по их следам. Потом следы их там напутались-перепутались, я решил пройти от высоковольтки вниз. И вижу: флажки растянуты не по линии, а срезали угол по густой старой делянке. Я как почувствовал, что пойдут здесь волки через флажки в большой лес, а густота там: метров десять — дальше не видно. Я и маханул через флажки к большому лесу в Быковской зоне. Только до редколесья добежал, стал отдыхать, а через пару минут мимо меня волки бегут из оклада. Обхитрили они окладчиков, пошли по густой делянке через флажки. Я в первого выстрелил и сразу попал ему картечью в бок. А второй сразу же скрылся за большой елкой. Такие во дела, Алексеевич. Волчица ушла.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.